

Pro et Contra

№ 1–2 (48), январь — апрель 2010

Том 14

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Издается с августа 1996 г.

Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

**Заместитель
главного редактора**

Александр Стариков

Редактор

Наталия Марголис

**Ответственный
секретарь**

Татьяна Барабанова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин Эггерт

Евгений Ясин

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Учредитель

Фонд Карнеги
за Международный Мир
(Carnegie Endowment
for International Peace)

Проверка и корректура

Ольга Иванова

Издание осуществляется
при материальной
поддержке
Фонда Макартуров

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 17.05.2010 года. Формат 60x90^{1/8}. Усл. печ. л. 10. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д.25/33. Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ № 2039

© Carnegie Endowment for International Peace, 2010

Так случилось, что в России античеловеческая утопия Маркса была воспринята как руководство к действию. В первые послереволюционные десятилетия большевики последовательно выкорчевывали частную собственность, дух предпринимательства и религию. Были радикально разорваны все традиционные связи: крестьян с землей, нации со страной, и даже безумный

призыв Маркса к уничтожению семьи воплощался на практике. С истреблением аристократии, а потом и крестьянского уклада в России были разрушены самые основы семейной традиции.

Буквально до обобществле-

ния жен и полного отъема детей у родителей дело не дошло, но брак был фактически отменен, а воспитание детей передавалось государству. Идеалом государственно-коллективистского воспитания было раздельное существование детей и родителей: младенцев следовало отправить в ясли, тех, кто постарше, — в детский сад, и тех и других — на пятидневку. Отпуск коммунисты и примерные пролетарии проводили в санаториях, а дети — с детсадом на даче или в пионерском лагере.

Гражданская война породила множество сирот, ряды которых пополняли дети «врагов народа» — отец расстрелян, мать в лагере. Но в ранние десятилетия советской власти дети, лишенные родителей и воспитанные в детском доме, не считались особенно обделенными. Ведь в высшем смысле у всей нации был лишь один «отец» — Сталин, и лишь одна «семья» — государство; как пишет профессор-славист Катерина Кларк, «каждый человек был сиротой, покуда “великая семья” не помогала ему стать личностью».

В стране, где семейная любовь и забота заменялись государственным попечением, примером для подражания закономерно оказывался Павлик Морозов — если за счастливое детство дети благодарили не маму с папой, а товарища Сталина, то и лояльности у них были поважнее родственных.

Но по мере того как большевистское экспериментаторство сходило на нет, коммунистический режим отчасти реабилитировал если не семейные ценности, то хотя бы мир обыденной жизни. Разумеется, это никак не отменяло доминирующей роли государства в воспитании детей, но, по крайней мере, признавало легитимным семейный очаг и домашний уют.

Революционным изменением послесталинской эпохи стало возникновение частного пространства: в построенных Хрущёвым отдельных квартирах люди впервые получали возможность зажить *своей* семьей, создавать собственный семейный уклад и воспитывать детей по собственному усмотрению. Вместо хвалы лучшему другу-детей-великому-Сталину, дети стали петь «пусть всегда будет мама». Отпуск в кругу сознательных товарищей в ведомственном санатории стал уступать место отдыху «дикарями» всей семьей, а городская интеллигенция начала осваивать пешие и байдарочные походы дружескими компаниями и непременно с детьми.

Некоторые ценности частного существования были быстро оценены и усвоены, но советский человек по-прежнему оставался во власти государства, со всех сторон обложенный ограничениями — в заработке, передвижении, реализации собственных талантов и пристрастий. Советский режим смягчился настолько, чтобы позволить гражданину чуть-чуть расслабиться, но решительно не признавал за ним права на самостояние. Впрочем, после десятилетий террора граждане СССР не особенно стремились к независимости, и сфера родительства не была исключением. Советский взрослый привычно склонялся перед авторитетом государства, кто бы ни выступал от его имени — учительница, воспитательница в детском саду, медсестра или нянечка. Каждый из них считал себя вправе отчитать «мамашу» за недолжное поведение и даже нездоровье ее ребенка.

В рамках семьи родители воспитывали детей как могли и умели, но, вручая его детскому саду и школе, послушно встраивались в патерналист-

скую модель, где последнее слово всегда остается за государством.

С распадом СССР враз ослабевшее государство утратило и силы, и желание вмешиваться в жизнь граждан. (Или — при ином, патерналистском, взгляде на дело — бросило их на произвол судьбы.) И хотя в последнее десятилетие патернализм был в значительной степени восстановлен, индивидуальные свободы государство не ограничивает, а быстрое развитие потребительского рынка создает широкие возможности выбора. Российские граждане чувствуют себя неуютно в среде, которая требует индивидуальной ответственности. В частности, сегодняшним молодым взрослым приходится нелегко, когда они осваивают навыки независимого родительства и вынуждены решать, чего же они хотят для своих детей и для собственного будущего.

Понимая, что опираться следует на себя, а не на государство, новые российские родители нередко цепляются за остатки патерналистских представлений и, вместо того чтобы гордиться обретенной самостоятельностью, иной раз с горечью заключают, что «наши дети никому не нужны». Тем не менее трансформация родительства — неизбежный процесс, и одна из его важнейших черт — возникновение родительских ассоциаций. В таких объединениях родители обращаются за помощью и поддержкой к таким же, как они сами, — минуя государство. Так развитие новых родительских практик исподволь подрывает государственный патернализм.

Нынешний номер *Pro et Contra* посвящен возникновению новых ценностей родительства в современной России. **Мария Майофис** и **Илья Кукулин** утверждают, что происходящая на наших глазах трансформация ценностей

выходит за рамки собственно воспитания детей и «является одним из факторов, формирующих гражданское самосознание». **Станислав Львовский** пишет о реакции власти и самих россиян на преступления против детей и о проблемах, связанных с правовой защитой наиболее беззащитной части общества. Темой **Светланы Королёвой** и **Алексея Левинсона** является судьба детей-инвалидов и то, как меняется отношение к ним в нашей стране. По мнению авторов, со временем в России возобладаст представление, что детей-инвалидов следует отдавать в семьи, а не содержать в интернатах. Предметом исследования **Ольги Свешниковой** являются виртуальные родительские объединения. В материале **Екатерины Асоновой** речь идет о том, как развитие рынка влияет на детско-родительские отношения. «Роль родителей, — пишет автор, — стала восприниматься не как обременительная в бытовом отношении, а как налагающая на взрослых большую социальную и этическую ответственность». **Галина Карпова** делится наблюдениями над родительскими ассоциациями в сфере дополнительного образования детей. За пределами «детской» темы **Дэвид Хоффман** дает оценку нынешнему договору СНВ-2 и вспоминает о некоторых эпизодах советско-американских переговоров о сокращении ядерных вооружений. **Антон Олейник** размышляет о властечцентричном характере российского общества и его последствиях для страны. **Алексей Макаркин** предлагает вниманию читателя обзор новых памятников, возведенных на территории России в нынешних условиях, когда «доминирование государства в вопросах “монументальной пропаганды” ушло в прошлое».

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО РОДИТЕЛЬСКОГО СОЗНАНИЯ

6 Новое родительство и его политические аспекты

МАРИЯ МАЙОФИС, ИЛЬЯ КУКУЛИН

«По многочисленным наблюдениям социологов и политологов, состояние российского общества в 2000-е годы во многом определялось патерналистскими настроениями. В этих условиях, как уже несколько раз происходило в истории России, именно сфера приватного, в данном случае — семейных отношений, оказалась единственно возможным пространством обновления общества. Семейные ценности стали постепенно изменяться именно потому, что политические элиты в 1990-е и начале 2000-х годов *не обращали внимания* на этот сегмент, хотя приверженность ценностям семьи присутствовала во всех предвыборных программах».

20 Под знаком ювенальной юстиции

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

«И власть, и общество испытывают, сталкиваясь с проблемами детства и семьи, растерянность, непонимание, страх и сильную тревогу. Этот набор эмоций образует худшую из возможных основ для принятия рациональных решений. Пока происходящие трансформации законодательства находятся в целом в рамках общественного консенсуса. Однако противоречивость объекта действий (то есть ребенка) в сочетании с давлением общества, требующего принятия самых решительных мер, делает нынешнюю ситуацию крайне неустойчивой».

42 Организации негражданского общества

СВЕТЛАНА КОРОЛЁВА, АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН

«Еще недавно изоляция считалась благом для обеих сторон: для самих несчастных, которые не приспособлены к жизни с нормальными людьми, и для избавленного от них общества. Однако сегодня все больше экспертов заявляют: если инвалидов еще в детстве изолировать от общества, то они

обречены оставаться оторванными от него и во взрослом возрасте. Даже сравнительно краткое пребывание изначально здорового младенца в “Доме ребенка” с высокой вероятностью предопределяет дефектность его развития, в результате чего он вынужден и в дальнейшем пребывать в закрытых учреждениях».

61 Российские родители: новое в поведении и мировосприятии

ОЛЬГА СВЕШНИКОВА

«Десятилетия советского опыта, когда государство декларировало, что воспитание детей является его обязанностью, сказываются на поведении родителей и сегодня. Современные родители по-прежнему исходят из того, что государство им должно и недодает. В результате широко распространена формула: “наши дети никому кроме нас не нужны”. Родители ожидают от государства разнообразных видов социальной поддержки. Несоответствие ожиданиям порождает стихийное сопротивление со стороны родителей, которые предъявляют требования детским учреждениям».

78 Новые ценности в детско-родительских отношениях

ЕКАТЕРИНА АСОНОВА

«Преобразования, произошедшие в российском обществе, привели к кардинальным изменениям в жизни детей и их родителей. В первую очередь усилилась детско-родительская зависимость: дети дошкольного и младшего школьного возраста практически перестали оставаться без присмотра или проводить время в “монокомпании” сверстников. Криминальная обстановка 1990-х привела к тому, что детей из хоть сколько-нибудь социально благополучных семей не выпускали на улицу без сопровождения взрослых».

94 Родительские объединения в сфере культуры

ГАЛИНА КАРПОВА

«Ослабление патерналистской государственной поддержки коснулось учреждений детского допол-

нительного образования, бóльшая часть которых относится к сфере культуры. Бюджетным учреждениям культуры предложено перейти в статус автономных некоммерческих организаций, что, с одной стороны, предполагает возможность привлечения дополнительных инвестиций в рамках “государственно-частного партнерства”, а с другой — приводит к сокращению бюджетного финансирования учреждений культуры».

СТАТЬИ

100 СНВ-2: последуют ли продолжение?

ДЭВИД ХОФФМАН

«Россия сейчас — капиталистическое государство. Соединенные Штаты помогли ей наладить работу фондовых рынков в Москве и потратили миллионы долларов, субсидируя демонтаж российского оружия времен холодной войны. РФ торгует акциями “Газпрома” на Уолл-стрит, а сеть бензозаправочных станций “Лукойла” обосновалась на Восточном побережье США. Так в чем же смысл ядерного сдерживания в этом контексте? Возможен единственный ответ: каждая сторона имеет ракеты, нацеленные на ракеты другой стороны».

111 Властелины рынка

АНТОН ОЛЕЙНИК

«Властечцентричное общество — а российское является именно таковым — не смогло бы пережить постсоветские реформы и ряд глубоких политических и экономических кризисов без целенаправленных действий со стороны власть имущих по сохранению зависимости граждан от власти. Иногда правителям просто везло, однако по мере того, как Советский Союз уходил все дальше в прошлое, они приобретали все большую власть. Что это за люди и какое место в институциональной структуре они занимают?»

127 Памятники современной России

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН

«Как правило, памятники ставятся государственным и военным деятелям, не имеющим ничего общего со “смутами”. Пламенные участники народных движений, деятели большевистской партии и другие революционеры вышли из моды, их возвеличение не соответствует официальной концепции российской истории, принятой в большинстве школьных учебников. Показательное исключение — памятник знаменитому анархисту князю Петру Кропоткину в Дмитрове — подтверждает общее правило: персонаж воспринимается местным населением не как революционер, а как знатный земляк».

РЕЦЕНЗИИ

139 *Paul Starobin. After America: Narratives for the Next Global Age*

АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ

146 *Алексей Арбатов. Уравнение безопасности* КОНСТАНТИН ФОН ЭГЕРТ

150 *David Shambaugh. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*

Lily L. Tsai. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China

Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang / Transl. and ed. by Bao Pu, Renee Chiang, Adi Ignatius

ИГОРЬ ФЕДЮКИН

156 *Михаил Барабанов, Антон Лавров, Вячеслав Целуйко. Танки августа: Сб. статей*

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

158 Наши авторы

159 Contents and Summaries

Новое родительство и его политические аспекты

Сегодня отношение к детям в России — одна из немногих сфер общественной жизни, где рождаются принципиально новые тенденции | **МАРИЯ МАЙОФИС, ИЛЬЯ КУКУЛИН**

В современной России происходит трансформация ценностей родительства и воспитания детей. Хотя этот процесс — подспудный и пока мало замеченный аналитиками — сам по себе не является политическим, он может оказаться одним из факторов, инициирующих формирование гражданского самосознания. Возможно, по этой, но не исключено, что и по другим причинам в последние несколько лет он вызывает весьма энергичную реакцию политических элит.

Родительство — это исторически и социально вариативный комплекс установок и практик, связанных с планированием семьи, отношением к детям, самоотношением взрослых к себе как к родителям, и некоторые политические измерения этого комплекса.

Родительство — феномен и микро-, и макросоциальный: он подразумевает не только идентичность «буквальных» отцов и матерей, но и принципы, определяющие отношение взрослых к детям в целом и тесно связанные с гражданским самосознанием, так как отношение к «чужим» детям в проблемных ситуациях болезни и/или сиротства с неиз-

бежностью вызывает вопрос о распределении ответственности и обязанностей между индивидом, обществом и государством. Ответ на этот вопрос, очевидно, всегда будет политически маркированным.

«Бум» и шум

Во второй половине 2000-х в России происходит настоящий «родительский бум» — социально-психологический процесс, идущий одновременно с увеличением рождаемости («беби-бумом») ¹, но не полностью им обусловленный. Внешние признаки «родительского бума» — качественные и количественные изменения детского книгоиздания ², бурный рост (в крупных городах) мероприятий, рассчитанных на совместное участие родителей с детьми (как в разного рода клубах и развлекательных центрах, так и в обычных детских садах), обсуждение в гляцевых журналах материнского и отцовского опыта «звезд», восприятие диалогических, доверительных отношений с детьми как важного элемента «жизненного стиля» преуспевающего человека ³, увеличение спроса на семейные консультации, причем не только для «проблемных», но и для «благополучных» семей, которым интересны новые формы совместного проведения досуга или

АВТОРЫ БЛАГОДАРЫТ Е.А. ЗДРАВООМЫСЛОВУ И Ю. ГРАДСКОВУ ЗА СОВЕТЫ И КОНСУЛЬТАЦИИ ПРИ РАБОТЕ НАД ЭТОЙ СТАТЬЕЙ

улучшение внутрисемейных отношений⁴. Социологи говорят о большем разнообразии моделей семьи, принятых в российском обществе, и о растущем значении так называемых детоцентричных семей, то есть таких, в которых на первом месте оказываются интересы детей.

Отношение к «чужим» детям (которое мы бы назвали «гражданским родительством») в современной России также исподволь изменяется, о чем свидетельствует превращение благотворительной поддержки тяжелобольных детей в автономный социальный и даже культурный институт — во многом благодаря работе Российского фонда помощи⁵. Этот выход детской благотворительности в публичную сферу особенно важен потому, что способствует не только помощи конкретным детям, но и преодолению стигматизации неизлечимо больных, характерной для советской и постсоветской культуры. (Подробнее об этой стигматизации и о тенденциях к ее преодолению см. в статье Светланы Королёвой и Алексея Левинсона на с. 42–60 этого номера, написанной на материале полевых исследований.)

Но у сферы родительства в современной России есть и «тенева» сторона: алармистские и имеющие явный антизападный оттенок телевизионные сюжеты о судьбе российских детей, усыновленных/удочеренных иностранцами; попытки государственных органов опеки отобрать детей у родителей, которые не в состоянии обеспечить им материальное благополучие и/или известны своими радикально-оппозиционными убеждениями⁶; усиление идеологического вмешательства государства в школьное образование и введение религиозных предметов в школах. Эти процессы свидетельствуют о том, что со стороны государственных элит происходит одностороннее нарушение «вертикального общественного договора» (в терминологии Александра Аузана⁷), сло-

жившегося в России в 2000-е годы и предполагавшего, среди прочего, согласие граждан на неучастие в политике в обмен на невмешательство государства в их частную жизнь⁸. Вмешательство началось именно с детей, и, хотя пока оно остается несистематическим, в дальнейшем именно семейное воспитание и школьное образование могут стать причинами открытых конфликтов между гражданами и государством.

Основой этих «теневых» явлений стали политика и риторика демографического национализма, открыто взятые на вооружение российскими элитами в середине 2000-х годов⁹. Наиболее известное, но далеко не единственное проявление этой политики — «закон о материнском капитале» (Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»), принятый Государственной думой 22 декабря 2006 года.

Родительство стало своего рода *ставкой* как в общественной, так и в политической сферах. О значимости этой ставки можно судить по общественно-медийным сюжетам, возникшим в связи с сериалом Валерии Гай Германики «Школа». Характерны и сам факт, что этот телевизионный проект был реализован и показан на сверхлюбом Первом канале, и содержание последовавших дискуссий: первые же серии вызвали бурную реакцию депутатов Государственной думы, иерархов Русской православной церкви, региональных политических элит и педагогической общественности. Одни комментаторы сочли сериал клеветническим и потребовали немедленно прекратить его показ, другие доказывали, что фильм «объективно» отражает существующее положение дел или, как минимум, предупреждает о возможном будущем российской школы¹⁰. Важнейшим в дискуссиях о сериале оказался вопрос о его «правдивости» и «достоверности» — и сторонники, и оппоненты

сериала полагали, что от ответа на него прямо зависит, как общество в целом должно воспринимать место школы, учителей и подростков в жизни современной России. (Подробно все эти процессы в публичной сфере и участие в них политических элит проанализированы в материале Станислава Львовского на с. 20–41.) Такая поляризация оценок — от констатации точной социальной диагностики до обвинений в злостной клевете — едва ли не лучшая иллюстрация сегодняшних представлений политических и общественных элит о политике в области детства и образования: социальный, культурный, этический и тем более политический статус подростка мыслится ими как прямое следствие государственного вмешательства (или невмешательства).

Установки и мотивации

Актуализация «темы детства» и превращение ее в заметный публичный тренд свидетельствует о двух типах процессов: стихийных изменениях общественных тенденций и отрефлексированной реакции государственно-административных элит. По-видимому, в российском «среднем классе» (насколько возможно о нем говорить в сегодняшних условиях¹¹) формируются и все шире распространяются представления о том, что родительство и доверительное общение с детьми — самостоятельная ценность, значимая «здесь и сейчас».

Новую психологическую установку, о которой здесь говорится, мы предлагаем назвать кооперационным или неимперативным родительством¹². Два этих эпитета обозначают разные аспекты одного и того же явления и могут использоваться в зависимости от того, о каком конкретном его аспекте идет речь.

Новая ценность родительства может быть результатом реализации очень разных психологических мотивов, в том числе, как ни странно, и сугубо прагматических. Как пока-

зывают опросы, во второй половине 2000-х стремление обзавестись вторым или третьим ребенком в семьях обеспеченных людей в ряде случаев может быть продиктовано желанием приобрести дополнительные психологические и финансовые «якоря» из-за ненадежности российской пенсионной системы, страха в любой момент потерять все свое имущество и т. п.¹³ Однако прагматические мотивы, как нам кажется, — это только один из вариантов «обеспечения» новой социально-психологической тенденции, сердцевиной же ее являются представления о родительстве как о творческой работе, направленной на поддержание доверительных, эмоционально равноправных и содержательно насыщенных отношений с ребенком.

Характерно, например, что в 2010 году в России началось издание нового глянцевого журнала *Mamas&Papas*¹⁴, который, в отличие от подавляющего большинства аналогичных российских изданий, ориентирован на родителей дошкольников и исключает самый «рыночный» сегмент аудитории — семьи, планирующие или ожидающие ребенка, и семьи с детьми грудного возраста. Журнал намерен регулярно обсуждать вопросы семейного общения и совместного досуга — Издательский дом Родионова, публикующий *Mamas&Papas*, очевидно, отреагировал на изменение спроса.

Развитие семейных ценностей в России 2000-х отличается по смыслу от аналогичных процессов 1970–1990-х годов. Разумеется, дружные семьи, в которых родители и дети стремились к взаимному пониманию и доверию, существовали в СССР/России и до 2000-х годов. В интеллигентных семьях ролевые установки могли быть вполне отрефлексированными и часто воспринимались членами соответствующего круга как элемент общего «не-советского» поведения, так как предполагали эмансипацию от поощряемого государством социального порядка. Такой же

частью интеллигентского «габитуса» (пользуясь терминологией Пьера Бурдьё) было и стремление учитывать в общении с детьми разнообразные «демократические» методики воспитания и образования. Характерно, что в повести писателя-неотрадиционалиста Василия Белова «Воспитание по доктору Споку» (1978) чтение американского теоретика семейного воспитания является одним из главных атрибутов героини, якобы отождившейся от «народных корней».

Однако существование семей, основанных на взаимном доверии, ни в позднесоветскую эпоху, ни в 1990-е не задавало социальной тенденции¹⁵. Сегодня такая тенденция формируется в России благодаря развитию нового информационного пространства, прежде всего Интернета, позволяющего родителям не только обмениваться опытом, но и репрезентировать себя как носителей новых социальных норм.

Есть два принципиальных отличия новой тенденции от советского «инновационного родительства» 1970-х:

- в тот период интерес родителей к своим чадам имел неспецификаторский характер, то есть исходил из базового предположения, что между взрослыми и детьми нет принципиальной психологической разницы, а в современной ситуации этот интерес — спецификаторский, то есть основан на презумпции, что медицинские и психологические особенности ребенка существенно отличают его от взрослого, а потому для понимания мира детей взрослые нуждаются в специальном объяснении¹⁶;
- в условиях рыночного общества формирование новых семейных ценностей порождает предложение новых товаров и услуг, а изменения рынка ведут к дальнейшему распространению моды на установки неимперативного родительства (см. об этом в статьях Екатерины Асоновой и Галины Карповой на с. 78–93 и 94–99).

Новая установка способствовала все большему распространению в России новых практик родительства, уже описанных социологами: более ответственный, чем раньше, подход к планированию семьи (основанный на хоть и медленно, но все же происходящем в России изменении контрацептивной культуры¹⁷); более поздний средний возраст рождения первого ребенка; изменение психологических паттернов отцовства, включая готовность мужчин присутствовать при родах своей супруги (в предшествующих поколениях советских родителей сама идея такого присутствия считалась вредной¹⁸); постепенный отказ от физического насилия в воспитании детей (особенно мальчиков); сознательный выбор новых институций, которые родители допускают к воспитанию своих детей — таких, как специализированные детские сады или разного рода центры и группы дополнительного обучения. Спецификаторская установка вызывает новые представления о потребностях ребенка на разных фазах его развития.

Трансформации ценностей

Другие особенности кооперационного родительства можно выявить, если сравнивать не отношение к воспитанию, а нормативные представления о семье, распространенные в обществе и медиа. В 2000-е годы и эти представления изменились или, во всяком случае, оказались для части общества проблематизированы.

Еще на рубеже 1970–1980-х в СССР власти начали использовать лозунги «возврата женщины в семью» (то есть расширения возможности для женщин не работать на государственной службе, а быть домашними хозяйками). Эти лозунги были идеологическим сопровождением политических мер по повышению рождаемости¹⁹, но восприни-

мать их можно было скорее как повышение официальной оценки домашнего труда, а не как реалистическую программу: мало какая городская семья в СССР могла прожить на зарплату одного работающего мужчины. С самого начала эта риторика требовала переосмысления не только гендерных, но и поколенческих ролей: предполагалось, что отец, которому будет возвращена роль «добытчика», вновь сможет стать воплощением «правильных», традиционно-укорененных²⁰ общественных норм для своих детей, особенно для мальчиков.

“Происходящие в 2000-е годы трансформации семейных ценностей психологически противоречат традиционалистским установкам, таким как «возврат женщины в семью»”.

Во время перестройки лозунги «возврата женщины в семью» и восстановления «правильных» гендерных и поколенческих ролей были использованы в антикоммунистической риторике, осуждавшей «неправильную» советскую политику, которая предполагала тотальную занятость и социальную «уравниловку». Однако, как справедливо пишет Татьяна Журженко, в 1990-е годы разоблачительный и эмансипационный потенциал «возвращенческой» риторики быстро иссяк, и она приобрела в России и других постсоветских государствах сугубо фундаменталистский характер²¹. В 1990-е параллельно происходило несколько процессов трансформации семейных ценностей: неорационалистское общественное давление на семью²²; резкий рост автономии детей (от ранней занятости до полной беспризорности) — и одновременно стремление родителей из соображений безопасности ограничить детскую автономию; появление в медиа публичной рефлексии проблем детства и прав ребенка и редкие попытки осмыслить подспудные изменения родительского самосознания.

Примером постсоветской медийной рефлексии является специализированная полоса «Дети», которая в середине 1990-х выходила в газете «Сегодня», претендовавшей в те годы на роль законодательницы эстетической и интеллектуальной моды. Среди постоянных тем «детской» рубрики были особенности современных школ, рынок детских книг, рекомендованные и не рекомендованные экспертом газеты новые компьютерные игры, консультации врачей и психологов (например, о детских страхах) и т. п. Характерно, однако, что рефлексия

родительской позиции предпринималась авторами газеты только при обсуждении проблемных ситуаций — таких, как врожденная болезнь ребенка, социальное сиротство, криминогенные опасности, подстерегающие детей. Новая конфигурация семьи или гендерных ролей почти не обсуждалась.

Происходящие в 2000-е годы трансформации семейных ценностей и родительства психологически противоречат лозунгам «возврата женщины в семью» и иным традиционалистским и натурализаторским установкам (наподобие «натурализованного пола»²³), известным с 1980—1990-х годов. Они являются, по-видимому, частью общемировой тенденции «переизобретения» семьи в рамках еще более широкого процесса, который Энтони Гидденс назвал «трансформацией интимности»²⁴; в это широкое понятие входит, в частности, повышение экзистенциального смысла интимно-доверительных отношений в семье или в паре живущих вместе сексуальных партнеров.

Интересующие нас изменения пока не затронули сколь-либо больших групп насе-

ления и поэтому не «вылавливаются» традиционными социологическими методами, но уже хорошо заметны в культурных и медийных репрезентациях и могут быть зафиксированы в индивидуальных интервью и контент-анализе блогов. В целом можно констатировать, что в семьях, задающих новую тенденцию общественного развития, наиболее важным оказывается не идея «уделять побольше времени ребенку», но понимание семейных взаимоотношений как результата совместного творчества всех членов семьи, приносящего удовольствие каждому. Можно интерпретировать этот процесс как сдвиг от воспитательской этики долга к этике удовольствия — как известно, именно общий переход от этики долга к этике удовольствия считал важнейшей чертой современности Мишель Фуко²⁵.

Становление неимперативного родительства глубоко парадоксально: апелляцию к семейным ценностям принято считать одной из основ консервативного политического дискурса, однако новое течение имеет ярко выраженный *реформаторский характер*. Оно является следствием установки на психологическое гендерное равноправие в семье: в противоположность традиционалистским принципам, жена и муж признают свою равную ответственность за психологическую гармонию в семье и распределение домашних обязанностей. Ориентация на гендерное психологическое равноправие позволяет даже в случае неполной семьи стремиться к взаимному пониманию и уважению родителей и детей и одновременно — «переизобрести» сами родительские роли. Одна из важнейших черт неимперативного родительства состоит в том, что оно рождается в условиях *неэссенциалистского восприятия семьи*: роли, связанные с гендером и возрастом, воспринимаются не как сами собой разумеющиеся, а как проблематизированные, требующие пересоздания «здесь и сейчас»²⁶.

Социальная *terra incognita*

Формирование в России неимперативного родительства и восприятие родительства как ценности еще не стали предметами специальных исследований. На протяжении 2000-х социологов и историков культуры привлекали близкие, но все же другие темы: советского детства и детства как социально-психологического и культурного феномена²⁷, изменений в экономическом и социальном положении семьи и связей отношений в семье с религиозными и политическими убеждениями²⁸, исторической антропологии и психологии родительства²⁹ или социально-правовых проблем детей (как, например, социальное сиротство или насилие в семье)³⁰. Среди этих, растущих от одного ствола, «ветвей» оказалась незамеченной и неисследованной еще одна — трансформации родительского самосознания и их историко-культурное значение.

Эта лакуна, по-видимому, особенно характерна для ситуации именно в российской науке. В специализированных журналах других развитых стран проблемы трансформации и типов родительства обсуждаются регулярно (если говорить о США, ситуация в которых нам известна относительно лучше, то там примерами таких изданий являются *Childhood* или *Gifted Child Quarterly*³¹); аналогичной проблематике посвящены и специальные выпуски журналов общего характера³².

Трансформации родительства принципиально важны для описания современного российского социума, потому что по своему содержанию противоречат другим, более заметным тенденциям. Социологи и политологи не раз писали о том, что состояние российского общества в 2000-е годы во многом определялось патерналистскими по своим результатам настроениями: упованием на «порядок» и «твердую руку», массовым убеждением в спасительной роли государственных органов вообще и репрес-

сивных механизмов в частности, пассивно-потребительским отношением к огосударственным медиа и т.п.³³. В этих условиях, как уже несколько раз происходило в истории России, именно сфера приватного, в данном случае — семейных отношений, стала единственным возможным пространством обновления общества. Говоря проще, семейные ценности стали постепенно изменяться именно потому, что политические элиты в 1990-е и начале 2000-х годов *не обращали внимания* на этот сегмент, хотя во всех предвыборных программах провозглашали приверженность этим ценностям. Одновременно через популярные медиа насаждались представления о структурировании политического поля по семейно-клановому принципу (например, с помощью мифа о «ельцинской Семье»³⁴).

Распространение неимперативного родительства сопровождается характерным для посттоталитарных режимов расхождением между новыми практиками и объяснением, которое дают своему поведению «носители» этих практик. Прежде всего мы говорим о тех, кто не формирует соответствующие тенденции, а принимает участие в их распространении, — пользуясь терминологией Эверетта Роджерса, о «раннем большинстве». (Подробнее о концепции Роджерса, первоначально разработанной на материале социологии моды, см. в статье Екатерины Асоновой на с. 78–93.) Как показала Ребекка Кей, в 1990-е годы при расхождении инновационных воспитательных практик с поведением большинства окружающих людей «носители» этих практик описывали свое поведение как вынужденное, осуществляемое под влиянием форс-мажорных обстоятельств³⁵. В результате относительно широкого распространения Интернета у многих российских семей появился альтернативный канал трансляции норм, и тенденция к «форс-мажорным» объяснениям в 2000-е годы ослабла, но, насколько можно судить, не исчезла³⁶.

Несмотря на «непроговоренность» новой тенденции, восприятие родительства как значимой общественной «ставки», насколько можно судить, сосуществует со все более заметной реакцией политических элит.

По давней, уже устоявшейся традиции они совмещают сопротивление процессу стихийной модернизации (а она представляется им опасной, поскольку неизбежно ведет к эмансипации общества от государства) с использованием переосмысленных либеральных лозунгов — в данном случае правозащитных: апеллируя к правам ребенка и семьи, российские проправительственные медиа доказывают, например, что проживание детей российского происхождения за пределами их родины унизительно и опасно для жизни. Фактически эти медиа создают образ государства как идеального родителя, продолжая на новом витке развития традиции советской пропаганды³⁷.

Эмансипаторный потенциал

Еще одна причина, по которой новые типы родительства не стали предметом общественного внимания и исследования, связана с тем, что популярные медиа 1990–2000-х уделяли наибольшее внимание положению неблагополучных детей — беспризорности, подростковой преступности и т. п. — и возможному участию в решении этих проблем государства и общественных институций. При такой оптике родительство вновь оказывается «слепым пятном». Конечно, публичное обсуждение «острых» социальных тем насущно необходимо: в некоторых регионах России беспризорность и теперь продолжает расти (в Москве она резко уменьшилась — в первую очередь за счет депортации беспризорников в другие города³⁸). Однако не менее важным процессом, чем рост беспризорности, но гораздо более трудноразличимым с помощью социологических наблюдений является *дивергенция воспитательных стилей* — увеличение

среди российских семей доли как кооперационных, ориентированных на сотрудничество и совместное творчество, так и разобщенных, в которых родители фактически не считают себя ответственными за воспитание, хотя семья остается по внешним показателям целой и социально благополучной, а дети не могут считаться безнадзорными в том смысле, который вкладывают в это слово социологи и юристы³⁹. Вероятно, именно семьи второго, «холодного» типа могут способствовать некритическому воспроизводству традиционных гендерных и поколенческих

- восприятие государства, органов местной власти и государственных образовательных институций как *главных и единственно возможных оппонентов* семейного воспитания.

Третий пункт этого перечня требует отдельного комментария. В «западных» странах благодаря возможностям общественной дискуссии оппонентом семейного воспитания может быть признана любая институция — например, церковь. Так, в марте 2010 года на Папу Римского Бенедикта XVI обрушился град обвинений от многих

“Как уже бывало в истории России, сфера частного оказывается единственным пространством, где возможно обновление общества”.

ролей. Эта причинно-следственная связь, собственно, и была продемонстрирована в сериале «Школа», но, несмотря на критический тон телефильма, сюжет его основан не на рефлексии, а на мифологизации такого положения дел: главная героиня сериала Аня Носова представлена как романтическая бунтарка против косной и агрессивной окружающей действительности, этот бунт словно бы не имеет исторического и психологического основания и выглядит вневременным событием⁴⁰.

Насколько можно судить, процесс трансформации родительского самосознания в России вполне вписывается в тенденции, характерные для «западных» стран в целом. Можно выделить три особенности, наиболее ярко проявившиеся именно в России:

- нервная реакция политических элит на общественную эмансипацию родительства,
- неотрефлексированность «нового» родительства как социального явления — при интенсивном распространении новых норм и ценностей воспитания через Интернет,

семей, общественных организаций и влиятельных медиа Ирландии, Британии, США и Германии за то, что иерархи католической церкви, как полагают обвинители, на протяжении ряда лет попустительствовали деятельности священников, вступавших в сексуальные связи с детьми (или за то, что от папы в его бытность кардиналом скрыли одно из таких преступлений — в таком случае его неведение тоже компрометирует католическую церковь)⁴¹. После начала публичной кампании католическая церковь Германии открыла «горячую линию» для всех, кто пострадал от сексуальных домогательств со стороны духовных лиц⁴².

В России публичная полемика с православной церковью, да и с другими структурами «традиционных» религий по вопросам родительства и воспитания, похоже, почти невозможна — по социально-психологическим причинам. Так, введение в школах «основ религиозной культуры» — предмета, разделяющего учеников по религиозному признаку — вызвало, судя по российскому Интернету, довольно широкую отрицательную реакцию в обще-

стве, но по модусу выражения она была преимущественно стоически-пессимистической, в духе старой советской поговорки «против лома нет приема» — исключений было очень немного⁴³. В других случаях вторжения государства в частную жизнь граждан — например, запрета автомобилей с «правым рулем» — реакция граждан, как известно, была гораздо менее пассивной.

В сфере родительства в России тоже возможны случаи весьма энергичной защиты детей от внешних посягательств — не менее жесткой по тону, чем «антиватиканская» кампания 2010 года в Европе, — однако они имеют совершенно другие адресацию и смысл, чем эта кампания. Так, выпады против введения государством ювенальной юстиции (подробно исследованные в статье Станислава Львовского в этом номере *Pro et Contra*, см. с. 20–41) исходят от небольших реальных или виртуальных групп более или менее консервативной направленности (иногда в риторике этих групп совмещаются правоконсервативные, леволлиберальные и экологические лозунги), которые апеллируют к солидарности граждан, направленной только против нынешней государственной власти. Фактически они требуют, чтобы государство защищало не права ребенка, а права абсолютизированной по своему значению семьи как целостной социальной единицы, внутри которой детям отведена подчиненная роль⁴⁴. Те, кто хотел бы, чтобы государство таким образом стояло на страже семьи, готовы считать своими союзниками консервативную часть церкви, просоветские силы и любых иных традиционалистов.

Эмоциональная по тону, но малопродуктивная «политизация родительства» в неоконсервативном духе, примером которой является борьба с ювенальной юстицией, свидетельствует еще об одной парадоксальной ситуации: социально инновационными в совре-

менной России являются только диффузные процессы, не оформленные институционально и не выдвигающие общих лозунгов. Однако трансляция позитивных результатов, достигнутых движением неимперативного родительства, станет возможной только в том случае, если осваивающие эту новую практику семьи осознают себя как автономную общественную альтернативу, не воспринимающую государство в качестве вечного противника или обязательного союзника.

Осознание кооперационного родительства как самостоятельного общественного тренда затруднено и из-за особенностей рынка образовательных услуг в России. В силу ряда причин в обществе крайне невелико доверие к частным институциям основного образования, прежде всего — к частным школам и детским садам. Поэтому на институциональном уровне новые практики родительства приводят прежде всего к трансформации рынка дополнительного образования и психолого-педагогического консультирования. (См. об этом в статье Галины Карповой на с. 94–99.) Возможно, слабое закрепление новых практик родительства напрямую связано с ограничениями рынка. Например, зафиксированный социологами рост потребности в детских садах⁴⁵ способствует возникновению новых моделей этих учреждений, но и этих новых моделей недостаточно. В итоге, как в известном анекдоте, «получается автомат Калашникова»: поскольку детские сады остаются в подавляющем большинстве государственными и в любом случае контролируются государственными надзорными инстанциями, они чаще всего сохраняют «хронические болезни» этой системы (денежные поборы по самым разным поводам и т.п.)⁴⁶.

Тем не менее неимперативное родительство уже играет в обществе роль эмансипирующей силы. Главным социально-

психологическим «мотором» эмансипации, как нам представляется, является именно неэссенциалистский подход к семье, который предполагает возможность выхода каждого из ее членов за пределы «натурализованного», «естественного» патриархального социального порядка.

Мы надеемся, что публикация и последующее обсуждение темы современного роди-

тельства будут способствовать диалогу и взаимопониманию политологов, социологов, педагогов и исследователей современной культуры. В условиях, когда понятия «политического» в сегодняшней России все больше размывается и затуманивается, такое междисциплинарное сотрудничество может оказаться плодотворным для всех его участников. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ О том, что в России в 2009 году рождаемость впервые превысила смертность, сообщила в своих публичных выступлениях министр здравоохранения и социального развития РФ Т.А. Голикова (http://infox.ru/science/human/2009/09/29/Vpyvuyue_zh_15_lye.phtml; <http://www.med2.ru/story.php?id=14759>; <http://tass-ural.ru/lentanews/93755.html>). О росте рождаемости говорилось и в официальном сообщении Фонда социального страхования (<http://medportal.ru/mednovosti/news/2009/07/22/newborn/>). Независимые эксперты полагают, что демографический подъем в России имеет временный характер, не связан с принятыми правительством мерами по поощрению рождаемости, а вызван более долговременными причинами и что в ближайшие годы, скорее всего, смертность вновь станет больше, чем рождаемость (<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4810334,00.html>). Однако для нашего обсуждения важнее не конкретная статистика, а изменения *общественных настроений* в крупных городах в сторону умеренного «демографического оптимизма» — что, по-видимому, обусловлено именно относительным увеличением рождаемости.

² Характерна логика, предложенная в статье аналитика книжного дизайна Елены Герчук о ярмарке *Non/fiction* 2009 года, — Герчук тоже усматривает в переменах книгоиздательских трендов именно *общественную тенденцию*: «...что любопытно, попытки рационального объяснения — вроде того, что за годы благоденствия родилось много детей, или, наоборот, что в годы кризиса люди только на детей и готовы тратить деньги — были в явном меньшинстве, да и отвечали так по большей части покупатели. Сами же издатели — практически все — честно

ссылались на подсознание: “Нам вдруг показалось, что мы должны начать издавать детские книжки”; “Мы вдруг сообразили, что ниша качественных детских книг на рынке не занята”; “Нам вдруг подумалось, что это будет хорошо”... Слово “вдруг”, присутствовавшее во всех без исключения ответах [издателей], говорит об отчетливых, явных — пусть пока еще и на подсознательном уровне — переменах в общественном сознании, а значит, об изменениях в самом обществе; судить же о том, что это за изменения — дело совсем других специалистов» (Герчук Е. Только детские книги читать... Вот и год прошел, дорогие читатели, вот и опять праздник! // *Kak.ru* 2009. 15 дек. (<http://kak.ru/columns/booksasbooks/a9591/>).

³ О таком восприятии лучше всего свидетельствует рубрика «Отцы», публикующаяся в каждом номере *life-style*-еженедельника «Коммерсантъ-Weekend» (после ее успеха в том же журнале возникли рубрики «Дед» и «Мать»): в ней наиболее яркие и известные журналисты газеты (а с недавнего времени еще и генеральный директор издательского дома «Коммерсантъ» Демьян Кудрявцев) публикуют эссе, где анализируют повседневный опыт отношений со своими детьми.

⁴ Здесь, прежде всего, следует упомянуть принадлежащее компании «Газпром» «Детское радио»: по вечерам после завершения собственно детского вещания на этой радиостанции транслируются многочасовые беседы с семейными консультантами и врачами, которые отвечают на вопросы родителей в прямом эфире. Специализированные детские медиа раньше не имели таких обширных разделов для родителей.

⁵ Первоначально под эгидой фонда ежемесячно выходила (и продолжает выходить сегодня)

страница в газете «Коммерсантъ», где публиковались написанные в жанре психологизированной документальной прозы рассказы о больных детях, которым могла бы материально помочь аудитория газеты; ведущим автором этой полосы был известный журналист Валерий Панюшкин. В 2010 году Панюшкин стал публиковать на сайте газеты «Большой город» цикл бесед с представителями культурных элит о том, что значит для общества и для каждого конкретного человека помощь больным детям. В 2009 году радиостанция «Эхо Москвы» начала регулярно передавать и размещать на своем сайте объявления Российского фонда помощи в составе рекламных блоков.

⁶ 29 марта 2010 года в Независимом пресс-центре в Москве прошла пресс-конференция «Отображение (sic!) детей за бедность — новая юридическая практика?», в которой приняли участие адвокаты, правозащитники и политические активисты.

⁷ Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3. Впрочем, Аузан чаще пользуется им же созданным термином «вертикальный контракт» (см., например: Аузан А. Вертикальный контракт неустойчив // Отечественные записки. 2004. № 6).

⁸ Ср.: «...Свобода для российского большинства — это опека без “доставания”. Неагрессивная опека, пассивная опека с редкими знаками внимания». См.: Дубин Б.В. Характер массовой поддержки нынешнего режима. Доклад на конференции Левада-Центра «События и тенденции 2009 года в общественном мнении». 19 января 2010 года (<http://www.levada.ru/press/2010022406.html>).

⁹ Демографический национализм — идеологическая программа, прямо связывающая мощь государства и его влияние в мире с увеличением численности «коренных» этносов, и политико-правовые меры, направленные на увеличение рождаемости в рамках этой программы; к демографическому национализму в современной России относится и риторика в поддержку традиционных (в феминистской терминологии — «патриархатных») семейных ценностей.

¹⁰ Подробнее см.: <http://www.lenta.ru/news/2010/01/12/schule/>; <http://www.pmoney.ru/txt.asp?sec=1539&id=1394912>; http://www.rusk.ru/news_r1/2010/03/31/serial_shkola_diskreditiruet_sistemu_rossijskogo_obrazovaniya/; http://www.rusk.ru/news_r1/2010/02/24/

patriarh_kirill_ya_psihologicheskii_ne_mog_smotret_etot_film/; <http://pedsovet.org/content/view/7848/251/#comment11635>.

¹¹ Социологи уже не раз дискутировали о том, возможно ли говорить в России о среднем классе. Мы солидарны с точкой зрения, которую, в частности, формулирует Алексей Левинсон: если в России и нет среднего класса, содержательно эквивалентного среднему классу европейских государств или США (влияющего на результаты выборов, являющегося основой малого бизнеса и т. п.), то, во всяком случае, существует «функциональный» средний класс, то есть те, кто беднее самых богатых, но богаче самых бедных и поэтому ощущают себя в «середине» общества. В последние годы эта группа приобрела элементы коллективного самосознания и ряд черт, сближающих ее с традиционно понимаемым европейским «средним классом» не только функционально, но и содержательно. См. подробнее: Левинсон А.Г., Шукин Я.М., Стучевская О.И. О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения. 2004. № 5. С. 48–62; Левинсон А.Г. Средний еще не класс // Неприкосновенный запас. 2007. № 3 (53); Он же. О среднем классе // Вестник общественного мнения. 2008. № 6; Он же. О категории «средний класс» // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры). 2009. № 10. С. 105–131.

¹² Используемый в настоящее время в педагогической литературе термин «ответственное родительство» не позволяет указать на историческую новизну явления, которое он фиксирует.

¹³ Роткирх А., Кессели К. Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин // Новый быт в современной России: Гендерные исследования повседневности / Под ред. Е.А. Здравомысловой, А. Роткирх, А.А. Темкиной. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009 (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 17). См. также обсуждение выводов этой статьи на специализированном форуме, посвященном деторождению: <http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=102&t=15035&p=444134#p442203>.

¹⁴ Интересно, что журнал семейного воспитания с точно таким же названием выходит в ЮАР на английском языке (правда, является строго традиционалистским по содержанию).

¹⁵ О формировании детоцентричных советских семей в 1970-е годы см., например: Келли К. Роскошь и необходимость: товары для детей в

хрущёвскую и брежневскую эпоху (пер. с англ. Е. Напрееенко) // Теория моды. 2008. Вып. 8.

¹⁶ Эта мысль подробно развита в статье Марии Майофис, в которой автор сопоставляет книги о воспитании детей, вышедшие в СССР в 1960–1970-е и в России в 2000-е годы (готовится к публикации в ежегоднике «Пути России» за 2010 год).

¹⁷ См. об этом: Здоровье и доверие: Гендерный подход к репродуктивной медицине / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб., 2009 (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 18).

¹⁸ Кроме собственного опыта бесед с представителями старшего поколения на эту тему, можем сослаться на работу: *Виссон Л.* Уроки воспитания Вани Смита: дети в российско-американских браках (пер. с англ. М. Муравьевой и Б. Работы) // Семейные узы: Модели для сборки / Сост. С. Ушакин. В 2 кн. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 2. С. 11. О новых практиках см.: *Ангелова Е., Тёмкина А.* Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности.

¹⁹ *Литвинец Е.Ю.* Советская демографическая политика в 1980-е гг.: На примере Свердловской области // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. Гуманитарные науки. Вып. 12: История. С. 322–327 (Литвинец полагает, что оценить эффективность советской демографической политики 1980-х на основе демографических данных невозможно); *Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. С. 268–269.

²⁰ Как показал Энтони Гидденс, образ «правильной» семьи в европейской консервативной публицистике 1990-х в действительности был идеализированным образом американской семьи 1950-х годов, которая жила в условиях уже весьма модернизированного быта, но еще при низком уровне женской занятости и заметном гендерном неравенстве (*Giddens A.* The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998. P. 92). *Mutatis mutandis* это наблюдение, как следует из работы Журженко, может быть применено и к консервативной семейной публицистике позднего СССР и постсоветской России.

²¹ *Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: С. 269–280. Ср. об аналогичных процессах в быв-

ших «социалистических» странах: *Гал С., Клингмен Г.* Формы государств, формы «семьи» (пер. с англ. М. Муравьевой) // Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. С. 226–267.

²² *Кей Р.* «Такие спортивные девчонки — как мальчишки!»: о воспитании детей в постсоветской России (пер. с англ. М. Муравьевой) // Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. С. 146–170.

²³ Термин, предложенный Ириной Жеребкиной для обозначения модели восприятия гендера, очень характерной для России 1990-х годов: *Жеребкина И.* Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. С. 31. По мнению Жеребкиной, в позднесоветский период гендерные различия в публичном дискурсе идеологизировались или замалчивались, а в обществе 1990-х гендер, переосмысленный как биологический пол, стал одной из главных социальных характеристик человека, «кричит о себе», постсоветское общество становится «производящим пол». Эта концепция не учитывает многих важных нюансов (например, меланхолической рефлексии о том, что «женщины стали сильными, а мужчины слабыми», широко распространенной в советском кинематографе и литературе 1970-х годов), но в целом, на наш взгляд, адекватно фиксирует значимые социокультурные процессы.

²⁴ *Гидденс Э.* Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах (пер. с англ. В. Анурина). СПб.: Питер, 2004.

²⁵ См., например: *Фуко М.* О начале герменевтики себя; *Он же.* Технологии себя (пер. с англ. А. Корбута) // Логос. 2008. № 2. С. 94, 122.

²⁶ Ранее аналогичные процессы были изучены на материале психологически успешных и устойчивых семей, созданных представителями сильно различающихся культур — например, русской и американской. Муж и жена в таких семьях должны были отрефлексировать собственные культурные стереотипы, связанные с гендерными ролями и воспитанием детей, и действовать в соответствии с новыми установками, зачастую преодолевая неодобрение друзей и родственников. См. об этом: *Виссон Л.* Уроки воспитания Вани Смита: дети в российско-американских браках.

²⁷ См., например, специальные выпуски журналов «Неприкосновенный запас» (2008. № 2 (58) и «Теория моды» (2008. Вып. 8), а также: *Детский*

сборник: Статьи по русской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003, и др.

²⁸ См., например: *Современная женщина, семья, демография: Актуальные исследования* / Под ред. О. Здравомысловой. М.: Звенья, 2007; *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе* / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007; *Вишневский А.Г.* Эволюция российской семьи // *Экология и жизнь*. 2008. № 7, 8, 9, и другие его работы (библиографию см.: <http://new.hse.ru/C8/C0/Vishnevskiy/default.aspx>).

²⁹ Здесь следует назвать в первую очередь многочисленные работы И.С. Кона: *Ребенок и общество*. М.: Академия, 2003; *Мальчик — отец мужчины*. М.: Время, 2010, а также статьи в журналах и сборниках.

³⁰ См.: Социальная политика и мир детства: специальный выпуск // *Журнал исследований социальной политики* (Саратов). 2009. Т. 7. № 2.

³¹ См., например: *Keller M., Kalmus V.* Between Consumerism and Protectionism: Attitudes towards Children, Consumption and the Media in Estonia // *Childhood*. 2009. Vol. 16. Is. 3; *Moravuska A., Sanders M.R.* Parenting Gifted and Talented Children: Conceptual and Empirical Foundations // *Gifted Child Quarterly*. 2009. Vol. 53. Is. 3, и др.

³² См., например, выпуск «The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences» (2009. Vol. 624. Is. 1), посвященный проблемам отцовства в современном американском обществе.

³³ См., например: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

³⁴ См. подробнее: *Орлова Г.* Семья «Я» президента: призрак родства в российской политике 1990-х годов // *Семейные узы: модели для сборки*: В 2 кн. Кн. 2. С. 297–323.

³⁵ *Кей Р.* Указ. соч.

³⁶ «Ножницы» между практиками и их объяснением продолжают действовать и нуждаются в исследовании. В материале Ольги Свешниковой в этом номере *Pro et Contra* (см. с. 61–77) представлен один из путей такой работы.

³⁷ В создании этого образа принимают участие и представители политических элит. После скандального случая с Артемом Савельевым — его американская приемная мать вернула мальчика в Россию, сообщив, что в детском доме ее не предупредили о психических особенностях

ребенка, затрудняющих его адаптацию, — Уполномоченный по правам ребенка РФ Павел Астахов заявил, что необходимо заключить соглашение о международном усыновлении между США и Россией, где «прописать обязанность родителей создать условия для сохранения ребенком знания русского языка и культуры» (http://www.echo.msk.ru/blog/vopros_dnya/672208-echo/). Однако даже после этого случая российские чиновники продолжают настаивать на том, что Россия не будет подписывать Гаагскую конвенцию о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 20 октября 1980 года, которая защищает права детей в случаях их незаконного перемещения.

³⁸ См. выступление демографа Людмилы Ржаницыной в авторской радиопрограмме Ольги Вахоничевой «Стране нужны дети, а не “социальные сироты”» (Радио Свобода. 2009. 31 мая (<http://www.svobodanews.ru/content/article/1743462.html>)), а также работу: *Ильченко О.Ю.* «Новые» беспризорные: социологический анализ проблемы на примере Приморского края. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Хабаровск, 2009.

³⁹ Характерен, впрочем, и социальный портрет современного беспризорника: «...если в начале [XX] века полные сироты составляли до 40 проц., то в настоящий период — лишь 5 проц. от общей численности беспризорных. Указанные цифры подчеркивают, что если в начале прошлого столетия беспризорность была следствием потери родителей, то в настоящее время наличие родителей зачастую является фактором, способствующим беспризорности несовершеннолетних» (цит. по: *Ильченко О.Ю.* Указ. соч.). Статистика, которую использует Оксана Ильченко, взята из журнала «Индекс/Досье на цензуру» и требует дальнейшей проверки, однако следует оговорить, что достоверной статистики по беспризорности в России, по-видимому, нет, и даже чиновники высокого ранга приводят заметно различающиеся цифры. Тем не менее сведения Ильченко подтверждаются (пусть и не количественно, но по сути) комментариями специалистов по социальной работе. См., например: *Насыфов Е.* Большинство столичных беспризорников родом из Москвы // *Gzt.ru*. 2009. 17 дек. (<http://www.gzt.ru/topnews/society/278200.html>). Ср.

также интервью руководителя московского центра «Дети улиц» Светланы Волковой в статье: *Рябцев А.* Конвейер для беспризорников // Комсомольская правда. 2004. 25 августа (<http://www.kp.ru/daily/23346/31482/>).

⁴⁰ Единственная мотивировка поведения героини, приведенная в сериале, — биографическая: Аня несколько лет не ходила в школу (училась в экстернате) и, придя в 9-й класс, обостренно воспринимает окружающую действительность. Несмотря на то что над сценарием работала группа известных драматургов (Александр Родионов, Наталья Ворожбит, Вячеслав Дурненков, Иван Угаров, Вадим Леванов, Нелли Высоцкая, Юрий Клавдиев), авторами основной идеи сериала мы считаем именно режиссера Валерию Гай Германику, продюсеров сериала и руководство первого канала российского телевидения. Германика в своих интервью объясняла, что главная героиня в некоторых (хотя и далеко не во всех) чертах похожа на нее саму, а генеральный директор Первого канала Константин Эрнст в интервью журналу «Афиша» признался, что при съемках сериала продюсеры регулярно спорили со сценаристами, но не с режиссером. См.: Ответы. Константин Эрнст, генеральный директор Первого канала // Афиша. 2010. 8–21 февраля. № 266 (<http://www.afisha.ru/article/6624/>).

⁴¹ См. в Интернете: <http://mignews.com.ua/ru/articles/16394.html>; <http://ru.euronews.net/2010/03/20/irish-abuse-victims-say-papal-letter-not-enough/>; <http://www.baltinfo.ru/news/V-Londone-proshla-napravlenaya-protiv-vizita-Papy-Rimskogo-Benedikta-XVI-aktciya-protesta-136496>, и др.

⁴² http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/03/100330_germany_catholic_hotline.shtml.

⁴³ См., например, открытое письмо Президенту РФ Дмитрию Медведеву правозащитника, члена Общественной палаты Бориса Альтшулера: *Альтшулер Б.Л.* Не надо ставить такие опыты на детей // Полит.ру. 2009. 29 сент. (<http://www.polit.ru/dossie/2009/09/29/school.html>).

⁴⁴ Характерен написанный правозащитницей-экологом Еленой Васильевой проект манифеста

«партии женщин» «8 марта» (http://8marta-party.ucoz.ru/index/manifest_partii/0-6), в котором совмещены призывы к политической либерализации и развитию гражданского общества, обновленные советские декларации («8 марта — не запретить!») и радикально-патерналистские требования к государству взять на себя максимальное возможное юридическое и материальное обеспечение материнства и детства («Охрана здоровья женщины — первостепенная задача государства. <...> Дети — главная ценность государства. <...> Родившая женщина [в будущем пусть] проходит полную бесплатную санацию рта в любом стоматологическом кабинете за счет средств специально созданного государственного социального фонда налоговых отчислений с продажи природных ресурсов»). На сайте этой «партии» в разделе новостей среди прочего сообщается о проведенном в Самаре «Родительском стоянии» против принятия закона «О ювенальной юстиции» — акция была организована «соратниками Самарского губернского отдела Союза Русского Народа» (http://8marta-party.ucoz.ru/news/roditelskie_stojaniya_v_samare/2010-03-23-38).

⁴⁵ Так, совсем недавно в Новосибирске прошла голодовка участников межрегионального движения «Российским детям — доступное дошкольное образование», которое борется с нехваткой мест в детских садах, требуя компенсации тем семьям, чьи дети не попали в дошкольное учреждение (*Эйсмонт М.* Гражданское общество: Достоинно молчать в очереди // Ведомости. 2010. 8 апр.). Интересно, что двое «голодовщиков», давших интервью прессе, — мужчины, то есть, очевидно, отцы маленьких детей. Эта общественная активность отцов также является симптомом сдвигов в родительском сознании: до недавнего времени главными выразителями требований к обществу и государству по поводу детей были женщины-матери.

⁴⁶ Различные аспекты отношений современных российских родителей к детским садам исследованы в новых работах Юлии Градской. Благодарим г-жу Градскую за возможность ознакомиться с ее статьями в рукописи.

Под знаком ювенальной юстиции

Пока институциональные рамки остаются прежними, детская политика будет частью отложенной модернизации, в состоянии которой пребывает вся страна | **СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ**

Прошлый — 2009-й — год в России ознаменовался всплеском государственных инициатив в области детской политики, а также заметной общественной реакцией на такие инициативы. «Наступление» велось практически по всему фронту: от борьбы с детской порнографией (в Госдуму был внесен ¹ законопроект, предполагающий уголовную ответственность за хранение материалов подобного рода) до ювенальной юстиции (пилотные проекты запущены в двадцати регионах). По вопросам детской политики часто и неожиданно резко стал высказываться российский президент Дмитрий Медведев. Примечательно, что в отличие от многих государственных инициатив, не вызывающих в нынешнем апатичном российском обществе какой-либо реакции, публично объявленные действия в рассматриваемой области вызвали широкий отклик, часто непредсказуемый: так, урапатриотическая государственная кампания по возвращению в Россию детей от смешанных браков российских и иностранных граждан, достигшая своего апогея в крайне показательном деле Сандры (Александры) Зарубиной, увенчалась созданием чуть ли не общественных комитетов — и в Португалии, и в России, — призванных содействовать

возвращению девочки в Португалию (мы подробнее остановимся на этой истории ниже). После такой общественной реакции упомянутая кампания быстро сошла на нет. Пилотные проекты в регионах, связанные с ювенальной юстицией, породили также далеко не однозначную реакцию: наиболее яростное противодействие им исходит от правоконсервативного фланга и возглавляется церковью, однако, например, сообщество против ювенальной юстиции в *LiveJournal* было создано пользователем *fritzmorgen* ² — постоянным автором журнала «Русский пионер», приближенного к Администрации Президента РФ.

Инициативы российского государства в борьбе с педофилией в целом находятся в русле движения мирового законодательства к ужесточению в этой части, однако и тут имеются любопытные особенности. Данная тема в России стала (наряду с борьбой против детской порнографии) одной из немногих площадок консолидации «системных» политических сил буквально по всему спектру. Партии хором требуют всё большего ужесточения репрессивных мер, Общественная палата РФ выступает за введение химической кастрации педофилов, Сергей Миронов предлагает давать за

подобные преступления пожизненное заключение, а Госдума рассматривает закон, полностью отменяющий условно-досрочное освобождение для осужденных по соответствующим обвинениям. Исполнительная власть, надо признать, пока сдерживает³ рвение правоохранительных органов и законодателей, но общество явно готово поддержать и куда более суровые меры. Так, после истории с бывшим боксером Александром Кузнецовым, забившим до смерти человека, напавшего на его сына⁴, общество в целом поддержало суд Линча — возникли даже общественные комитеты в поддержку спортсмена. Когда выяснилось, что Кузнецов — рецидивист, его поддержка снизилась, однако суд все равно назначил ему весьма мягкое наказание (два с половиной года строгого режима), — особенно если принять во внимание тот факт, что осужденный сам и был единственным свидетелем попытки нападения на его ребенка.

История с Кузнецовым — не первая, в которой российские граждане выражают позитивное отношение к самосуду в тех случаях, когда речь идет о детях-жертвах. Точно такая же реакция, к тому же поддержанная государственной пропагандистской машиной, имела место и при возвращении на родину Виталия Калоева, убившего швейцарского авиадиспетчера, ответственного за катастрофу над Боденским озером 1 июля 2002 года. Калоев, чьи жена и дочь погибли в этой катастрофе, посчитал, что суд отнесся к виновнику чересчур благосклонно и 25 февраля 2004 года собственноручно зарезал диспетчера Петера Нильсена. Калоев был освобожден досрочно, прокремлевские молодежные движения встречали его в аэропорту как героя, а позже он был даже назначен заместителем председателя Комитета по градостроительству и

архитектуре в правительстве Республики Северная Осетия — Алания.

С другой стороны, массмедиа исправно снабжают читателя статьями с заглавиями «Школьники четвертого и седьмого классов заживо вскрыли пенсионера, чтобы понаблюдать за работой внутренних органов» или «Школьники изжарили бомжа на Вечном огне в самом центре города», а МВД не менее исправно выражает обеспокоенность ростом детской преступности⁵.

Эти и многие другие события порождают информационный поток, подробный анализ которого не входит в задачу данной статьи, однако общее ощущение от него может быть описано довольно кратко: очевидно, что и власть, и общество испытывают, сталкиваясь с проблемами детства и семьи, растерянность, непонимание, страх и сильную тревогу. Этот набор эмоций образует худшую из возможных основ для принятия рациональных решений. Пока все происходящие трансформации законодательства находятся в целом в рамках общественного консенсуса. Однако противоречивость объекта действий (то есть ребенка), который оказывается одновременно и чудовищем, не ведающим добра и зла, и предельно незащитным существом, которого следует всеми силами ограждать от недобросовестных родителей, педофилов, растлевающего влияния Запада, наркотиков и бог знает чего (и кого) еще, в сочетании с давлением общества, требующего принятия самых решительных мер, делает нынешнюю ситуацию крайне неустойчивой. Общество (а за ним и государство) постоянно рискует сорваться в истерику.

Дело Сандры

Дело Сандры (Александры) Зарубиной, переданной португальским судом ее биологической матери Наталье Зарубиной, является в некоторых отношениях центральным «детским случаем» прошедшего года: в этом

деле сошлись почти все аспекты соответствующей проблематики. Напомним вкратце суть дела. Наталья Зарубина находилась на территории Португалии в качестве нелегального иммигранта. Там она встретила гражданина Украины Георгия Циклаури, от которого и родила дочь. Через некоторое (весьма короткое) время Зарубина написала расписку, в которой отказалась от ребенка, а португальский суд передал опеку над девочкой семье Жоау Пиньейру и Флоринды Виейра, которые и воспитывали Сандру до начала 2009 года. Затем суд принял решение о депортации Натальи Зарубиной, а поскольку согласно португальскому законодательству

целенаправленной политикой европейских стран — тем более что в большинстве этих стран судебная власть вполне независима, — а скорее сложным сочетанием факторов, включающим в себя и отличные от российских семейное законодательство и практику правоприменения: так, мы знаем, что случаи передачи родительских прав отцу, а не матери в российских судах единичны, а в Европе и США это обычное дело. Играет свою негативную роль и неблагоприятный (соответствующий или не соответствующий действительности — в данном случае не обсуждается) образ России в глазах европейцев, в частности, как страны, в которой нет незави-

“В русской блогосфере осуждали португальский суд, принявший решение о депортации Сандры Зарубиной, и российское государство с его пропагандистским шоу”.

нельзя депортировать мать отдельно от ребенка, Сандру «вернули» на родину.

В Португалии это решение суда вызвало возмущение общественности — вплоть до того, что прозвучали глухие обвинения судьи в коррумпированности. Была образована некоммерческая организация «Сандра», целью которой было заявлено возвращение девочки в Португалию. Врач-невролог русского происхождения Александр Афанасьев, инициировавший создание ассоциации, даже публично сжег свой российский паспорт, сообщив, что отказывается от двойного гражданства⁶.

Как правило, европейские суды в подобных случаях склонны передать ребенка родителю, живущему в Европе (см., например, предшествовавшую сюжету с Зарубиной не менее громкую историю Ирины Беленькой, делившей ребенка с французским мужем до тех пор, пока французский суд не встал на его сторону и не начал уголовное преследование его бывшей жены). Это объясняется не

симых судов. И наконец, нельзя сбрасывать со счетов иной подход к правам ребенка, подразумевающий сравнительно большее, чем в России, значение этих прав в конфликтных ситуациях. Именно поэтому решение европейского суда вызвало в случае с Зарубиной такое недоумение в Португалии. Кажется, не обошлось и без прямого политического давления: по крайней мере, девочка (небывалое дело!) была передана вице-консулу российского посольства непосредственно в зале суда.

Российская пропагандистская машина работала все это время на полных оборотах, превращая дело из заурядного для европейской юстиции случая в показательные патристические выступления на тему «русские дети должны жить в России». В новостных программах рассказывали о том, как российское государство защитило несчастную мать, у которой едва не отняли ребенка, но благодаря дипломатическим усилиям российской стороны справедливость восторжествова-

ла и т. д. Сутью кампании было представление нелегальной жительницы Португалии в виде архетипической для советской пропаганды фигуры Родины-Матери. Зарубина предстала зрителю в качестве символа новейшей России, сперва мыкавшей горе на чужбине (читай – в попытках усвоить западную ценностную систему), хлебнувшей горя, чуть не потерявшей ребенка (читай – будущее), но благополучно вернувшейся на родину благодаря опеке Правительства, выступающего здесь в качестве отеческой, патерналистской фигуры. Такую же линию пропаганда пыталась проводить и в других случаях (Элиза Андре, дочь Ирины Беленькой, «похищение» Антона Салонена), но там дело осложнялось наличием отцов, не позволявшим развернуть метафору в полную силу. Циклаури же, отец Сандры, отсутствовал в картине с самого начала.

Весь сюжет казался поначалу невероятно выгодным с пропагандистской точки зрения, по крайней мере, у девочки, в отличие от дочери Ирины Беленькой Элизы или от Антона Салонена, не было европейского отца, чьи права хотя бы теоретически следовало учитывать. Дело, однако, обернулось совсем иначе.

Резким поворотом в истории с матерью и дочерью Зарубины мы обязаны съемочной группе телеканала НТВ, освещавшей «возвращение» девочки в Россию (о возвращении тут можно говорить только в кавычках, так как девочка родилась в другой стране; термин «репатриация» был бы более подходящим, но его в проправительственных медиа, насколько мне известно, никто не употреблял). На бравурный патриотический текст корреспондент телеканала наложил – то ли сознательно, то ли по недосмотру – совершенно не подходящую для торжественного случая картинку: Наталья Зарубина грубо обращалась с ребенком, прямо в эфире было продемонстрировано, как она дала Сандре

подзатыльник. Кроме того, судя по несвязной речи, Зарубина была пьяна.

На этом месте машина дала сбой, и суггестивное отождествление Зарубиной с Родиной-Матерью обернулось против авторов пропагандистской кампании. Сюжет быстро оказался на *YouTube* и вызвал бурю возмущения в русской блогосфере. Возмущение это, с одной стороны, вылилось в сбор подписей за возвращение Сандры в Португалию, а с другой – в ряд дискуссий, обнаживших отсутствие общественного консенсуса в подобного рода вопросах. В основном участники полемики осуждали португальский суд, принявший решение о депортации, и российское государство с его пропагандистским шоу. Раздавались между тем и отдельные голоса, справедливо предлагавшие рассматривать проблему в более широком контексте: а что, если бы на месте португальских опекунов были российские, но просто более благополучные? Что, если бы проблема не осложнялась тем фактом, что к моменту депортации в Россию Сандра в культурном смысле уже не была русской девочкой (ребенок говорил только по-португальски)? Что, если бы в России девочку ждала не деревенская жизнь в доме без центрального отопления, а лучшие условия? Реакция блогосферы на дело Зарубиной важна именно в этих двух аспектах.

Во-первых, оказалось, что когда речь идет не об абстракциях, а о конкретной девочке, которая полчаса плачет в машине приемных родителей и говорит прямо, что не желает возвращаться в Россию, обычный для российского информационного поля садистический импульс отступает, и на смену ему приходит пусть эмоциональное, но обдуманное, но требование руководствоваться интересами ребенка. Это чуть ли не первый прецедент подобного рода за последние несколько лет, свидетельствующий, на наш взгляд, о падающем доверии к государствен-

ной пропаганде и об определенном повороте части общественного мнения.

Во-вторых, важно и то, что нашлось достаточное число трезвых голосов, готовых пойти дальше и рассмотреть проблему системно, выйти на уровень обобщающих рассуждений о степени допустимости государственного вмешательства в частную сферу, какой является семья. Именно эта проблема окажется ключевой в спорах о ювенальной юстиции, которые наберут силу к концу года.

Дело Зарубиной оказалось, хочется думать, последним громким казусом подобного рода (хотя уже сейчас складывается

О том, что подобные дела решено пока не использовать в пропагандистских целях, косвенно свидетельствует, например, то, что инцидент с Антоном Салоненом, которого его отец Пааво Салонен вывез при содействии сотрудника финского консульства из России полулегальным (законным с финской точки зрения, но незаконным — с российской) способом, а также обещавший стать не менее громким случай Бориса Дробачевского, вывезшего в Израиль своего шестилетнего сына Яна, были спущены на тормозах¹⁰. Поутихли в последнее время и споры о проблеме усыновления детей иностранцами, время от времени подогревав-

“Декларируется, что только российское государство может выступить «гарантом соблюдения прав» русских детей, усыновленных иностранцами”.

не совсем понятная ситуация вокруг Инги Рантала⁷, живущей в Финляндии гражданки России, у которой органы опеки отобрали ребенка, правда, пропагандистский накал несравним с прежними случаями). Уж слишком плачевны для всех без исключения действующих лиц оказались его результаты. О самой Сандре говорить излишне. Наталью Зарубину то и дело привлекают к ответственности⁸ за ненадлежащее отношение к воспитанию детей, дебоширство и пьянство. Реальным опекуном девочки оказалась ее бабушка, отвергнувшая⁹ летом прошлого года предложение о переезде всей семьи в Португалию. Об ущербе, нанесенном репутации российских властей, введивших португальскую сторону в заблуждение относительно условий, в которых предстоит жить девочке, не приходится и говорить. Трудно представить себе, что еще хотя бы один процесс подобного рода за границей закончится в пользу родителя — гражданина России.

шиеся сообщениями о гибели таких детей в тех или иных бытовых обстоятельствах. Напомню, что после того, как в июне 2008 года в США погиб двухлетний Дмитрий Яковлев, оставленный приемным отцом на солнцепеке в закрытой машине, в российских медиа и блогосфере прокатилась волна возмущенных откликов откровенно антизападного характера, а Министерство образования и науки РФ закрыло некоторые организации по усыновлению¹¹. Однако вопреки предложениям представителей общественности, среди которых оказался, в частности, писатель Сергей Лукьяненко, процесс усыновления российских детей иностранцами продолжается, а в том, что касается именно США, двусторонняя комиссия готовит проект отдельного международного соглашения в этой сфере. Более того, последний сюжет подобного рода — гибель семилетнего Ивана Скоробогатова от рук американских усыновителей, вызвал весьма взвешенную реакцию. В частности, в «Ведомостях» появилась

редакционная статья «Учет слезинок»¹², основной смысл которой сводится к тому, что российским политикам и новому детскому омбудсмену следовало бы обращать больше внимания на гибель детей в России.

Дело Зарубиной обнажило два важнейших проблемных узла в сфере отношения российского государства и общества к детям.

Первый — стремление государства использовать проблемные случаи в целях пропагандистской консолидации нации на основе антизападных настроений. Это, разумеется, всего лишь частный случай более общего подхода к правам личности. Важно, однако, что сопротивляемость общества такой деятельности оказалась, что удивительно, выше ожидаемой. В принципе тот же подход государство демонстрировало и в случае усыновления российских детей иностранцами — но, к счастью, в основном на уровне риторики. Конкретные действия ограничивались некоторым ужесточением правил, закрытием отдельных организаций, но общий подход к процессу остается (сравнительно с запросами радикальной части общественности) довольно мягким. Жесткость на уровне риторики, пожалуй, была характерна и для случаев с детьми от смешанных браков, — однако дело Зарубиной показало, что общество, собственно, и готово принять только *риторическую* жесткость¹³.

Второй узел — степень допустимости вмешательства государства в жизнь семьи и вообще в частную жизнь. Россия только что столкнулась с теми вызовами в этой сфере, с которыми западным странам пришлось иметь дело еще в 1930-е годы, на волне массовизации общества и распада (в той или иной степени) традиционных структур — семьи, малых территориальных сообществ, церковных приходов и т. д. Этот ключевой для определения приоритетов политики в области детства аспект мы рассмотрим ниже.

«Защита беззащитного»

Один важный аспект отличает сюжеты с детьми вроде Сандры Зарубиной от сюжетов с усыновлением детей иностранцами. Если в первом случае преобладающим оказывается патриотический дискурс, замешанный даже не на культурном, а на этническом национализме¹⁴, то в случае с усыновленными иностранцами детьми главным оказывается дискурс «защиты беззащитного». Декларируется (во всяком случае, на уровне риторики), что только российское государство может выступить «гарантом соблюдения прав» русских детей, усыновленных иностранцами. С одной стороны, эта риторика является очевидным образом лживой: российское государство не в состоянии гарантировать соблюдение прав даже тех детей, что полностью находятся в его юрисдикции (об этом провале в пропагандистской аргументации во второй половине 2000-х неоднократно писали российские публицисты — и либеральные, и не очень). С другой — она крайне показательна для государственной политики в области детства в целом. «Защита беззащитного» является здесь ключевым концептом, а сама «беззащитность» — тем обстоятельством, которое оправдывает поистине драконовские меры: и химическую кастрацию, и регулярно предлагаемое возвращение смертной казни в УК¹⁵, и такое очевидное ограничение гражданских прав, как «комендантский час» для подростков.

Если отвлечься от того, насколько необходима защита детей средствами, которые имеются в распоряжении правительства, обладающего широкими полномочиями в области регулирования частной и общественной жизни, даже если забыть о наиболее радикальных предложениях партий и общественных групп в этой области, то легко заметить, что риторика «защиты беззащитного» используется в тесной связке с репрессивными мерами. Так, основным предметом гордости в отчетном докладе орг-

комитета «Года семьи» в России является то, что «за различные правонарушения к административной ответственности привлечено 27 тыс. родителей и иных взрослых лиц, к уголовной — 1,7 тысячи человек»¹⁶. Ясно, что перед нами всего лишь частный случай сделки «свобода в обмен на безопасность», обычно приводящей к тому, что негосударственная сторона таких отношений лишается как свободы, так и безопасности. И здесь этот механизм доступен наблюдению во всех его деталях. Публичный политик даже в России может выступать за отмену наиболее одиозных юридических норм в области безопасности или, как это делает российская внесистемная оппозиция, настаивать на том, что борьба с экстремизмом служит не столько делу безопасности, сколько восстановлению контроля над всеми областями общественной жизни. В принципе, как показывает практика, даже наркополитика государства может подвергаться публичной критике — пусть и маргинальными фигурами. Однако, как только речь заходит о политических (или экономических) мерах, направленных на «защиту беззащитного» (а в российской практике это, как правило, именно ребенок; инвалиды, пациенты психиатрических клиник и иные «беззащитные») почти не включены в публичный дискурс и, насколько можно судить, до недавних времен даже отторгались им — подробнее об этом см. в статье Светланы Королёвой и Алексея Левинсона на с. 42–60), тут же воцаряется совершенно нехарактерное для российской политической жизни единодушие: за крайние репрессии выступают решительно все.

Нельзя сказать, чтобы эта ситуация не имела никаких социальных оснований. По данным Следственного комитета при Прокуратуре РФ, «в 2008 году жертвами преступного насилия в России стали 126 тыс. детей, погибли только от преступлений 1914 детей, 2330 детей подверглись насилию, им

был причинен тяжкий вред здоровью. <...> Только за девять месяцев прошлого года было выявлено 784 случая сексуальных действий в отношении несовершеннолетних. В розыске находилось 12,5 тыс. детей»¹⁷. Федеральное агентство по делам молодежи, кроме того, насчитало в стране от двух до пяти миллионов беспризорников, которые, впрочем, обычно проходят у правительства по другой части, считаясь не столько жертвами, сколько источником детской/подростковой преступности.

Эта статистика делает детей главными жертвами современного общества преимущественно в том случае, если ее рассматривать без контекста: преступность, направленная на детей, высока постольку, поскольку в России высок общий уровень преступности. В 2006 году Россия занимала первое место в мире по числу убийств¹⁸. В последние годы, согласно официальной статистике, число убийств снизилось, Россия переместилась вниз по списку, оказавшись более безопасной страной, чем Индия, США и ЮАР, однако некоторые, как, например, бывший начальник российского бюро Интерпола Владимир Овчинский, считают резкое улучшение отчетности следствием манипуляций со статистикой¹⁹. Так, последний утверждает, что РФ по числу убийств занимает второе место в мире. Ежегодно 14 тыс. женщин в России погибают от рук мужей²⁰. Не сказать, чтобы приведенные цифры были менее пугающими, тем не менее по вопросу о преступности в обществе в целом такого широкого консенсуса в пользу репрессий не наблюдается. Впрочем, недавнее истечение срока моратория на смертную казнь вызвало множество комментариев сходного рода. В частности, вице-спикер Государственной думы Любовь Слиска сказала даже, что готова «пойти в храм и поставить свечку, чтобы в нашей стране была восстановлена смертная казнь»²¹, притом далее в ее высказывании возникают и «убийцы детей».

Впрочем, даже если оставить в стороне методы составления отчетности МВД, что вполне достойно отдельной статьи, невооруженным глазом заметен удивительный факт: все показатели преступности за последние три года, по официальным данным, падают, а число преступлений против детей растет. МВД заявляет, что за четыре года (с 2004-го по 2008-й) цифра зарегистрированных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних возросла в 25,6 раза²². Отчасти это, видимо, связано с более или менее неотрефлексированным усвоением западных (особенно американских) тенденций: в последние годы наказа-

бы накала ни достигала антиамериканская риторика, США продолжают выполнять для России роль единственного внешнего референта, «Большого Другого»²³, и ужесточение американской политики в области преступлений против детей определенно дает российскому обществу и государству право на радикальные меры в этой области. Однако *причина* радикализации — не в этом.

Российское общество сталкивается в последние 20 лет с огромным множеством проблем, для которых у него нет методов решения. Единственным ответом на разного рода вызовы, постоянно (а не эпизодически) обсуждаемые публично, оказывается повы-

“Как только речь заходит о мерах, направленных на «защиту беззащитного», тут же воцаряется нехарактерное для российской политической жизни *единодушие*”.

ния за то или иное насилие над детьми (не обязательно сексуальное) всё ужесточаются, а в обществе в целом возникла атмосфера, пусть и не достигшая еще градуса «охоты на ведьм», но довольно близкая к этому. Автор собственными глазами видел в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе рекламные плакаты одной из общественных организаций, специализирующихся на защите детей. Они призывают смотреть в оба: «Если вы видите, что человек странно ведет себя с детьми, а значит, он, скорее всего, — педофил, звоните по телефону 1-800...» Уже не насильственные действия, а типичные «преступления без потерпевшего» вроде хранения порнографии (в том числе текстовой и рисованной) — если речь идет о продукции, содержащей изображения детей, — наказываются огромными сроками и последующей пожизненной, вне зависимости от назначенного срока, социальной стигматизацией. Рассмотрение причин этого явления выходит за рамки данной статьи, тем не менее сама тенденция очевидна. Какого

уровня государственного насилия до максимально возможного: восстановление смертной казни, отмена УДО, увеличение сроков заключения и т. д. Ужесточение репрессий оказалось, например, чуть ли не единственной реакцией на проблемы, связанные с употреблением наркотиков: нынешние российские законы карают, по сути дела, за употребление, а не за распространение наркотических веществ, запрещены программы «снижения вреда» и т. д. При этом готовность общества применять в таких случаях насилие даже выше, чем у государства: родители сами сдавали подростков в «клинику» екатеринбургского фонда «Город против наркотиков», где тех подвергали различным видам насилия в целях излечения от наркомании — миф об эффективности этой методики оказался, судя по возникающим время от времени в блогосфере дискуссиям, крайне живучим. Здесь следует вспомнить и уже упоминавшийся выше факт: часто в рассуждениях о педофилах и вообще преступлениях

против детей возникает образ «суда Линча», причем с позитивными коннотациями.

Подобные вылески «репрессивного сознания» характерны для обсуждения практически всех сколько-нибудь новых для России видов преступлений. В той или иной степени всему российскому законодательству свойственна избыточная репрессивность. В последние годы это, по всей видимости, связано с невозможностью обеспечить неотвратимость наказания — именно несистематичность наказаний отчасти компенсируется их декларируемой жесткостью.

Преступления против детей с их непривычной для общества жестокостью оказываются легитимирующей рамкой для запроса на насилие в целом. «Защита беззащитного» предстает в России, как и во множестве западных стран, той областью, где возможен любой градус ответного насилия. В этот канал устремляется вся ограничиваемая международными и внутринациональными конвенциями агрессия. Борьба с педофилией и смежными (в той или иной степени) явлениями — это как раз та сфера, в которой общество чувствует себя «в своем праве» и готово применять средства, казалось бы, уже исключенные из правового арсенала. Недаром Слиске, чтобы подкрепить необходимость возврата к смертной казни, потребовалось упомянуть «убийц детей»: без этого всякое такое требование выглядит в наши дни недостаточно убедительным и, можно сказать, не совсем цивилизованным. Сошлемся на Совет Европы. Когда там речь заходит просто об убийцах и насильниках, вполне уместным кажется обсуждение вопроса о том, снижает ли смертная казнь уровень преступности вообще. Но как только упоминаются «убийцы детей», дискуссии приходит конец, включается эмоциональная логика, которую можно кратко выразить словами: «Какой Совет Европы? Это же НАШИ ДЕТИ! Расстрелять как бешеных собак!»

Все вышесказанное не отменяет того, что положение дел с насилием против детей в России действительно неблагополучно и требует реакции, правда, в основном общественной, а не государственной. Однако дело в том, что общество испытывает перед этой проблемой страх, парализующий рациональную рефлексию и поиски эффективного решения. Кроме того, осознанно или нет, государство пестует такой иррациональный страх, тем самым «выпуская пар» и канализируя агрессию (см. отмеченное выше противоречие в милицейской статистике: возрастание количества зафиксированных преступлений против детей на фоне снижения преступности в целом), что совпадает с целями нынешних политических элит России.

Аналогичные или близкие по смыслу тренды действуют сегодня в большинстве развитых демократий, однако в России вылески коллективных эмоций по поводу «защиты детей», пожалуй, в наименьшей степени из всех западных стран корректируются сколько-нибудь аргументированными выступлениями экспертов, публичных интеллектуалов или иных общественно значимых фигур, дискуссиями в медиа и т. п.

Трикстер

Оборотной стороной образа ребенка как ультимативного объекта защиты является представление о нем как о трикстере, способном на поступки, выходящие по своей жестокости далеко за пределы обычных преступлений. Наряду с требованиями ужесточения законодательства против педофилов и потребителей детской порнографии, прокуратура и СКП в последнее время регулярно высказывают озабоченность растущей подростковой и детской преступностью. Так, весной прошлого года первый заместитель генпрокурора Александр Буксман приводил депутатам Госдумы такие цифры за 2008 год: «Сами несовершеннолетние в прошлом году

совершили около 117 тыс. преступлений. При этом ими совершено 500 убийств... Несоввершеннолетние стали виновниками 13,5 тыс. грабежей и почти 46,5 тыс. краж чужого имущества»²⁴.

Эта сравнительно сдержанная речь не идет ни в какое сравнение с тем, как соответствующие новости подаются в средствах массовой коммуникации. Вот всего несколько заголовков из криминального раздела одного из самых уважаемых российских новостных сайтов: «На Урале подростки зарезали мужчину за похвалу, а потом надругались над трупом из любопытства», «В Иркутске школьники из банды “Магия

по вышеописанным причинам — неуместно, общество оказывается в патовой ситуации.

Государственные органы уповают в этой связи на более активную политику²⁶ по защите прав детей, подразумевая, что дети становятся преступниками *от недосмотра*: дескать, если передать детей от недобросовестных родителей под присмотр, к примеру, государства или его образовательных учреждений, то ситуация изменится к лучшему. В том, что касается пенитенциарной системы, государственные предложения состоят в введении ювенальных судов и в отмене содержания несовершеннолетних в колонии. Не согласиться с этим вроде бы трудно, однако и

“Преступления против детей с их непривычной для общества жестокостью оказываются легитимирующей рамкой для запроса на насилие в целом”.

крови” пытали и убивали людей “ради смеха”: 8 жертв», «В Томске 12-летние школьники стали серийными убийцами после просмотра фильма “Молчание ягнят”». Заголовки специально не отбирались, а были взяты просто в порядке следования. Трудно не заметить, что основная эмоция здесь — все тот же иррациональный страх (или страх иррационального), о котором шла речь выше. Только теперь это страх не за ребенка, а *перед* ним.

На словах в России редко призывают к ужесточению наказаний для детей и подростков: возможно, некоторый иммунитет обеспечивает опыт сталинской «юстиции» в этой сфере, пусть и неотрефлексируемый и непроговоренный²⁵. На деле же, поскольку никаких других ответов на новые вызовы такого рода (а для людей, выросших в хрущёвском и брежневском СССР, детская преступность — это сравнительно новое явление), кроме ужесточения репрессий, у российского общества нет, а призывать к ним в данном случае было бы — во многом

эти инициативы встречают сопротивление общества, в основном представителей его правоконсервативной части: православной церкви, крайних националистов из ДПНИ и других. Причем в этом, казалось бы, важном для общества вопросе никакой альтернативной повестки дня оно сформировать не способно: РПЦ и национал-традиционалисты предлагают, чтобы все оставалось «как при бабушке», но ужесточений при этом тоже не требуют, протестуя скорее не против введения ювенальных судов, а против расширения прав государства по вмешательству в дела семьи.

Таким образом, государство предлагает в целях борьбы с подростковой преступностью поставить детей и семьи под больший, чем сегодня, контроль, одновременно воспользовавшись западным опытом по гуманизации наказаний и постепенной замене их реабилитационными мерами. Общество же не предлагает ничего. И тот и другой факт свидетельствует, по-видимому, о глубокой рас-

терянности перед лицом заявивших о себе вызовов и о кризисе новых подходов.

Полагаю, что эта растерянность вполне оправдана: введение ювенальных судов в России (при том что эта мера необходима хотя бы в целях отделения детей и подростков от нынешней чудовищной пенитенциарной системы) едва ли способно сколько-нибудь кардинально повлиять на проблему детской (подростковой) преступности. Точно так же расширение права государства вмешиваться в дела семьи не способно в долгосрочной перспективе привести к большей защищенности детей, а там, где способно, плата окажется чрезмерно велика.

“Достоверной картины молодежных субкультур нет даже у весьма продвинутых взрослых, а уж у школьных педагогов и околообразовательной бюрократии — тем более”.

Корни подростковой преступности не в последнюю очередь связаны с состоянием школьного образования. Степень консерватизма российской школьной системы давно уже зашкаливает. Несмотря на постоянное публичное обсуждение (и осуждение) образовательных реформ, таких как введение ЕГЭ, школа остается в значительной мере такой же, что и двадцать или тридцать лет назад. Кстати, с этим в какой-то мере связана и болезненная реакция на демонстрируемый Первым каналом сериал Валерии Гай Германики «Школа». Представители государственной власти, впрочем, отреагировали на него привычным способом, а именно желанием подменить реальность пропагандой: Борис Грызлов предложил снять альтернативный сериал, в котором будет представлен «позитивный образ учебных заведений»²⁷. Что касается системы среднего специального образования, то его положение, насколько можно судить, еще хуже, чем состояние общеобразовательной школы²⁸. Последней серьезной реформой школьного

образования была легализация частных школ, а предпоследней — введение совместного обучения мальчиков и девочек.

Система частных школ могла бы серьезно исправить положение, но она требует гибкого подхода к образовательному стандарту (или отмены такого стандарта), а к борьбе за такую отмену общество, только-только ушедшее от тотальной регламентации, оказалось не готово. Напротив, ужесточение стандартизации образования, произошедшее в 2000-х годах, сопровождалось рядом скандалов, но не вызвало сколько-нибудь последовательно сопротивления в среде педагогов и родителей. Ситуация с высшей школой в этом

смысле лучше: здесь частные заведения образуют вместе с государственными значительно большее число ниш, рассчитанных на самых разных учащихся с разными склонностями²⁹. Школьная же образовательная система, по крайней мере за пределами столиц, унифицирована и является по своей сути принудительной: родители, по закону, *обязаны* отдавать детей в школу, дети *обязаны* учиться по определенным учебникам и изучать определенный набор предметов.

Более того, низкая оплата учителей в государственных школах приводит к вымыванию квалифицированных кадров, а немногим энтузиастам-бессребреникам кислород перекрывают надзорные инстанции. Жесточайшая регламентация частных школ, невозможность для них (из-за несвободного рынка недвижимости и аренды) получить пристойные и недорогие помещения препятствуют развитию и этого образовательного сектора. Зачастую в школах правила устанавливают методисты советской закалки, являю-

щиеся в гораздо большей степени функционерами образовательной бюрократии, чем собственно педагогами. Телеологически школа ориентирована, как любое государственное учреждение, не на результат, то есть развитие ребенка, а на процесс³⁰ — в данном случае на выполнение инструкций. Избыточные же дисциплинарные меры ведут к сверхнеобходимому подавлению агрессии, которая в результате находит выход в уличной подростковой преступности. Россия, к сожалению, все чаще апеллирует в области государственных школ к опыту неблагополучных округов в США, где государственные школы в социально-конфликтных районах по уровню охраны больше похожи на тюрьмы. Однако такой подход является безадресным и неэффективным для России, в которой почти нет гетто, то есть районов с воспроизводящейся преступностью, территории до сих пор социально не слишком сегрегированы (исключением являются некоторые большие и наиболее кризисные моногорода); нет у нас и уличных банд с такой развитой инфраструктурой, как в США или, скажем, в иммигрантских округах Франции. Заключение детей и особенно подростков на большую часть дня в заведение, где дисциплинарные функции зачастую преобладают над образовательными и развивающими, не приводит к снижению преступности. Никакой особенной «улицы», из лап которой следовало бы вырвать среднестатистического ребенка, в стране, в общем-то, нет.

Последнее утверждение хотелось бы пояснить подробнее. Развитая криминальная инфраструктура, насколько можно судить, сложилась в СССР во время Второй мировой войны и действовала многие годы после ее окончания, постепенно трансформируясь и сливаясь с «остальным обществом» (в крайне мифологизированном виде память о такой инфраструктуре конца 1940-х представлена в сериале «Место встречи изменить нель-

зя»). В подростковой среде вовлечение в эту инфраструктуру поддерживалось крайней скученностью людей, нищетой, уголовной романтикой низового фольклора и массовым ощущением того, что «все сядем, неважно за что». Вот от этой-то уже не существующей «улицы» конца 1940-х — начала 1950-х и «спасают» школьников наши педагоги. Отчасти в последние годы сюда добавился и традиционный страх перед неформальными культурами вроде «эмо» и «готов», которые у родителей вызывают страх просто потому, что они ничего об этих культурах не знают, а у властей — потому что они боятся любых неподконтрольных и, главное, самопроизвольно возникающих сообществ. Информационный же фон формируют не профессиональные эксперты в соответствующих областях, а СМИ, в криминальной хронике которых то «эмо» жарят «готов» на костре, то «готы» пьют кровь из «эмо», а потом все вместе идут отнимать «кавайные няшки» у антифашистов, за которыми в это же самое время охотятся скинхеды. По большей части никакой достоверной картины молодежных субкультур нет даже у довольно продвинутых взрослых, а уж у школьных педагогов и околообразовательной бюрократии — тем более. Как и во многих других областях жизни современной России, знание о действительном положении дел замещается мифом, который и служит основой для последующего принятия решений.

Следует помнить еще и то, что рынок труда в России довольно сильно дерегулирован (особенно в крупных городах), что несколько демпфирует преступность: в обход или в нарушение Трудового кодекса школьники могут быть приняты на работу в качестве неквалифицированной рабочей силы в интернете (работа по продвижению и др.), а то и на вполне офлайновые разовые или регулярные работы. Страшно подумать о том, что произойдет, если новая

детская политика приведет к более строгому соблюдению трудового законодательства. Вышеприведенные аргументы (возможно, слабые и недостаточные) обсуждаются в России очень редко.

Тесно смыкаются с детской подростковой преступностью и проблемы детских домов-интернатов (ДДИ), о которых речь пойдет далее.

Между Большим Братом и атомизированным обществом

Сетования на атомизированность общества в нынешней России стали уже общим местом. Но и западные общества еще в 1930-е столкнулись с процессом упрощения и деградации довольно сложной системы горизонтальных социальных связей. В США и Западной Европе такое упрощение социальных структур оказалось, если посмотреть на дело ретроспективно, частью платы за построение государства всеобщего благосостояния: распад института семьи в том виде, в каком он существовал до 50-х годов прошлого века, был вызван не изобретением гормональных противозачаточных средств или появлением подгузников и стиральных машин (благодаря которым у женщин, как утверждают, высвободилось время для того, чтобы заняться карьерой). Причиной трансформации институтов, казалось бы, базовых, неизменяемых, стало появление пенсионной системы и вообще развитой системы социальных выплат. В значительной степени аналогичный процесс подстегнул и трансформацию СССР. Стоит, наверное, напомнить, что до 1950-х пенсионная система в Советском Союзе не существовала³¹. Государственное социальное обеспечение отправило в утиль менее технологичные, но куда более разнообразные системы частных благотворительных трансфертов и касс взаимопомощи³², обеспечивавших функционирование всевозможных больших и малых структур.

Вся система *foster care* и ювенальной юстиции в Европе и США является детищем компромисса между либеральными принципами и государством всеобщего благосостояния. «Неблагополучные семьи», потребовавшие в отношении себя постоянного надзора за соблюдением прав детей, стали *массовым* явлением после создания воспроизводящей бедность системы соцобеспечения.

В России дела, впрочем, обстоят иначе. Распад, а точнее, разрушение низовых структур гражданского общества произошло раньше, в 1920-е. В послевоенном же СССР доля государства в социальных трансфертах достигала почти ста процентов, так что и распад горизонтальных структур оказался гораздо более полным. Был выстроен гигантских размеров государственный протез, симуляция горизонтальных структур, распавшийся в одночасье после того, как прекратил функционировать аппарат принуждения. Именно части этой системной симуляции и вспоминают сегодня с ностальгией депутаты, занятые детской политикой: кружки, секции, пионерская организация...

Время от времени предпринимаются даже попытки воссоздать подобные институты. Сами по себе эти попытки ничем не плохи (и не хороши), но сколько-нибудь всеобщая, масштабная, унифицированная система таким способом создана быть не может: для этого требуется восстановление тотального государственного контроля.

Основная часть насилия (сексуального и иного) совершается сегодня и в России, и в других странах в рамках семьи. По разным оценкам, от 30 до 60 проц. детей, переживших сексуальное или иное насилие, пережили его в семье, еще 20 проц. случаев приходится на школу и детские организации. Статистические данные довольно туманны, доступ к ним затруднен, но уже упомянутые выше данные о 14 тыс. женщин, погибающих ежегодно от рук мужей в России, свидетель-

ствуют об уровне домашнего насилия вполне красноречиво. Убийства — только верхушка айсберга, которая уже никак не может быть скрыта в отчетах МВД: труп есть труп. Что находится в основании этого айсберга — остается только догадываться.

В целом ситуация такова, что наиболее вопиющие, заметные для массмедиа преступления — серийные убийства и насилие в отношении детей — совершаются вне семьи, хотя зачастую внутри тесных локальных социальных структур — поселков, небольших городов и т. д. Таким образом, у широкой публики (включая депутатов Госдумы) складывается искаженная картина происходяще-

решение британского правительства, и реакция на него партийной бюрократии, причем не лейбористской, а консервативной («Это всё слишком мало и слишком поздно», — заявил министр внутренних дел теневого правительства тори Крис Грейлинг), чрезвычайно показательны и могут быть описаны как крайний вариант сделки «свобода в обмен на безопасность». Заметим, что эта сделка заключается не между домохозяйством, где устанавливается камера наблюдения, и государством, а между «обществом в целом» и государством. Сходную сделку предложила американскому обществу Хиллари Клинтон в своей давней, в 1990-е годы

“В послевоенном СССР доля государства в социальных трансфертах достигала почти ста процентов, так что и распад горизонтальных структур оказался более полным”.

го. Люди же, имеющие доступ к достоверной информации, видят, что предпосылкой снижения уровня насилия в отношении детей является снижение уровня насилия в семье и школе. Именно этим объясняется то, что в рамках пилотных проектов по внедрению ювенальной юстиции в российских регионах основное внимание уделяется контролю государства над тем, что происходит в семьях, и именно этот контроль вызывает наибольшее неприятие критиков ювенальной юстиции из церковной и национал-традиционалистской среды.

Летом прошлого года по лентам информационных агентств прошло сообщение, что власти Великобритании планируют ³³ установку круглосуточных камер наблюдения в квартирах, где живут «неблагополучные семьи» (всего предполагалось установить 20 000 камер), в целях снижения уровня домашнего насилия и обеспечения безопасности детей. Впоследствии информация была частично дезавуирована. Однако и

написанной книге «Дело всей деревни» ³⁴: здравая мысль, заключенная в американской поговорке «Воспитание ребенка — дело всей деревни», в ней доведена до полного абсурда, поскольку деревней объявляется «весь народ», а такое расширительное толкование слова «народ» *всегда* скрывает стоящее за ним государство.

Указанный международный контекст имеет отношение и к российской практике. Появление в школах детских омбудсменов и изменение законодательной базы — это, по существу, мягкий вариант установки камер слежения. Возражения против этих мер со стороны крайних национал-традиционалистов представляют собой причудливую смесь ³⁵ обвинений в адрес мировой закулисы (к которой причисляется даже ЮНЕСКО), алармистской истерии в стиле «это Россия не перенесет, от этого она погибнет безвозвратно» и ряда вполне прагматичных аргументов, вычленение которых представляет собой настолько неблагоприят-

ную работу, что шансов на то, что они будут услышаны, к сожалению, мало.

Аргументы эти таковы:

- Практика государственных выплат семьям, куда теоретически должны переезжать дети из неблагополучных семей, приведет к возникновению еще одного коррупционного рынка. Это и сейчас имеет место: известны случаи, когда детей-сирот забирают в семьи исключительно в целях получения пособия.
- При текущем уровне коррупции делегирование государству дополнительных полномочий по вмешательству в частную жизнь семей распространит практику шантажа населения представителями мелкой и средней бюрократии с частного бизнеса на уровень частной жизни.
- В целом внедрение ювенальной юстиции будет способствовать усилению общественного и юридического давления на многодетные семьи, не всегда имеющие возможность обеспечить необходимый по законодательству уровень душевого дохода.

К этим опасениям необходимо добавить и отсутствие в нынешнем российском законодательстве понятия «социальный патронат». Это означает, что единственной возможной реакцией на любое неблагополучие в родной или в приемной семье станет изъятие ребенка и помещение его в социальные учреждения (интернаты, детские дома и т. д.), общественный контроль за которыми в России заведомо недостаточен, а злоупотребления в них если не так же часты, как в пенитенциарной системе, то близки к этому, хотя разговор об этом в отсутствие достоверной статистики затруднен.

Эти возражения требуют осмысленного ответа со стороны общества или государства. Если введение ювенальных судов в целом не вызывает серьезного общественного протеста, то делегирование государству непонятно чем ограниченных прав вмешательства во

внутрисемейные дела вызывает законное беспокойство граждан. Известен уже по меньшей мере один случай политически мотивированного преследования посредством органов опеки: у Сергея Пчелинцева и его жены Лидии Бузановой отобрали троих детей³⁶ на том основании, что они не в состоянии их обеспечить. Пчелинцев хорошо известен в левых кругах Нижнего Новгорода, принимает участие в пикетах, в том числе в защиту уволенных работников ГАЗа и т. д. Схожая, но уже, видимо, политически немотивированная история произошла и в Санкт-Петербурге, где у Веры Камкиной отобрали четверых детей в буквальном смысле за долги³⁷: чиновники пообещали вернуть детей после того, как Камкина погасит долги за услуги ЖКХ. Примеры подобного рода можно приводить долго (иногда эти ситуации смыкаются с проблемами насильственной госпитализации, как в недавней истории с Софьей Ласточкиной³⁸), однако общая тенденция почти всегда одна и та же: делегирование новых существенных полномочий коррумпированному, некомпетентному и деградировавшему государственному структурам РФ ни к чему хорошему не приводит.

Вопросы относительно патроната вообще и мотивации патронатных семей в частности станут вскоре, к сожалению, не более чем риторическими. Новый федеральный закон «Об опеке и попечительстве»³⁹ не содержит в себе понятие патроната вообще, что уже привело к остановке⁴⁰ соответствующих программ, а впоследствии и к разгрому⁴¹ детского дома № 19 Марии Терновской, отработавшего систему передачи детей в патронатные семьи. Бенефициарами такого положения вещей являются учреждения, входящие в систему, которую председатель правления РОО «Право ребенка» Борис Альтшулер справедливо называет «Россиротпромом»: затраты на содержание одного ребенка

в детском доме, по некоторым оценкам, составляют около 120 тыс. рублей в год⁴², количество детей в детских домах в России сегодня — около 55 тыс.; таким образом, только на непосредственное содержание детей в год расходуется 6,6 млрд рублей. Приемным родителям платят в год на ребенка 72 тыс. рублей. Таким образом, если представить себе, что все детские дома будут закрыты, 2,64 млрд руб. из этой сферы уйдут. Разумеется, в ДДИ достаточно много профессиональных работников, которые найдут свое место и на свободном рынке

очень трудно, так как система непрозрачна, однако мало оснований полагать, что в этой сфере дела обстоят иначе, чем в остальных: «коррупционный налог» в разных сферах российской экономики составляет, по минимальным оценкам, от 10 до 25 процентов. Ясно и то, что трансферты отдельным семьям всегда легче поддаются контролю, чем расходы большого ДДИ, функционирующего как бюджетное предприятие. То есть с точки зрения эффективности расходования средств патронатные детские дома предпочтительнее

“Помещение ребенка в социальные учреждения может оказаться единственной возможной реакцией на любое неблагополучие в родной или приемной семье”.

педагогических услуг: в сохранении текущей ситуации заинтересованы по преимуществу не они, а бюрократия среднего звена, занятая распределением получаемых средств.

В этом свете понятно, почему администрация ДДИ стремится оградить детей от контактов с потенциальными усыновителями. Чего стоит хотя бы общеизвестная практика автоматического проставления детям психиатрических диагнозов, смысл которой состоит в том, чтобы ребенок превратился из человека в «бюджетополучателя», средствами которого распоряжается не он сам, а функционеры системы. Штамповка диагнозов предназначена для того, чтобы затруднить усыновление, передачу под опеку или в патронатную семью (для этого диагноз сначала должен быть снят): если завтра всех детей усыновят и конкретный ДДИ закроют, люди, привыкшие распоряжаться за ребенка средствами, которые выделяет для него государство, лишатся дохода.

Оценить, насколько расходование этих средств соответствует заявленным целям,

обычных интернатов, так же как и в смысле эффективности социальной адаптации детей.

Ситуация с «вытеснением» патроната — зеркальное отражение политики в области частных школ. В сфере школьного образования правительство также вытесняет частные и общественные инициативы, подменяя их государственными структурами. Ввиду катастрофического положения с правами детей в домах ребенка и ДДИ «большое правительство» поначалу сделало уступки частной (патронатной) системе. Однако сделаны они были не по той причине, что государство вдруг осознало вред избыточного регулирования, а потому что детские дома и интернаты стали непрозрачны уже и для самого государства, которое надеется (и не без оснований), что патронатные семьи будет легче контролировать. Но в этой сфере, как и во многих других, в последние годы сделан шаг назад: полномочия, переданные поначалу семьям, государство снова возвращает себе.

Таким образом, политика в области обеспечения прав детей отличается

двойственностью: с одной стороны, органы опеки получают власть забирать ребенка из семьи по показателям недостаточного уровня жизни, а с другой — государство продолжает ассигновать неэффективную и непрозрачную систему «Россиотпрома», где оно не в состоянии обеспечить права ребенка, в том числе и оттого, что органы опеки, которые осуществляют соответствующий надзор, являются частью той же системы. Независимость же системы «детских омбудсменов» также является довольно формальной (отчего бы

нищете. Можно вообразить себе ситуацию, при которой органы опеки захотят изъять ребенка из такой семьи (прецеденты уже появляются), но трудно представить себе, что такие семьи станут объектом целенаправленного государственного шантажа — в том числе и потому, что доход их невелик и взять с них особо нечего.

Подытоживая эту часть статьи, хотелось бы подчеркнуть следующее. Катастрофическое положение с обеспечением прав детей в России налицо. Усиление государственного контроля над семьей в долгосрочной

“Усиление государственного контроля над семьей в долгосрочной перспективе является лекарством, которое породит больше болезней, чем выздоровлений”.

эту неполитическую должность не сделать выборной хотя бы на местном уровне? Но об этом даже речь не идет), а недавнее назначение Главным уполномоченным по правам ребенка такой фигуры, как Павел Астахов (адвокат, известный безоговорочной поддержкой действий российских властей), дискредитирует саму идею такого института⁴³.

Опасения же относительно того, что первыми жертвами надзорных органов ювенальной юстиции станут многодетные семьи, имеет, на наш взгляд, в значительной степени умозрительный характер. В России нет прямой связи между многодетностью и бедностью, что объясняется, по-видимому, доступностью услуг по прерыванию беременности и тем, что матери, оставляющие своих детей на попечение государственной системы опеки, в России почти не стигматизируются обществом. Многодетная семья в России, как правило, многодетна сознательно (часто по религиозным соображениям) и хотя в целом небогата, но редко живет в откровенной

перспективе является лекарством, которое, скорее всего, породит больше болезней, чем выздоровлений. Это вызвано тем, что часть соответствующих государственных институтов находится в таком же деградировавшем и коррумпированном состоянии, как и все остальные.

В краткосрочной перспективе такое усиление контроля может быть допущено, но в условиях отсутствия независимых судов права государства в лице органов опеки по изъятию ребенка из семей должны быть очень серьезно ограничены — прежде всего за счет введения социального патроната. Существующая система домов ребенка и ДДИ, несомненно, должна быть реформирована: для этого необходимо для начала вернуть в законодательство патронат. Следующим шагом должно стать максимальное облегчение и дебиюкратизация процедуры усыновления. Государственные же средства в этом случае имело бы смысл направлять на подготовительную работу с усыновителями и на разъяснительную работу с

населением по вопросам усыновления. Дебюрократизация должна одинаково коснуться и зарубежных, и отечественных усыновителей.

Государственный контроль в такой ситуации будет сводиться в основном к наблюдению и воспитательной работе с неблагополучными семьями — разумеется, в серьезных случаях по суду может произойти изъятие из-под опеки или лишение родительских прав, но важно, чтобы при этом ребенок не попадал в закрытое дисциплинарное учреждение, какими часто оказываются ДДИ. Решения по таким делам должны производиться только судами присяжных.

Заключение

В сфере детской политики у России нет, к сожалению, ни простых, ни даже сколько-нибудь хороших решений. Результатом предельного упрощения общества в советский период стало среди прочего укоренившееся убеждение, что воспитанием детей должна заниматься не семья, а школа или какая-то другая организация. Автор, работавший в 1994 году в одной из первых частных школ, с изумлением слушал, как родители (по большей части индивидуалистически настроенные, свободные люди, склонные в других обстоятельствах брать на себя ответственность, то есть бизнесмены первой и второй волны) предъявляли именно такого рода претензии *частной* школе. «Мы платим вам деньги, вы и занимаетесь ребенком» — вот наиболее типичный ответ на просьбу о педагогическом сотрудничестве.

Это означает, что довольно большое число российских семей не считают воспитание детей своим делом, а полагают, что им должна заниматься школа или мифическое «государство». Низовых структур гражданского общества, которые готовы хотя бы отчасти взять на себя

такую ответственность, в России тоже нет. Общественные организации как-то еще занимаются отстаиванием прав детей и усыновителей перед государством, но совершенно не в состоянии контролировать соблюдение прав детей на уровне семей — родных, приемных или патронатных — просто в силу нехватки ресурсов. Между тем это именно их работа.

Функция защиты прав ребенка в семье, таким образом, делегируется государству, в распоряжении которого из относительно действенных средств имеются только репрессивные: изъятие ребенка из семьи, лишение родительских прав и т. д. Разъяснительной, воспитательной и психологической работой государство заниматься не умеет и не может, а НКО соответствующего профиля крайне немногочисленны и испытывают обычные для всех российских организаций такого рода политические, экономические и юридические трудности. В политическом же смысле, как всегда в подобных случаях, ведется «поиск пропажи под фонарем». Так, громкие кампании в СМИ по борьбе с распространением детской порнографии в Интернете ⁴⁴ не решают ни одну из существующих проблем, зато порождают иллюзию деятельности и даже могут послужить поводом для очередного закручивания гаек.

Оборотная сторона «защиты беззащитного», то есть борьба с детской и подростковой преступностью, также делегируется государству, которое, препятствуя деятельности НКО и не проявляя решительности в борьбе с институтом ДДИ, не желая реформировать школу и не давая возможность нормально развиваться частному образовательному сектору, само же и благоволит этой преступности. К тому же правоохранительная, правоприменительная и пенитенциарная системы российского

государства находятся в таком состоянии, что никакого положительного результата ожидать и не приходится. Предложение о введении ювенальных судов, которое, к сожалению, под горячую руку отвергается вместе с увеличением государственного вмешательства в частную сферу, должно быть на самом деле одобрено обществом, хотя бы потому, что любые попытки создания структур, параллельных действующим (и никак по возможности с ними не связанным), — несомненное благо. Вместе с тем общество должно требовать подконтрольности этих новых структур — широкого использования в ювенальной системе судов присяжных, выборности судей этих судов на низовом уровне и т. д. В противном случае мы получим клон все той же коррумпированной и репрессивной системы, которая отправляет подростков за решетку сегодня.

Общая картина государственной политики в этой области складывается под действием разнонаправленных векторов. Один из них — попытка привести российское законодательство в соответствие с современными западными образцами. Двигателем этих действий является остаточный модернизационный импульс революции 1990-х и существующее, видимо, у части элит представление о том, что улучшение положения с правами ребенка и защитой детства необходимо России чисто прагматически — из соображений демографии и качества человеческого капитала. К сожалению, попытка наложить западное законодательство на деградированные общественные и государственные институты едва ли способна привести к позитивному результату.

Второй чрезвычайно важный вектор направлен на сохранение советской системы в ее более или менее неизменном виде. За этой тенденцией стоит консервативная общественность и, что более важно,

бюджетополучатели системы ДДИ. Национал-консерваторы руководствуются правильной в принципе, но глубоко утопической в текущих обстоятельствах идеей, что права ребенка могут быть обеспечены исключительно семьей, а бюрократия «Росси́ротпрома» — прямыми соображениями экономической выгоды.

Третий вектор государственной политики — сугубо пропагандистский. Очевидно, что существует мощный общественный запрос на изменение положения дел в сфере отношения к семье и детству. В проправительственных медиа он преподносится крайне односторонне: в нем акцентируются исключительно требования ужесточить карательную систему и ввести цензуру. Этот же общественный запрос используется для нагнетания негатива в отношении иностранных государств и культур.

Трудно предположить, что следующая описанным векторам политика в области детства может быть сколько-нибудь целостной или хотя бы долгосрочной.

Нынешняя активизация законодательной и исполнительной власти в том, что касается детской политики, определенно является ответом на запрос общества. Невнятность и неэффективность предлагаемого ответа, к сожалению, полностью соответствуют характеру запроса, который общество не в состоянии сформулировать сколько-нибудь четко. Этот ответ представляет собой набор разрозненных правительственных инициатив, сочетающих в себе патернализм советского образца, попытки по модели карго-культы перенять механизмы, работающие в обществах, устроенных совершенно иначе, с чистой пропагандой, зеркально отражая тот противоречивый набор запросов, с которыми обращается к правительству общество. Ситуация только

усугубляется тем, что единственное в России средство действительно *массовой* коммуникации, телевидение, не может быть площадкой для широкого и сколько-нибудь внятного обсуждения этих вопросов. Единственный способ артикулировать общественные потребности сколько-нибудь непротиворечиво заключается в использовании инструментария столь же очевидного, сколь на данном этапе и непопулярного: поощрение общественной автономии, обеспечение возможности вести открытые дискуссии, демократия и неимитационная выборность властей хотя бы на низовом уровне, уплата подоходного налога в местные бюджеты и так далее.

Настоящая же ситуация естественна для нынешней России, говоря о которой мы, по выражению Льва Гудкова⁴⁵, имеем дело «не

с процессами глубокой трансформации советской государственной и экономической структуры и перехода к какому-то варианту современного европейского общества, а скорее с очень медленным процессом разложения старой институциональной системы». Это означает, что пока процесс разложения продолжается, а институциональные рамки остаются прежними, детская политика будет частью отложенной модернизации, в состоянии которой пребывает вся страна. Что должно случиться для того, чтобы эта мертвая зона была пройдена? Успеет ли страна вообще пройти эту зону до своего распада? Ответы на подобные вопросы, находящиеся далеко за рамками данной статьи, мы так или иначе получим в ближайшие пять—десять лет. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ <http://www.nr2.ru/society/215376.html>

² См., например, здесь: <http://fritzmorgen.livejournal.com/255782.html>

³ В подписанном президентом варианте закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» условно-досрочное освобождение (УДО) не отменяется вовсе, но становится возможным после отбытия трех четвертей назначенного срока наказания.

⁴ <http://www.gazeta.ru/social/2008/01/29/2608806.shtml>

⁵ Вспоминается недоумение Максима Каммерера, жителя светлого коммунистического будущего, попавшего в страшный мир Саракша в романе Стругацких «Обитаемый остров»: «... Не совсем вас понимаю. Что такое “детская преступность”? Преступления против детей? За щ и т н и к: Нет, преступления, совершаемые детьми. О б в и н я е м ы й: Не понимаю, дети не могут совершать преступлений...» (Цит. по: http://lib.ru/STRUGACKIE/ostrow.txt_Piece40.08).

⁶ В интервью радио «Свобода» он объяснил этот свой жест тем, что после депортации Сандры

отношение к русским в Португалии стремительно ухудшилось: сжигая паспорт, Афанасьев хотел продемонстрировать, что не все португальские русские одинаковы и не все готовы солидаризоваться с позицией российского правительства, выразившего — через подконтрольные медиа — восторг по поводу перемещения матери и дочери в Россию (см. <http://www.svobodanews.ru/content/article/1744275.html>).

⁷ <http://www.baltinfo.ru/tags/Inga-Rantala>

⁸ <http://www.newsru.com/russia/27may2009/sandra.html>

⁹ <http://www.newsru.com/russia/18sep2009/babsandr.html>

¹⁰ Несмотря на то, что дело Дробачевского находилось «на особом контроле» молодежного движения «Молодая гвардия Единой России».

¹¹ <http://txt.newsru.com/russia/11jul2008/zakroyut.html>

¹² <http://10.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/03/04/227267>

¹³ Такая несколько шизофреническая на вид ситуация является на самом деле совершенно органичной. «Вставание с колен» российского общества происходит исключительно в виртуаль-

ной сфере, отыгрыш поражения в холодной войне происходит почти исключительно на дискурсивном уровне, реваншизм имеет символический характер, а когда доходит до дела, как в случае с грузинской кампанией лета 2008 года, и государство, и общество довольно быстро обнаруживают себя в ситуации крайнего дискомфорта и непонимания дальнейших перспектив: у России нет ни стратегии, ни тактики реванша, но исключительно эмоциональный запрос на него. На предметном же уровне основным запросом — во всяком случае пока — является не реванш, а стабильность, ненарушаемое полудетаргическое состояние, необходимое обществу для восстановления сил.

¹⁴ Недаром один из участников дискуссии в блогосфере указывает на то обстоятельство, что в Россию «вернули» ребенка, выросшего в инокультурной среде и даже не говорящего по-русски, то есть по принципу «крови» (<http://golishev.livejournal.com/1176935.html>).

¹⁵ «Более того, что касается педофилов, я бы поддержал даже суды Линча. Считаю, что такие преступники не заслуживают никаких поблажек и послаблений», — говорит игумен Сергей Рыбко, настоятель храма Сошествия Святого Духа на апостолов на Лазаревском кладбище (<http://newsru.com/russia/09apr2008/pedofilia.html>). Справедливости ради надо заметить, что официальная позиция РПЦ по этой проблеме отличается большей сдержанностью: и.о. секретаря отдела внешних церковных связей Московского патриархата священник Георгий Рябых считает, что лучшим способом борьбы с педофилией является запрет на ее пропаганду в СМИ. Что имеется в виду под такой пропагандой, впрочем, иерей не поясняет.

¹⁶ <http://www.newsru.com/arch/russia/22oct2008/family.html>

¹⁷ <http://newsru.com/russia/16mar2009/deti.html>

¹⁸ http://www.newsru.com/crime/18apr2006/mur_1.html

¹⁹ <http://echo.msk.ru/news/571355-echo.html>

²⁰ <http://www.gzt.ru/society/2008/02/20/220244.html>

²¹ <http://www.rosbalt.ru/2009/10/30/684910.html>

²² <http://www.newsru.com/russia/08apr2008/mvd.html>

²³ Подробнее об этом см.: Львовский С. С вывернутой шеей // Новое литературное обозрение. 2009. № 95.

²⁴ <http://www.newsru.com/russia/25mar2009/kinder.html>

²⁵ В СССР даже раньше, чем в США, перестали выносить и приводить в исполнение смертные приговоры несовершеннолетним.

²⁶ То же мартовское выступление Буксмана перед депутатами Госдумы, на которое мы уже ссылались, завершается предложением о создании поста уполномоченного по правам ребенка, детского омбудсмена, что и было впоследствии сделано в рамках организации в России ювенальной юстиции.

²⁷ <http://www.rian.ru/society/20100202/207420978.html>

²⁸ <http://www.openspace.ru/society/russia/details/16295/>

²⁹ Это разнообразие отчасти вынужденное, связанное с упомянутым выше глубоким кризисом системы профессионального обучения, техникумов и колледжей.

³⁰ Это утверждение, впрочем, не совсем корректно исторически. Изначально советская школа была занята «созданием нового человека», материала для строительства нового общества. Направление на воспитание «достойного гражданина своей страны», «маленьких граждан новой России» и т. д. сохраняется и сегодня — к ребенку по-прежнему относятся не как к свободному человеку, а как к материалу или собственности государства, что со всей отчетливостью следует, к примеру, из дела Зарубиной. В этом смысле образование служит развитию ребенка, но в «правильную», необходимую для государства сторону. При таком отношении со стороны государства школа начинает напоминать то ли тренировочный лагерь, то ли звероферму, на которой откармливали Недопеска в повести Юрия Коваля. Подобный взгляд на школу прямо формулирует близкий к ФЭП политолог и публицист Павел Данилин в дискуссии о комплексе учебных книг, в котором Сталин был назван «эффективным менеджером» (Данилин был и сам одним из авторов этого комплекса): «Учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России» (<http://leteha.livejournal.com/502209.html?thread=8057281>).

³¹ Закон СССР «О государственных пенсиях», создавший национальную пенсионную систему, был принят только в 1956 году, а колхозники получили доступ к этой системе и того позже — в 1964-м.

³² В СССР в отсутствие возможности взять банковский кредит такие структуры сохранялись в отдельных учреждениях до конца 1980-х годов. Называемые иногда «черными кассами», или КВП – кассами взаимопомощи, – эти формируемые путем отчислений от зарплаты по добровольному соглашению работников предприятия (реже всего предприятия, чаще отдела или иного структурного подразделения) резервные фонды позволяли домохозяйствам совершать дорогостоящие (вроде стиральной машины) приобретения, иначе не укладывавшиеся в семейный бюджет.

³³ <http://www.express.co.uk/posts/view/115736/Sin-bins-for-worst-families>

³⁴ *Clinton H. It Takes a Village: And Other Lessons Children Teach Us.* Simon & Schuster, 1996.

³⁵ http://rusk.ru/tema/obwstwo/yuvenal_naya_yusticiya/

³⁶ <http://www.marksizm.info/content/view/6119/57/>

³⁷ <http://www.fontanka.ru/2010/02/15/014/>

³⁸ <http://onza.livejournal.com/466148.html>

³⁹ http://www.pro-mama.ru/article_987.html

⁴⁰ <http://www.svobodanews.ru/content/article/1615328.html>

⁴¹ <http://miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=7&id=10955>

⁴² http://www.pro-mama.ru/en/articles_345_502.html

⁴³ При учреждении поста Уполномоченного по правам ребенка в России на него был назначен Алексей Головань, юрист и управленец, с 1989 года профессионально занимавшийся проблемами детей-сирот – сначала в Советском детском фонде, потом на посту исполнительного директора благотворительного центра «Соучастие в судьбе». На посту Уполномоченного г-н Головань, чье назначение сопровождалось поддержкой проправительственных медиа, пробыл удивительно недолго – с 1 сентября по 26 декабря 2009 года. Уволен был Головань с официальной формулировкой «по собственному желанию». Комментировать обстоятельства своего ухода он отказался. Отставка Голованя удивила и вызвала сожаление экспертов по вопросам прав человека и прав ребенка (см., например: <http://www.hro.org/node/7128>).

⁴⁴ Или не в Интернете: см., например, попытки обвинить в пропаганде педофилии российский телеканал «2x2» (<http://news2.ru/story/136108/>).

⁴⁵ Выступление на заседании «круглого стола» «Модернизация экономики и общество» 3 апреля 2007 г. (<http://www.hse.ru/data/589/663/1234/gudkov4.doc>).

Организации негражданского общества

О социальных формах жизнеобеспечения детей-инвалидов в современной России | **СВЕТЛАНА КОРОЛЁВА, АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН**

Известно, что в биологических популяциях регулярно появляются особи с отклонениями от нормы, характерной для всех остальных. Иногда эти отклонения создают преимущества, но чаще служат основанием для исключения таких особей из процесса воспроизводства, а зачастую и для ускоренного прекращения их жизни. В сообществах гоинид в той мере, в какой они остаются популяциями животных, подобные правила продолжают действовать. Но в той степени, в какой эти сообщества стали человеческими, названные механизмы естественного отбора заменяются другими, совокупность которых образует культуру. В рамках современной цивилизации установился порядок, который полностью противоречит популяционным законам эксклюзии и отбраковки неприспособленных особей. Согласно этому порядку жизнь любого человеческого существа священна и требует поддержания, любой человек априори является членом общества и должен пребывать в нем.

Отклонения — не повод для исключения или изоляции от общества. Так, Организация Объединенных Наций, «вновь подтверждая веру в права человека и основные свободы, а также в принципы мира, достоинства и ценности человеческой личности и социальной справедливости... ссылаясь

на принципы Всеобщей декларации прав человека, международных пактов о правах человека, Декларации прав ребенка», провозглашает «необходимость оказания умственно отсталым лицам помощи в развитии их способностей в различных областях деятельности и содействия по мере возможности включению их в обычную жизнь общества»¹.

Документ ООН содержит оговорку, «что некоторые страны на данном этапе своего развития могут приложить лишь ограниченные усилия в этих целях»². Изучение ситуации в России не оставляет сомнений, что данная оговорка в полной мере относится к нашей стране.

Исследование, проведенное в 2008–2009 годах Левада-Центром (объектом исследования стали «детские дома-интернаты — ДДИ — для умственно отсталых детей») ³, показало, что при решении проблем детей-инвалидов возникает ряд серьезных вопросов, которые выходят за рамки узковедомственных и относятся к обществу в целом. Это вопросы о ценности человеческой жизни как таковой, об отношении к инвалидам, сиротам, лицам с различными отклонениями, а также вопрос о том, государство или общество должно в первую очередь заботиться о таких людях.

Исследование подтвердило, что некоторые требования упомянутой выше Декларации Генеральной Ассамблеи ООН в России успешно выполняются, а именно те, что касаются создания государственной системы жизнеобеспечения для детей-инвалидов. Но с реализацией другой части требований дело обстоит гораздо хуже. Речь идет в первую очередь об обеспечении ряда прав умственно отсталых детей.

Особый характер организации государственных структур, их родовая принадлежность к бюрократическим учреждениям, с одной стороны, и к такой разновидности последних, как учреждения «закрытого типа», — с другой, не позволяют им успешно справиться с этой задачей. Решению проблем детей-инвалидов могли бы помочь гражданские организации, которые призваны действовать на направлениях, где отсутствуют или неэффективны усилия государственных органов. Однако, как мы увидим ниже, успехи гражданского общества здесь пока весьма скромны.

Интернаты и изоляция

В свое время возможность взять детей с отклонениями в развитии под государственный надзор и опеку было важным завоеванием социальной политики. Администрация и персонал многих обследованных нами ДДИ с гордостью сообщали нам, какие комфортабельные условия им удалось создать для воспитанников, какие значительные средства получены и истрачены на приобретение медицинского оборудования, как высока квалификация специалистов, работающих с детьми, и т. д. Однако в мировой практике постепенно формируется новое отношение к инвалидам вообще и к детям-инвалидам описываемого типа в частности: оно предполагает, что основная помощь инвалидам исходит непосредственно от общества и его институтов, а не от государственных (либо коммерческих) учреждений.

Согласно такому подходу дети-инвалиды должны находиться в семье — родной или приемной, которая может создать наиболее благоприятные условия для их жизни и развития. Семье предоставляется необходимая помощь и со стороны общественных организаций, и со стороны государства. Приюты и детские дома в современных обществах становятся учреждениями медицинской, психологической и иной помощи подобным семьям.

Новый подход к проблеме детей-инвалидов объясняется распространением совершенно иных взглядов на ценность человеческой жизни, на норму и патологию, на права человека, его свободу и защиту. Опыт других стран говорит о том, что происходящие перемены связаны с глубинными социальными сдвигами, в результате которых трансформируется социальная структура и культура затрагиваемых ими обществ. Часть этих процессов описывается понятием модернизации. Пересмотр отношения к детям-инвалидам, таким образом, входит в повестку модернизационных изменений в нашей стране.

Между тем российские интернаты для умственно неполноценных представляют собой места, где люди содержатся не добровольно⁴. Закрытость любых заведений, и этих в частности, создает риск развития в них неблагоприятных тенденций бесконтрольного насилия. В СМИ неоднократно появлялись свидетельства об эксцессах подобного рода⁵. Но суть дела даже не в нарушениях и злоупотреблениях. Проблема остается и в отношении «хороших», внешне благополучных заведений, которые в основном и оказались в центре нашего внимания, и заключается она в изоляции и дискриминации тех, кого сочли «не такими, как все»⁶.

В обществе растет озабоченность по поводу положения детей в ДДИ, что свидетельствует о кризисе данного социаль-

ного института и о появлении у россиян новых представлений о том, как следует относиться к детям-инвалидам. В опубликованном в 2006 году специальном докладе Уполномоченного по правам человека в РФ сообщается: «Широко распространена практика неправомерного помещения детей в детские дома-интернаты фактически на пожизненное проживание, поскольку по достижении совершеннолетия их переводят в аналогичные интернаты для взрослых... В домах-интернатах нарушается право детей на частную жизнь. Пространство их жизнедеятельности крайне ограничено, помещения переполнены, дети не имеют возможности уединиться. Дети, проживающие в детских домах-интернатах, полностью зависят от сотрудников учреждения и не защищены от произвола персонала... Одной из причин полной незащищенности детей в детских домах-интернатах является их закрытость, отсутствие внешнего контроля за соблюдением прав воспитанников. О необходимости создания системы общественной инспекции в данной сфере неоднократно заявляли общественные правозащитные организации, эти предложения были поддержаны Комитетом ООН по правам ребенка и нашли свое отражение в его рекомендациях Правительству России 1999-го и 2005 года»⁷.

Судьба сирот, а также так называемых социальных сирот – оставленных и брошенных детей, детей с органическими или функциональными нарушениями – это, по сути, одна судьба, коль скоро все они оказываются на попечении государства. Их переводят из учреждений одного типа в другой, где-то лечат, где-то учат, где-то просто «передерживают». В любом случае они остаются изолированными от общества.

Тип «закрытых» учреждений Минздравсоцразвития, которые стали предметом изучения в нашем исследовании, сочетает в себе родовые признаки мест неволи и мест

попечения. Именно поэтому так остро встал вопрос о том, стоит ли, как и прежде, находиться там попавшим туда детям. Нет счета аргументам тех, кто утверждает, что такой заботы, такого ухода и таких специальных условий, которые предоставляются детям-инвалидам в ДДИ, им больше не сможет обеспечить никто и нигде. Бесконечны и доводы тех, кто говорит о вреде, который наносят этим детям и обществу условия содержания в специализированных домах. Уже сам характер возникшей дискуссии не предполагает победы той или иной стороны с помощью приводимых ими аргументов. Спорящие стороны стали выразителями мощных социальных тенденций и оформляющих их социальных институтов, они представляют совершенно разные дискурсы, или модели, общественного отношения к инвалидам. В дискуссиях эти модели получили условное обозначение как «медицинская» и «социальная».

Две концепции инвалидности

Сторонники существующей с XVI века «медицинской» модели считают, что полноценной общественной жизни инвалидов препятствует патология их развития, которая приводит к ограничению их физических или умственных возможностей. Согласно этой модели, таких людей надо лечить либо, если их состояние хроническое и неизлечимое, создавать для них особые условия, то есть в первую очередь помещать в специальные медицинские учреждения, где профессионально подготовленный персонал мог бы поддерживать их существование.

Особенность учреждений, о которых идет речь, заключается в том, что находящиеся в них дети имеют самый низкий статус из всех возможных в нашем обществе. Как уже было сказано выше, они содержатся в условиях, во многом напоминающих места лишения свободы, но с той разницей, что «в тюрьме хоть

знают, за что сидят». И это действительно так: преступники, в том числе и малолетние, воспринимают себя и рассматриваются всеми, кто с ними имеет дело, как люди с субъектностью, волей, сознанием. Что же касается «умственно отсталых», то, с точки зрения современного российского общества, за ними подобных человеческих качеств можно не числить. Дети «с диагнозом», как правило, юридически лишены дееспособности. Эта мера применяется к ним так же, как и к лицам, злоупотребляющим алкоголем и наркотиками. Таким образом, дети-инвалиды ограничены в правах, как если бы они были виноваты в расстройках своего сознания, причинили его себе сами, как это делают алкоголики или наркоманы.

Велико сходство ДДИ и с психиатрическим стационаром. Помимо того, что и в том, и в другом случае проводят более или менее одинаковую терапию, известно, что в некоторых ДДИ используются психотропные средства в качестве меры наказания провинившихся воспитанников.

«А у нас и от воровства лечат. Как чем?! Психотропными препаратами. Курс таких уколов – и уже не ворует. Просто потому, что вообще ничего не делает – не может. Лежит, как растение, тут не до воровства. Вообще ни до чего...»⁸

Наблюдатели квалифицируют подобные случаи как продолжение практики «карательной психиатрии»⁹.

Отдельный вопрос — о детях, попавших в систему ДДИ в результате ошибочного или намеренно искаженного диагноза. Во многих интернатах приводили примеры или даже знакомили нас с детьми, которые находятся в этих учреждениях без действительных медицинских показаний. Об этом же с беспокойством говорят правозащитники: комиссии по пересмотру диагнозов (ПМПК) «все так

же штампуют детей диагнозами-приговорами и “сливают” их в ДДИ органов социальной защиты»¹⁰. Здесь необходимо учесть, что Гражданский кодекс РФ не предусматривает возможность подачи заявления о восстановлении в дееспособности самим недееспособным лицом. (Это обстоятельство стало предметом рассмотрения дел в Европейском суде по правам человека¹¹).

Даже если для детей — усилиями сотрудников ДДИ — созданы относительно благоприятные условия в стенах учреждения, само учреждение тем или иным способом отгорожено от общества, что можно рассматривать как пространственное, физическое выражение эксклюзии.

Еще недавно изоляция считалась благом для обеих сторон: для самих несчастных, которые не приспособлены к жизни с нормальными людьми, и для избавленного от них общества. Однако сегодня все больше экспертов заявляют, что изоляция инвалидов от общества в детстве обрекает их на то, чтобы оставаться оторванными от него и во взрослом возрасте. Специалисты отмечают, что даже сравнительно краткое по времени пребывание изначально здорового младенца в «Доме ребенка» с высокой вероятностью предопределяет дефектность его развития, в результате чего он вынужден и в дальнейшем пребывать в закрытых медицинских или пенитенциарных учреждениях. И если у воспитанников этой системы появляется возможность родить детей, то их дети, скорее всего, окажутся в рамках той же системы. Их удел — «либо зона, либо диагноз». Как говорят сотрудники таких учреждений, «от сирот рождаются сироты». Поддерживая жизнь этих изъятых из общества субъектов, система тем самым обеспечивает и свое собственное существование.

Одна из задач государственной системы специализированных учреждений — оказывать социальную защиту и создавать

условия для развития детей. Но психическая депривация, характерная для данной институционализации, приводит к тому, что общее физическое и психическое развитие детей замедляется и искажается, создавая эффект, получивший в американской практической психологии диагностическое название «психосоциальная карликовость». «Известно, что результатом пребывания ребенка в детском доме является низкая самооценка, ограниченность социального опыта, неразвитость эмоций,

организации, но возникают они редко и только в случае благоприятного стечения обстоятельств: в частности, если найдется достаточно влиятельная (не обязательно с финансовой, но непременно с административной точки зрения) поддерживающая организация. Отметим, что родительские организации в России существенно отличаются от западных тем, что выполняют в значительной мере замещающую функцию по отношению к социальным службам, предоставляя детям то необходимое, чего они

“Родительские организации в России отличаются от западных тем, что выполняют в значительной мере замещающую функцию по отношению к социальным службам”.

неготовность к самостоятельной жизни. Период постинтернатной адаптации для выпускников осложняется иждивенческими установками, низким уровнем социального интеллекта и компетентности. Предоставляемая государством социальная помощь оказывается малоэффективной — выпускники чувствуют себя психологически незащищенными в самостоятельной жизни»¹².

Итак, сторонники «медицинской» модели выступают за изоляцию инвалидов от остального общества. Вот почему в обществе, где принята такая модель, инвалиды по большей части оказываются отвергнутыми и дискриминированными. При подобном подходе к инвалидности государство может гарантировать ребенку обслуживание медицинское, но не социальное. Естественно, родителю (если он остается родителем) трудно смириться с таким отношением к своему ребенку, когда тот воспринимается не как социальное существо, а лишь как объект медицинской помощи, «тело». В качестве реакции на это создаются соответствующие родительские

лишены, находясь в системе, поддерживающей «медицинскую» модель.

По словам активистов подобных организаций, совместными усилиями иногда удается добиться того, что трудно сделать каждой семье по отдельности. Медицинскую помощь, в которой постоянно нуждаются дети-инвалиды, оказывает персонал интерната. Родители же «пробивают» для интернатских и своих детей окно в обычный, «немедицинский» мир. Следует отметить, что важное место в деятельности подобного рода организаций занимает «защита прав и законных интересов детей с ограниченными возможностями, обеспечение им равных с другими гражданами возможностей, решение задач общественной и социальной интеграции и индивидуального развития таких детей»¹³.

Другая модель, «социальная», о которой в России только начинают говорить, предполагает, что «не такие люди» испытывают трудности не из-за своих органических или функциональных отличий, а из-за того, что общество не предусмотрело их участия во всеобщей деятельности.

Сторонники этой модели призывают к интеграции инвалидов, к созданию условий для их жизни в обществе. Они полагают необходимым, чтобы общество и инвалиды учились взаимодействовать друг с другом. С точки зрения «социальной» модели, инвалидность — это по большей части вопрос прав человека, то есть насколько права человека вообще и инвалида в частности будут соблюдаться в том обществе, в котором он живет. Ее сторонники не отрицают того, что инвалиды нуждаются в медицинской помощи, но настаивают, что социально-психологически они имеют право быть принятыми обществом такими, какие они есть.

Ценность жизни под вопросом

Установка современной медицины на борьбу за жизнь любого человеческого существа приводит к тому, что в различных учреждениях, в том числе в ДДИ, содержатся дети с тяжелыми и очень тяжелыми формами патологии. Дефекты умственного развития у них сочетаются с комплексом соматических заболеваний и существенными отклонениями от нормы в физическом развитии. Встречающиеся у этих детей типичные деформации согласно культурным стереотипам воспринимаются как отталкивающие, сигнализирующие о потенциальной опасности. Внешний вид таких детей, их попытки (либо неспособность) двигаться или говорить у «нормальных» людей может вызвать острую аффективную реакцию — страха, агрессии, смеха, плача.

Реакция отвращения и избегания, которую человек испытывает на индивидуальном уровне, на социальном оформлена в виде изоляции больных детей, в том числе от их родителей. Можно, наверное, найти достаточно глубокие психологические объяснения таким реакциям, которые с точки зрения обыденного сознания считаются «естественными».

Однако мы полагаем, что их причины имеют культурную природу.

Тема отношения к уродствам и отклонениям в разных культурах выходит за рамки нашего исследования. Ограничимся указанием на три главных исключения — это те случаи, когда у людей не возникает привычной нам реакции отторжения.

Во-первых, это работники медицинских учреждений. Люди с медицинским образованием, но — что особенно важно — не имеющие специальной психологической подготовки и прошедшие адаптацию непосредственно в этих учреждениях, обретают иной, профессиональный взгляд. Многочисленные жизненные истории, которые мы собрали в ходе исследования, свидетельствуют о том, что при желании люди способны преодолеть упомянутые реакции отвращения. Напротив, нормальные человеческие чувства симпатии, привязанности, порой любви оказываются обращены к детям, на которых большая часть людей не может смотреть спокойно. Переход через описанный барьер сам по себе требует существенных нервно-психических затрат. Обычный рассказ о нем звучит таким образом: *«После первых дней проплакала месяц, а потом все нормально, люблю своих деток, никуда от них не уйду»*. Важно отметить, что такой своеобразный «обряд посвящения» работник проходит в стенах специализированного учреждения, в коллективе, где все остальные его уже прошли.

Характерно, что единичные случаи усыновления или иной формы опеки детей с соответствующими особенностями развития имеют место в основном в рамках ДДИ как института, а в качестве приемных или временных родителей выступают работники ДДИ, прежде всего воспитательницы или няньки. Происходит это потому, что возникает привязанность одного человека к другому. Взрослого, умеющего помогать немощным, — к маленькому и ничейному. Маленького и во

многим (гораздо большем, чем подразумевает диагноз) ограниченного — к взрослому, который может вывести его за рамки некоторых ограничений. Если эта привязанность взаимна, у ребенка появляется семья.

Аналогичным образом преодолевают психологический барьер, судя по рассказам, и «кровные» родители. Ведь некоторые из них не отказываются от детей с отклонениями. Эти люди могут найти в себе силы, необходимые для совершенно иного восприятия, если они глубоко принимают ценности любви и семьи.

“Многие респонденты называли «состояние общества» причиной той человеческой трагедии, которую представляет судьба воспитанников детских домов”.

Наблюдения, которыми делились работники ДДИ, свидетельствуют о том, что у «нормальных» российских мужчин ресурс таких сил значительно меньше, чем у «нормальных» женщин. Эмоциональные и другие сложности, связанные с отклонениями в развитии ребенка, оказываются причиной того, что отец, так и не преодолев описанный барьер, оставляет семью, где есть «свой» или усыновленный ребенок-инвалид, на 4–5-й год его жизни.

Третье и главное исключение состоит в изменении самой культуры, точнее, в изменении культурно-детерминированного отношения к «особенным» детям. В городской культуре англосаксонских, в первую очередь североевропейских стран, в результате так называемого демографического перехода и в связи с новым режимом воспроизводства населения (говоря коротко: рожать стали меньше, зато относиться к каждому ребенку — гораздо внимательнее), норма, задающая реакцию отторжения, перестала быть таковой. Соответственно, от отдельного человека теперь требуется гораздо меньше индивидуальных усилий, чтобы войти в контакт с ребенком-инвалидом.

Изучить различные взгляды на обсуждаемую проблему, которые бытуют в современном российском обществе, вполне возможно с помощью социологических средств. Впрочем, нам не известно, чтобы подобные исследования проводились в России. Этот вопрос не был также и предметом нашего исследования, поэтому мы можем судить лишь по косвенным свидетельствам или использовать теоретические сведения других дисциплин. Концепция демографического перехода, получившая развитие в современной демографии, объясняет,

почему в различных культурах по-разному относятся к ценности жизни отдельного человека. Согласно этой теории, традиционная система воспроизводства предполагает, что смертность, в том числе детская, высока, но общество выживает за счет того, что женщины рожают столько, сколько позволяют их биологические возможности. Рождение ребенка, как, впрочем, и его смерть, при такой системе — событие рядовое. Значимость отдельной (детской) жизни не велика. Главной же ценностью считается жизнь рода, коллектива, общества. При определенных условиях такой режим воспроизводства сменяется современной системой, в соответствии с которой женщина планирует беременность и рождает одного-двух детей. В результате эти дети — «единственные» — представляют и для матери, и для общества наивысшую ценность, их жизнь стремятся сохранить всеми силами. Российское общество с точки зрения отношения к жизни ребенка сейчас находится в стадии перехода от традиционной к современной системе воспроизводства¹⁴.

Многие опрошенные нами респонденты называли «состояние общества» главной

или одной из главных причин той человеческой трагедии, которую представляет судьба воспитанников ДДИ. Собственно, уровнем общественной морали объясняется и появление на свет многих из этих детей, и часть их патологий и травм, и помещение их в подобные учреждения общественного призрения в результате отказов или лишения родительских прав. С чего начинать исправление нравов? Специалисты ссылаются на зарубежный опыт:

«Наверное, надо привлекать внимание к проблемам этих детей... Я вот читала про английский опыт, мне он очень понравился. Они стараются сохранить такого ребенка в семье, насколько это возможно. Не отдавать его в дома-интернаты, а создать все условия для матери: временную работу, работу на дому, еще что-то. Еще у них хорошо развито все для того, чтобы люди могли общаться, развита именно связь между инвалидами».

Создание новой социальной и психологической инфраструктуры эксперты и некоторые сотрудники ДДИ считают основным фактором, который может изменить судьбы детей-инвалидов.

Отвечая на вопрос о перспективе передачи больных детей в семьи, один из специалистов говорит:

«У нас слабое воспитание нашего общества. Надо с этого начинать в первую очередь. Наше уже не доживет, а следующее поколение придет к тому, что не будет брезговать детьми, что не будет наше общество отталкивать инвалидов. Вот самая главная мысль».

Перемены действительно происходят. О том, как меняется в обществе отношение к детям из интернатов и к самому ДДИ как

институту, рассказывает директор одного из таких учреждений:

«Я из директора дурдома превратился в директора детского дома. Раньше меня друзья встречали: “Как у тебя в дурдоме?”, а теперь: “Как у тебя деточки твои?”. Потихоньку начинается разговор».

Наблюдения показывают, что профессиональное сообщество (руководители, воспитатели, медицинские работники) в этом вопросе, как и в ряде других, также находится в переходном состоянии. Вот слова одного из специалистов:

«В 80-х годах были совсем другие установки по отношению к умственно отсталым детям. Там что было? Накормил, напоил, и все. Сейчас все это перевернулось».

Заметим, что речь ведется и о перенастройке общественных нравов:

«Есть умственно отсталые детки, но они живут в семьях, они занимаются в школах обычно, среди [других] детей. Мне кажется, сейчас есть такие школы, куда водят по одному, по два умственно отсталых ребенка, с ограниченными способностями. Нормальные дети, обычные, с детства привыкают, что есть такие дети, что они существуют, что в этом нет ничего такого. По телевидению также много программ. Массово это вводится, поэтому, я думаю, отношение людей меняется».

По мнению многих опрошенных нами специалистов, следует ожидать, что те формы отношения общества к инвалидам, которые в последние десятилетия установились на Западе, через определенное время станут нормой и у нас.

Однако сегодня в российском обществе по-прежнему широко распространено восприятие инвалидов как «лишних». Серия однотипных пожаров в интернатах для престарелых и инвалидов, произошедших в России в последние годы, позволяет предположить, что это дело рук людей, движимых намерением избавить общество от тех, кто там содержится. О том, что такого рода идея может жить в подсознании общества, свидетельствует тот факт, что многочисленные акты неспровоцированного насилия, убийств и покушений на убийства, в том числе маньяками и психически нездоровыми людьми, мотивированы, по словам субъектов этих действий, стремлением «очистить» общество. Подобные евгенические идеи или рецидивы архаических воззрений на уродство посещают людей в кризисные периоды. Наше время — не исключение¹⁵.

Призыв брать детей из приютов в семьи, не успев обрести поддержку верховной власти, сразу же вызвал сопротивление некоторой части работников отрасли, аргументировавших свое несогласие интересами самих детей. Однако вскоре прозвучали и другие доводы — эксперты квалифицировали их как евгенические. В частности, автор нашумевшей статьи в

газете «СПИД-Инфо» предлагает родителям ни в коем случае не забирать детей-инвалидов из приютов и ставит вопрос: «не гуманнее ли было таких детей усыплять при рождении?»¹⁶. Его собственный ответ — да, гуманнее было бы практиковать либо так называемый постнатальный аборт, либо «эвтаназию». Не только содержание заметки, но и сам факт ее публикации встретили весьма жесткие возражения со стороны родителей детей с отклонениями. Отрицательное отношение к подобной постановке вопроса было высказано и в письмах от Фонда поддержки детей, находящихся в трудных жизненных ситуациях, от Общественного движения «Родительская забота» и многих других, а также в решении Общественной коллегии Союза журналистов, рассмотревшей поступившие жалобы.

При проведении различных опросов — в Интернете ли, где участвуют только желающие, строгими ли методами социологического репрезентативного исследования — неизменно получается результат, свидетельствующий о том, что сторонники евгенического подхода все же в меньшинстве.

Исследования, проводившиеся коллективом под руководством Юрия

Таблица 1

КАК СЛЕДОВАЛО БЫ ПОСТУПИТЬ С РОДИВШИМИСЯ НЕПОЛНОЦЕННЫМИ? (В % ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ) *					
	Ликвидировать	Изолировать от общества	Оказывать помощь	Предоставить самим себе	Затруднились ответить
1989	23	9	50	0	18
1994	18	7	56	1	18
1999	11	9	62	1	17
2003	9	6	72	3	10
2006	4	13	75	3	7
2008	5	4	77	3	11

* Опросы проводились по общенациональной репрезентативной выборке населения РФ в возрасте от 18 лет и старше, объем выборки — около 1600 человек.

Левады, позволяют говорить о росте установок на инклюзию и о снижении агрессии в адрес «особенных» детей, о которых идет речь в данной статье.

В ходе одного из опросов была предпринята попытка выяснить, каково отношение респондентов ко многим категориям людей, имеющих те или иные отклонения от общепринятых норм. В частности, был задан вопрос: «Как следовало бы поступить с родившимися неполноценными?» В приводимой таблице на с. 50 показано, как распределились ответы на этот вопрос в исследованиях 1989–2008 годов.

Таким образом, опрос обнаружил, что большинство респондентов отвергают евгенический подход, равно как и социально-безответственные способы родительского поведения. Случаи же, когда опрошенные соглашались с описанными типами поведения — пусть и выдвигая определенные условия, — казалось бы, следует рассматривать как маргинальные. Тем не менее дискуссия в Интернете (на момент написания статьи в ней уже приняли участие многие тысячи людей — на различных сайтах), как и жалоба, поданная главе государства организацией родителей, собравшей сотни подписей¹⁷, стали свидетельством того, что «периферийный» до сих пор вопрос о том, убивать или не убивать детей-инвалидов, служит своего рода проекцией не решенных обществом «главных» вопросов, то есть вопросов, касающихся ценности жизни как таковой.

В России, как известно, самый высокий среди крупных стран уровень мужской смертности от так называемых неестественных причин: травматизма, убийств, самоубийств. В этом следует видеть преобладающую в «мужской» субкультуре низкую оценку человеческой жизни.

Если бы описанные выше евгенические воззрения были всеобщими и господствующими, сколь бы ужасным ни казалось такое

общество, не приходилось бы говорить о том, что его ценностно-нормативная система находится в кризисном состоянии. Однако современное российское общество (и об этом свидетельствует дискуссия о судьбе детей с отклонениями) частично — к сожалению, лишь частично! — перешло к новым взглядам на ценность человеческой жизни. Конфликт двух воззрений, принявших сегодня форму «мужского» и «женского (материнского)» подхода, несомненно, окончится победой второго, которое станет всеобщим. Тем не менее в ближайшей перспективе скорее следует прогнозировать лишь обострение и ужесточение полемики.

Узнавая у опытных работников ДДИ, а как они объясняют себе необходимость отдавать силы тому, чтобы сохранять жизнь детей, которых они сами называют «тяжелыми», а иногда «беснадежными», мы получали такие ответы:

«Заведомо знаем, что, может быть, не выживет. Но все равно стараемся, от этого где-то — в душе, может быть — остается свет».

«Я считаю, что если Бог дал жизнь, я не вправе ее отнять. Не имею просто прав никаких, ни моральных, ни этических».

Здесь аргументация, как видим, подходит к материям, о которых более привычно рассуждать людям церковным. Их довод прост: «Ведь эти дети... тоже люди и имеют такую же, как и у нас, бессмертную душу»¹⁸.

Государственные или гражданские?

Наша страна переживает демографические и социальные проблемы, с которыми уже сталкивались другие государства. Накопленный там опыт, выработанные реакции и методы действия по соответствующим направлениям становятся известны и влиятельны в России.

По словам специалистов, «фактически речь идет об изменениях в общественных настроениях. От милосердия и благотворительности надо переходить к равноправному партнерству с инвалидами, их семьями и представляющими их общественными организациями»¹⁹.

Российское законодательство отреагировало на происходящие в обществе перемены двояко: сначала принятием соответствующих законов, а затем их неожиданной ревизией²⁰. Как и во многих других случаях, соответствующие законы были приняты в результате компромисса весьма разнородных стремлений. Одна часть из них связана с действительной заботой о судьбах детей, другая — с интересами различных ведомств, третья — с сосредоточенностью на имидже России: как она будет выглядеть в глазах европейских партнеров, которым важно показать, что наша страна занимает современную позицию в гуманитарных вопросах²¹.

В центре внимания на какое-то время оказался и вопрос об усыновлении детей-сирот иностранцами. Мы прикоснулись к этой проблеме в той ее части, которая связана с «умственно отсталыми» детьми. Беседы с персоналом интернатов показали, как глубоко задели иностранные усыновления устои существующей ныне системы. Вот одна точка зрения:

«...Раньше было иностранное усыновление. Брли и наших детей. Там с ними и занимались, и уход должный... И это уж насовсем брли, не на время. Это – лучший выход!»

Многие работники отрасли заявляли, что в последние годы только начавшийся процесс прекратился.

«Наши не берут, увечье пугает. Они страдают, конечно, но страх – вообще эмоция более сильная. Так посмотрят,

пожалуют, но взять, скажут, не смогу. А почему?! Вот женщина из Америки. Я ей говорю: “Это хорошо, что вам девочка понравилась. Но вы смотрите, кроме того, что у нее рука не полностью – это вы и так видите, – есть еще диагноз такой-то и такой-то, а этого не видно, пока не видно”. А она не боится! Говорит, “будем решать эти сложности. Во всех семьях у всех детей сложности. Здесь – такие. Значит, будем заниматься. И протез сделаем”. Теперь письма пишет. Да если б еще кто так к ребенку неполноценному отнесся! Она его даже не назвала ни больным, ни ущербным, хотя он больной, конечно. Вот людям с таким отношением надо отдавать! А тут приостановили все. Могли бы наши ребята жить в обществе, где к ним как к людям... А тут – нет, и все! Не понимают они там, что ли?! Что другого шанса у этого вот мальчика и у этой вот девочки может не быть!»

«Но вы же знаете, как наше правительство относится к тому, чтобы детей из России иностранцы усыновляли. Так вот в последние годы это прекратилось. К огромному нашему сожалению».

Между тем есть и принципиальные противники того, чтобы отдавать таких детей в семьи, даже иностранные. По словам некоторых руководителей ДДИ, «смысла в реализации семейного устройства таких детей нет, так как в связи с их тяжелыми заболеваниями не только они никому не нужны, но и им не нужна семья, пусть и иностранная». Во многих учреждениях уверены, что «таким детям лучше находиться именно в наших специальных заведениях, где они получают необходимый уход, находятся под присмотром врачей и где у них больше возможностей участвовать в образовательных и реабилитационных программах».

Практика усыновления детей из российских детских домов иностранцами поставила перед российским общественным сознанием сложную проблему. Обществу был брошен вызов: такой неисчерпаемый, казалось бы, ресурс, как материнская любовь (а с ней еще советская пропаганда напрямую отождествляла любовь матери-родины к своим детям, которые обязаны были отвечать на это своей любовью, то есть «советским патриотизмом»), у нас, как выяснилось, в дефиците и его приходится возмещать приемным роди-

лись разнообразные мнения на сей счет. Стали раздаваться голоса, утверждающие, что для детей-инвалидов воспитание в семье лучше пребывания в интернате. И часть этих голосов принадлежала работникам самой отрасли.

Интернат, предполагавший уход и заботу, которые там предоставляли (или должны были предоставлять) детям, всегда считался для них единственной и лучшей участью. И вдруг оказалось, что есть альтернатива судьбе таких детей и она лучше интерната,

“Обществу был брошен вызов: такой неисчерпаемый, казалось бы, ресурс, как материнская любовь, у нас, как выяснилось, в дефиците”.

телям из-за границы. На высших уровнях власти усыновление детей иностранцами было воспринято ни больше ни меньше как удар по нашему национальному достоинству: выходит, «они» моральнее и духовнее «нас». Потому акт усыновления теряет для «патриотов» свое гуманистическое значение, а приобретает исключительно политическое. В своем Послании Федеральному собранию в 2006 году президент Владимир Путин счел нужным прокомментировать: «Иностранцы у нас, по-моему, уже больше усыновляют наших детей, чем у нас в собственной стране»²².

Немедленным ответом на эти слова стали, во-первых, многочисленные публикации в СМИ о случаях преступно жестокого обращения иностранных приемных родителей с детьми из России (правда, как впоследствии выяснили журналисты, гораздо более редкие, чем аналогичные случаи с усыновленными детьми в самой Российской Федерации), а во-вторых, резкое ограничение иностранного усыновления.

Однако так или иначе стало возможным публично обсуждать сам вопрос о наличии таких детей и их судьбы. В обществе появи-

системы, с которой ее работники себя отождествляют. Более того, государство, которое они привыкли считать не только своим «высшим руководителем», но и своего рода «сверхродителем» находящихся в интернатах детей и авторитет которого должны были поддерживать учреждения, где они работали, вопреки привычной логике и политике, разрешило на некоторое время усыновлять детей иностранным гражданам. Реакция же российской власти на новшества, пришедшие из-за рубежа, была, как всегда, двоякой: с одной стороны, были даны указания начать подобные нововведения и у нас, но одновременно было продемонстрировано негативное отношение к ним. Так, в уже цитированном Послании Федеральному собранию Путин заявил, что «надо совместно с субъектами Федерации разработать программу по материальному стимулированию устройства на воспитание в семьях сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Таких детей, находящихся сегодня в детдомах, у нас около 200 тысяч. На самом деле сирот гораздо больше, но в детдомах находится около

200 тысяч. <...> ...Поручаю Правительству совместно с регионами создать такой механизм, который позволит сократить число детей, находящихся в интернатных учреждениях»²³.

Тем не менее прежняя точка зрения, в соответствии с которой содержание детей-инвалидов в интернате — несомненное благо, не так легко сдает свои позиции. Часть профессионального сообщества отреагировала на предложения президента следующим образом: «Мы, инициативная группа, состоящая из профессионалов, непосредственно, в течение длительного периода занимающихся воспитанием детей-сирот, обращаемся к Вам с просьбой приостановить начавшую набирать силу волну разрушения детских домов, приютов и школ-интернатов РФ. Под прикрытием очевидной мысли, что ребенку лучше воспитываться в семье, идет разрушение социальных структур России, спасительных для детей, оставшихся без родительского попечения»²⁴.

Как указывали наиболее авторитетные эксперты, на деле выбор вовсе не сводится к тому, что «либо только интернаты, либо только семейное воспитание». Опыт стран, где уже несколько десятилетий обходятся без такого института, как детские дома, предлагает иное. Наилучшим выходом для всех участников этой ситуации, а именно для самих детей-инвалидов, фактических и приемных родителей, общества в целом, оказывается содержание таких детей в родных или приемных семьях при основательной и разносторонней поддержке со стороны государства и общества. Такого рода поддержка включает различные формы компенсации повышенных материальных затрат, которые в данном случае неизбежны, оказание родителям медицинской, психологической и бытовой помощи многочисленными службами. Далеко не последнюю роль играет общественное

мнение, благожелательная атмосфера, которую создает общество вокруг практики воспитания и развития людей с ограниченными возможностями (что можно рассматривать как дальнейшее развитие общей тенденции «включать», а не «исключать» других).

Таким образом, в нашей стране необходимо создание всей этой социально-психологической и организационной инфраструктуры.

«Просто так отдать таких детей обычным семьям: маме, воспитывайте! – нельзя. Никакая обычная семья не выдержит. И дело даже не только в психологических или педагогических знаниях, которые необходимы для взаимодействия с нашими детьми. Нашим детям нужна практически постоянно медицинская помощь. Семья ее не сможет оказывать. Даже если деньги есть, их не хватит. Этим детям надо вести...»

Практически все функции, которые сейчас выполняют детские дома-интернаты, сохранятся, но характер их исполнения и организационные формы должны быть иными. ДДИ необходимо превратиться в консультационные пункты²⁵.

«Мы же понимаем, что интернаты будут еще лет десять или двадцать. Мы говорим только о том, что их нужно переделывать в центры дневного пребывания. Что эти семьи должны жить рядом с этими учреждениями, потому что в этих учреждениях есть персонал, который умеет с этими детьми работать, их лечить, психологи, которые могут с ними разобраться, которые могут поддерживать эти семьи».

Кроме того, родители, взявшие детей-инвалидов, должны иметь возможность работать, то есть нужно, чтобы они могли

на время оставлять детей. Существующие ДДИ необходимо, по мысли экспертов, преобразовать в места временного пребывания детей:

«Семья должна знать, что она не обречена на то, что нигуда и никогда не отойди от него, потому что таких детей иногда нельзя оставлять без присмотра и на минуту. Пусть мама его приводит в этот интернет, там за ним посмотрят, как в обычном садике не могут. А мама на работу или куда...»

Те руководители ДДИ, которые соглашались обсуждать с нами подобную перспективу трансформации возглавляемых ими учреждений, справедливо указывали, что на этом пути встанет огромное количество технических вопросов, которые пока никем не рассматривались и решения которых никто не искал.

Гражданские организации негражданского общества

Рождение нежеланного ребенка отнюдь не счастливое событие как для родителей, так и для самого ребенка. Рождение больного ребенка — беда. В большинстве таких случаев родители перестают быть родителями.

Как это происходит? Во-первых, в роддомах зачастую говорят, что ребенка с отклонениями лучше «оставить» (в роддоме). Самостоятельных решений об отказе тоже немало. Если же мама решилась взять такого ребенка, то нередко, как говорилось, из такой семьи уходит отец. Дальнейшие трудности связаны не только с тем, что оставшиеся мама с малышом не получают достаточной финансовой помощи, но и с тем, что они лишены психологической, социальной, а также профессиональной поддержки. Медицинская помощь, необходимая такому ребенку, как правило, предоставляется. Но не

на дому. А это означает, что родителям нужно либо отказаться от всех своих занятий, бросить работу и все свое время посвятить исключительно организации необходимой медицинской помощи у себя дома, либо отдать ребенка в «учреждение». Для этого придется официально оформить передачу ребенка — ребенок станет «государственным». Родитель уже не сможет (а по закону и не будет должен) хоть в какой-то степени заботиться о правах этого ребенка. Теперь это — дело государства.

Складывается далеко не утешительная картина: если дети попадают в «учреждение» и остаются без родителей, они оказываются изолированными от общества, если же родители решают оставить ребенка, они рискуют быть отторгнутыми обществом вместе со своими детьми.

Семья, в которой появляется ребенок с ограниченными возможностями, оказывается в положении, когда все возникающие вопросы и проблемы невозможно решить своими силами. Определенная помощь предусматривается законом и может быть предоставлена учреждениями здравоохранения и структурами государственного социального обеспечения, некоторые финансовые средства и компенсации также выделяет государство. Но, как показали наши исследования, такие семьи, как правило, не могут самостоятельно получить положенную по закону помощь. Для этого им требуется юридически квалифицированное сопровождение. Кроме того, им необходима психологическая поддержка, как профессиональная, так и просто человеческая.

И дети-инвалиды, и их родители имеют права, определенные законом. Однако без юридической помощи они могут даже не знать о существовании тех или иных льгот либо не иметь возможности выполнить все бюрократические формальности по их получению. Порой они годами бьются с местными чиновниками за права ребенка.

А потерянное время в такой ситуации стоит очень дорого: любая упущенная возможность в развитии ребенка, особенно если у него непростой диагноз, невосполнима²⁶.

Как уже отмечалось в других исследованиях²⁷, гражданские организации в России возникают при сочетании двух условий: наличии беды, поразившей определенную часть общества, и отсутствии надежды на помощь со стороны государства или общества. Родительские организации детей-инвалидов образовались именно на этой

первыми в своем роде, поначалу базировались и были официально зарегистрированы при медицинском учреждении, специализирующемся на изучении той проблемы, которая делает их детей «особенными». Так, в 1989 году при НИИ дефектологии (ныне Институт коррекционной педагогики) возникла общественная организация «Добро», объединившая родителей, детям которых поставлен диагноз «аутизм». Цели организации — отстаивать права аутичных детей на внимание со стороны государственных учреждений, на

“В 1990-е годы в России стали появляться родительские организации, в которых объединяющим признаком были тяжелые заболевания детей”.

почве. Родители поддерживают друг друга, передают информацию, оборудование или лекарства по сетевому принципу, помогают получить положенную помощь. Критерием общности в таких организациях — во всяком случае, в большинстве нам известных — становится диагноз ребенка. Многие считают, что основные трудности семьи связаны не с инвалидностью как таковой, а с конкретным диагнозом. Для объединения по критерию той или иной болезни есть и внешняя причина: часто помощь, выделяемая государством, дифференцируется в зависимости от диагноза. Чтобы передавать опыт получения государственной помощи, имеет смысл объединяться лишь с теми, кто находится точно в такой же ситуации, ограниченной рамками того же заболевания. То же самое (но уже гораздо более обоснованно) касается и медицинской помощи. Здесь родители могут делиться опытом применения тех или иных врачебных практик, информацией о новых разработках, иногда о целителях и т. п.

Родительские организации, которые создавались в конце 1980-х — начале 1990-х и были

государственную помощь, дать им возможность учиться, морально помочь семьям с такими детьми, создать среду общения. В некоторых случаях подобные общественные организации вступают в сотрудничество с муниципальными или государственными инстанциями и получают от них поддержку. Такое направление развития гражданского общества предполагает не замену или компенсацию не исполняемых государством функций, не контроль за их исполнением, если они исполняются, а взаимодополняемость общественной и государственной форм. В качестве примера здесь можно привести Региональную общественную организацию «Дети и родители против рака» (Санкт-Петербург), которая объединяет родителей детей, больных или переболевших онкологическими заболеваниями, а также родителей, которые потеряли своих детей²⁸.

В 1990-е годы в различных регионах России постепенно стали появляться и другие родительские организации. Их объединяющим признаком становились самые разные, но непременно тяжелые заболевания детей: Межрегиональная общественная

организация инвалидов «Общество “Даун Синдром”» (Москва), «Я и мама. Центр реабилитации незрячих детей и их родителей» (Москва), Городская общественная организация «Ассоциация родителей по защите прав инвалидов с детства с нарушением опорно-двигательного аппарата» (Новодвинск Архангельской обл.), Саратовская региональная общественная организация родителей детей с аутизмом «Особенный мир» и др.

Есть и исключения, когда родители объединяются по причине ограниченности возможностей своего ребенка как таковой. Например, подобная организация образована в Красноярске²⁹. А в Петрозаводске в 1991 году была создана родительская организация «Особая семья», основной целью которой стало оказание всесторонней помощи в реабилитации, адаптации и интеграции в здоровый социум детей с ограниченными возможностями, юридическая и психологическая помощь родителям, имеющим детей-инвалидов, организация летнего оздоровительного отдыха. Однако таким ассоциациям «общего типа» не хватает общения с другими подобными организациями, поскольку число их в России невелико³⁰.

Еще один тип ассоциаций — это организации, созданные для родителей добровольцами, которые сами не обязательно являются родителями детей-инвалидов. Хотя для сотрудников таких организаций это профессиональная деятельность, часто она становится главным содержанием их жизни или, во всяком случае, больше чем просто работой. Помимо этих сотрудников, многие родители также бывают полностью вовлечены в деятельность организации. Следует подчеркнуть, что в отличие от описанных выше собственно родительских ассоциаций эти организации возникают не «снизу», а формируются усилиями государственных или общественных институций. Пример такой организации — Российское межрегио-

нальное благотворительное некоммерческое учреждение «Родничок», которое занимается психологической поддержкой инвалидов и их родителей, социальной адаптацией и реабилитацией, инвалидным туризмом, психологической поддержкой молодых инвалидов и их семей. Профиль деятельности таких структур может быть и не столь широким, как поддержка детей с ограниченными возможностями «на всех фронтах». Так, например, московский благотворительный фонд «Ордынцы» специализируется на лечебной кинологии для детей-инвалидов.

Таким образом, в связи с проблемами детей-инвалидов в обществе сложилось несколько форм социальной организации. Начать их перечисление надо с семьи, которая на базе своих собственных ресурсов (человеческого и иного капитала) самостоятельно пытается решить вставшие перед ней проблемы. Известны случаи, когда такая семья замыкается. Ребенок как беда или позор семьи скрывается от окружающих. Второй, весьма распространенный вариант — когда такой ребенок оказывается полностью или почти полностью на попечении специализированных государственных учреждений (о них шла речь в предыдущих разделах статьи). Немало случаев, когда семья находится в тех или иных отношениях со специализированным медицинским учреждением или когда государственные учреждения и инстанции устанавливают связи и отношения с такими семьями. Как полагают специалисты, именно такое взаимодействие наиболее перспективно. Возникающие отношения между семьями с детьми-инвалидами и государственными учреждениями нуждаются в развитии, а также в поддержке со стороны «третьей силы» — общественных организаций.

Родители детей-инвалидов иногда вступают в общение друг с другом. Это общение может быть заочным (например, через Интернет) или очным. Оно может быть спо-

радикальным или регулярным, ограничиваться лишь обменом информацией и моральной поддержкой либо включать обмен какими-то материальными предметами, например, средствами для ухода за детьми. В результате создаются своеобразные группы взаимопомощи³¹. Эти группы, с одной стороны, открыты, поскольку к ним могут присоединяться без ограничений новые семьи, в которых есть дети с аналогичными проблемами, но, с другой стороны, они закрыты, поскольку «чужому» невозможно включиться в общение. Подобные формы общения могут иметь исключительно сетевой характер либо в той или иной степени принимать формы гражданской организации.

Еще один тип организаций представлен обществами, которые основаны добровольцами и/или профессионалами для помощи семьям с детьми-инвалидами. Тот факт, что создатели таких организаций в отличие от родителей, основавших организации самопомощи, свободны от тяжелых повседневных забот, дает им дополнительные возможности по ведению более широкой организационной и пропагандистской работы.

Заключение

Мы рассмотрели ряд проблем, связанных с судьбой одной из групп детей-инвалидов. Как выяснилось, эти проблемы отражают процессы, затрагивающие все общество в целом. Отношение к тому, как нужно орга-

низовывать жизнь таких детей, меняется, и происходящие перемены объясняются масштабными трансформациями в отечественной культуре и, в частности, пересмотром этических норм.

Что касается будущего социального устройства этих детей, то следует ожидать, что рано или поздно в России возобладает «социальная» модель отношения к инвалидам, в соответствии с которой предпочтение будет отдаваться не содержанию детей-инвалидов в интернатах, а их устройству в семьи. Ныне же действующая система интернатов примет форму профессиональных сопровождающих служб.

В современном российском обществе родители детей-инвалидов испытывают недостаток милосердия, толерантности, благотворительных усилий. Энтузиасты из общественных организаций в свою очередь сталкиваются с недостаточной родительской активностью. Будь она выше, это позволило бы объединяться не только ради защиты интересов детей с тем или иным конкретным диагнозом, но и ради идеологического и организационного утверждения в обществе принципиально новой общественно-государственной системы, призванной заботиться о людях с ограниченными возможностями. Впрочем, перспективы развития такой системы напрямую зависят от того, как сложится дальнейшая судьба гражданского общества в нашей стране. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ Декларация о правах умственно отсталых лиц. Провозглашена резолюцией XXVI Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1971 года. Цит. по сайту Международного общественного объединения «Развитие»: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=114&Itemid=38.

² Там же.

³ Исследование проводилось по заказу и при участии Псковской общественной благотворительной организации «РОСТОК». В России насчитывается около 150 детских домов-интернатов (ДДИ), находящихся в системе Минздравсоцразвития. В каждом содержится от 20 до 200 детей.

Сотрудникам Левада-Центра удалось посетить часть этих интернатов и проинтервьюировать персонал. Остальные ДДИ были охвачены телефонными и анкетными опросами. Кроме того, был проведен сбор информационных материалов и интервью с экспертами относительно роли общественных и гражданских организаций.

⁴ См., напр.: *Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. N. Y., 1961; *Фуко М. История безумия в классическую эпоху*. СПб., 1997; *Он же. Надзирать и наказывать*. М., 1999.

⁵ «Карательная психиатрия не ушла в прошлое. Ее реанимировали в Кимовском детском доме Тульской области. Обездоленных сирот приучали к дисциплине с помощью психотропных уколов и таблеток» (*Богданов В. Дом ужасов-2: Сирот «воспитывали» психотропными лекарствами // Российская газета. Федеральный выпуск. № 4918 (94). 2009. 27 мая*). «Сегодня получила огласку мрачная история из жизни воспитанников интерната «Наш дом» в подмосковном поселке Томилино. Выяснилось, что за плохое поведение детей регулярно наказывали... карательной психиатрией, направляя на принудительное лечение в клинику для душевнобольных. Там «воспитуемым» кололи сильнодействующие препараты. В этих фактах и хотелось бы усомниться, но их уже подтвердила прокуратура, обнаружившая в интернате и множество других нарушений. Например, десять его сотрудников, включая замдиректора, жили в квартирах, закрепленных за воспитанниками» (репортаж Андрея Григорьева в программе «Сегодня». Телеканал НТВ. 2009. 30 марта).

⁶ По-своему возражая против этой дискриминации, одна из нянек в ДДИ сказала: «Конечно, они не такие, как все. Но на самом деле они же такие, как все».

⁷ *Лукин В.И. О соблюдении прав детей-инвалидов в Российской Федерации: Специальный доклад // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (ombudsman.gov.ru/doc/spdoc/0206.html)*.

⁸ Здесь и далее курсивом выделены дословные высказывания респондентов, проинтервьюированных в ходе исследования Левада-Центра.

⁹ Гражданская комиссия по правам человека (ГКПЧ) и граждане, подписавшие петицию 3 июня 2009 года, требуют провести проверку всех детских домов и интернатов России с целью выявления

случаев использования против детей карательной психиатрии и наказания виновных в подобных нарушениях по всей строгости закона. Петиция была отправлена губернатору Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко и председателю правительства РФ В.В. Путину (сообщение Центра общественной информации на сайте <http://newspri.wmtest.ru>).

¹⁰ [*Альшутлер Б.Л.*] Помогать, а не разрушать: Сбережение семьи – стратегическая задача: Новогоднее заявление руководителя РОО «Право ребенка», члена Общественной палаты РФ Бориса Альшутлера // сайт «Полит.ру». 2010. 5 янв. (<http://www.polit.ru/dossie/2010/01/05/children.html>).

¹¹ *Орлова О.Б. Дееспособность физических лиц в Российском гражданском праве*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2009.

¹² *Семья Г. Основы психологической защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Развитие личности. 2004. № 1* (<http://rl-online.ru/articles/1-04/415.html>).

¹³ Сайт Красноярской региональной общественной организации родителей по защите прав детей с ограниченными возможностями «Открытые сердца» (<http://mamagaya.narod.ru/official.html>).

¹⁴ *Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (23)*.

¹⁵ В одном из интервью нам рассказали о посещении ДДИ студентами педвуза. Впервые увидевшие воспитанников интерната студенты были ошеломлены. Одни заплакали, а другие спросили: «Скажите, а почему их не уничтожают?»

¹⁶ *Никонов А. Добей, чтоб не мучился! // СПИД-Инфо. 2009. № 25*.

¹⁷ Обращение родителей детей-инвалидов (<http://svetlana75.livejournal.com/678563.html>. 2010. 10 февр.) первоначально было распространено на Форуме родителей, чьи дети страдают синдромом Дауна, «Мыс Доброй Надежды» (<http://www.downsyndrome.borda.ru/>). На момент подготовки этой статьи к печати письмом все еще было открыто для подписания. — **Прим. ред.**

¹⁸ *Ребров Д. ДДИ или ГУЛАГ? [беседа с протоиереем Аркадием Шатовым] // сайт «Милосердие.ру». 2008. 18 авг.* (<http://miloserdie.ru/index.php?ss=1&cs=8&id=7870>).

¹⁹ *Гонтмахер Е.Ш., Клетиков А.В., Рысев О.В., Шаталова Е.Ю. и др. Россия: на пути к равным возможностям / Доклад, подготовленный кол-*

лективом российских экспертов по инициативе Представительства Организации Объединенных Наций в Российской Федерации. М., 2009. С. 49 (<http://www.ifar.ru/pr/2009/n090415a.pdf>).

²⁰ Так случилось, например, с патронажом, который законодатели сначала ввели, а затем, когда этот механизм заработал и начал давать весьма позитивные и многообещающие результаты, они же, как говорили наши информаторы, фактически его отменили принятием закона «Об опеке и попечительстве». См. об этом также в записи дискуссии, состоявшейся в рамках программы «Детдом закрыть нельзя оставить» радиостанции «Эхо Москвы»: <http://echo.msk.ru/programs/sorokina/655345-echo/>.

²¹ Можно вспомнить о присоединении России в 1990–2000-е годы к ряду международных договоров, например, в 2008 году Россия подписала новую конвенцию ООН по правам инвалидов. «Проект “Международный мониторинг прав инвалидов” реализуется с 2003 года, практически одновременно с начала работы Специального комитета ООН по разработке Конвенции о правах инвалидов» (выступление представителя проекта «Международный мониторинг прав инвалидов» Р.Н. Жаворонкова: http://www2.unrussia.ru/documents/Vystuplenie_presentaciya_v-Infomcentere_OON_11_feb.doc).

²² *Путин В.В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета. 2006. 11 мая (<http://www.rg.ru/2006/05/11/poslanie-dok.html>).

²³ Там же.

²⁴ Обращение к Президенту РФ Путину Владимиру Владимировичу // сайт «Дети-сироты России и стран СНГ». 2008. 6 февр. (<http://www.sirota.ru/news/?id=242>).

²⁵ Вот, например, предложение о еще одном возможном пути трансформации домов-интернатов. Оно интересно и само по себе, и аргументацией, к которой прибегает протоиерей Аркадий Шатов, глава комиссии по церковной социальной деятельности при епархиальном совете Москвы: «Наши современные ДДИ — это некий ГУЛАГ, тюрьма, куда попадают больные дети... Сегодня необходимо создание небольших центров семейного типа, где персонал будет постоянный, где будут комфортные условия, где с ними будут заниматься педагоги» (см. *Ребров Д.* Указ. соч.).

²⁶ «Практически полностью отсутствует инфраструктура реабилитационной помощи своим детям с серьезными нарушениями развития. Необходимо отметить отсутствие важнейшей для реабилитации детей-инвалидов службы по оказанию психолого-медико-педагогической помощи детям раннего возраста (0–3 года)» (специальный доклад российских неправительственных организаций для Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (CESCR) по теме «Положение детей-инвалидов в России: право на образование, социальную интеграцию и реабилитацию»). Доклад представлен в связи с рассмотрением Комитетом ООН в ноябре 2003 года Четвертого периодического доклада Российской Федерации). Сайт «Особое детство» (<http://www.osoboedetstvo.ru/ib/doc/adsl/specdoklad.doc>).

²⁷ *Левинсон А.Г.* Опыт социологии. М., 2004. С. 309, 583.

²⁸ Вот что сказано в тексте, представляющем одну из таких организаций: «Региональная благотворительная общественная организация инвалидов детства “Мы — детям” была создана в 1991 году. Инициаторами создания организации были родители детей с ограниченными возможностями, объединившиеся для защиты прав своих детей на достойную жизнь в обществе. В 1992 году Департамент имущества города Москвы выделил нашей организации помещение под создание Центра социальной реабилитации детей-инвалидов и их семей. Организация объединяет более 200 семей. Разработанный сотрудниками центра проект “Семейный патронаж” в 1998 году получил грант Правительства Москвы, был успешно апробирован. Сотрудники организации неоднократно награждались Почетными грамотами районной управы и муниципалитета “Замоскворечье”. Решение очень многих проблем детей с ограниченными возможностями и их семей должно достигаться общими усилиями государственных учреждений и общественных организаций».

²⁹ См.: <http://mamagaya.narod.ru/official.html>.

³⁰ См. сайт организации «Особая семья»: <http://www.uzel.org/rest/profile-20070126064527-org-children/index.html>

³¹ Характерная формула, которой аттестует себя в Интернете одна из таких организаций: «Группа самопомощи родителей детей с нарушением слуха».

Российские родители: новое в поведении и мировосприятии

Представление родителей о воспитании и будущем детей постепенно приспособляется к социальным изменениям, происшедшим в стране за последние два десятилетия | **ОЛЬГА СВЕШНИКОВА**

Изучая отношение людей к своим детям, а также реальные практики родительской кооперации в России 2000-х, исследователь сталкивается с тем, что провозглашаемые ценности существенно расходятся с практическими действиями. В современном российском обществе существуют «ножницы» между попытками сформулировать «проекты будущего» и подспудным формированием новых практик.

Именно родительство чаще всего заставляет человека задуматься о завтрашнем, а то и послезавтрашнем дне. Людей беспокоит, как будут жить их дети, когда повзрослеют, а потому, воспитывая ребенка, родители стремятся к тому, чтобы обеспечить своему ребенку благоприятное будущее. Однако важно оговорить, что подобное целеполагание существует имплицитно. Сами родители в большинстве своем плохо его осознают и еще хуже артикулируют.

В современном российском обществе, разумеется, существуют различные представления о воспитании детей. При этом отношение к детям не зависит ни от образования, ни от дохода, ни от профессиональной принадлежности, ни от культурного уровня родителей. Если использовать терминологию Бурдые, в современном российском обществе

практики родительства не являются частью габитуса. Например, два крайних типа — родители-«пофигисты» («сам/сама как-нибудь вырастет») и родители-«менеджеры» («я знаю, кем будет мой ребенок и что я должен/должна для этого делать») встречаются во всех социальных группах. Впрочем, мои наблюдения свидетельствуют, что вторая группа относительно малочисленна и, что еще более важно, «менеджерские» установки в родительской среде не обнаруживают тенденции к распространению.

Материалом для данного исследования послужили виртуальные сообщества родителей. В течение полугода (с августа 2009 года по январь 2010-го) были собраны сотни записей («постов») и комментариев к ним в различных блогах — форумы на сайтах *SibMama*¹, *Littleone*², «Православие и мир»³, статьи и комментарии к ним на сайте «Домашнее обучение»⁴, блоги в «Живом журнале»⁵. Последний стал основным объектом изучения, поскольку это самый популярный в России блог-сервис без ограничения длины текста; в его сообществах (*communities*) и личных дневниках ЖЖ активно обсуждаются проблемы воспитания и развития детей. Кроме того, был использован метод включенного наблюдения: как мать двоих детей

автор в течение почти шести лет включена в разного рода родительские сообщества. Разумеется, собранный материал ограничен и не претендует на полноту описания, зафиксированы лишь некоторые тенденции, отражающие представления родителей о воспитании и о будущем их детей.

Объектом исследования являются родители дошкольников и младших школьников, проживающие в крупных российских городах, имеющие высшее или среднее специальное образование и включенные в светские или православные приходские сообщества (см. подверстку на с. 63).

Сообщества родителей: специфика объекта

Человеку необходимо научиться быть родителем (социализироваться в этой роли), а затем получать поддержку или критику своих действий (иметь референтную группу). В традиционном обществе эти функции выполняла многопоколенная семья. Маргарет Мид называла эти сообщества постфигуративными — то есть опыт старшего поколения в них доминирует и определяет жизнь младшего («...деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить для них никакого иного будущего, отличного от их собственно прошлого»⁶). Противоположностью постфигуративному является современное префигуративное общество, в котором лидерство в формировании социального опыта переходит к младшему поколению.

В советское время государство провозглашало заботу о детях сферой своей ответственности. Это представление было, в частности, закреплено в Конституции СССР 1977 года: «Государство проявляет заботу о семье путем создания и развития широкой сети детских учреждений» (статья 53). Государственное попечение осуществлялось через сеть учреждений, и, соответственно, главным авторитетом в воспитании детей

являлись профессиональные педагоги (воспитатели, учителя, руководители кружков и секций).

Сегодняшнее российское государство декларирует, что ответственность за детей передана семье. Согласно Конституции РФ 1993 года «основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования» (статья 43, п. 4). В п. 2 той же ст. 43 гарантируются «общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях». Произошло на первый взгляд небольшое, но важное смещение акцентов: если раньше провозглашалось (пусть на уровне риторики, но важная стоявшая за ней общая идея), что государство берет на себя ответственность за детей, то сегодня — только за поддержку образовательных учреждений, а за само получаемое детьми образование отвечают родители.

В современном префигуративном обществе опыт старшего поколения теряет актуальность, особенно на фоне быстрых социальных изменений. В этих условиях важную роль для родителей приобретает опыт «себе подобных». Родительские сообщества создают пространство социализации и выполняют функцию референтных групп. Хорошо или плохо ребенок ест, ходит, говорит, читает или пишет, современные родители определяют, общаясь с другими родителями.

Типы сообществ: реальные и виртуальные

Сообщества родителей, существующие в реальном пространстве, возникают вокруг мест скопления детей: учеников одного класса (кружка, группы), игровой площадки и пр. По мере роста ребенка и смены мест его

Характеристика участников родительских сообществ

Основные участники родительских сообществ — родители малышей. По мере взросления ребенка виртуальная родительская активность снижается, то есть о грудничках пишут много, а о подростках мало. Когда в семье несколько детей, в интернет-пространстве уделяется значительное внимание маленьким, а о старших (тинейджерах или студентах) упоминают только в связи с проблемами в их жизни либо в разговоре о младших детях. Особенно активную виртуальную жизнь вводят мамы детей до 3-х лет — те, кто сидит дома с ребенком и посредством Интернета удовлетворяет собственную потребность в общении. Мамы малышей имеют собственные сообщества (*malyski* в ЖЖ⁷, «болтушки» на *SibMama*⁸ и *Littleone*⁹), но их тематика в основном связана со здоровьем, развитием и жизнеобеспечением (где купить? куда с ним/с ней пойти?). Хотя эти посетители родительских сайтов составляют значительную группу, в настоящем исследовании они представлены слабо, поскольку собственно воспитание и будущее детей здесь практически не артикулируются. Основным объектом изучения в виртуальном пространстве стали родители детей дошкольного (детсадовского) и младшего школьного возраста.

В состав этой группы входят преимущественно (но не исключительно) женщины. Так, в сообществах, посвященных психологии и обучению детей, активное участие в обсуждениях принимают и отцы. Участники виртуальных сообществ — это, как правило, люди 20—40 лет. Согласно данным Фонда «Общественное мнение», 42 проц. этой группы интернет-пользователей имеют высшее образование и 39 проц. — среднее специальное; 14 проц. проживает в Москве, 18 проц. — в городах с населением более 1 млн человек,

20 проц. — в столицах республик и районных центрах с населением менее 1 млн человек¹⁰. Учитывая, что в нашем исследовании использовались родительские сайты Сибири и Питера (*SibMama* и *Littleone*), можно утверждать, что перевес в сторону городов-«миллионеров» будет еще большим.

Изучение реальных сообществ проводилось (помимо включенного наблюдения) в форме бесед с родителями о будущем детей. Автор живет в Омске (население более миллиона человек) и общается преимущественно с родителями из других регионов — Новосибирска, Санкт-Петербурга, Сургута (во всех этих случаях речь идет также о личных интервью). Данные о ситуации в столице почерпнуты, главным образом, из виртуальных сообществ¹¹.

Объектом исследования были также приходские сообщества родителей, при этом речь идет о воцерковленных, а не просто о православных. Различие между этими двумя группами колоссально как в количественном, так и в качественном отношении¹². Людей, которые не только принимают участие в богослужениях, но и ориентируются в своих действиях на каноны РПЦ и советы духовника, ничтожно мало. Эта группа неоднородна по своим взглядам (они определяются принципом «каков поп, таков и приход»), но в целом ее можно характеризовать как специфическую субкультуру. Это тончайшая прослойка, составляющая менее 1 проц. родителей, но именно она дает интересный материал для сравнения с «мейнстримом». Несмотря на то что в 1990—2000-е годы социальный состав прихожан изменился, субкультура воцерковленных по-прежнему является носителем традиционных ценностей¹³.

обучения (развлечения, лечения и т.д.) изменяются и реальные сообщества, в которые включены родители. Стабильность состава здесь прямо пропорциональна интенсивности связей: стабильные связи выстраиваются между небольшим числом родителей: начав водить детей в одни ясли, они затем вместе возят их в спортивную секцию, выбирают одну на всех школу и т.д.

С появлением ребенка современная городская семья вынуждена существенно изменить образ жизни. Притом что бабушки нередко сами работают или живут в другом городе, а постоянную няню могут позволить себе немногие, родители оказываются привязаны к ребенку (в российских условиях, в подавляющем большинстве случаев, эти обязанности берет на себя мать). Их общение по большей

части составляют те, кто находится в том же положении, и в этом кругу формируются социальные связи (образовательные, профессиональные и т.д.)¹⁴.

В отличие от реальных виртуальные сообщества чаще всего организуются на тематической основе: их участники обсуждают вопросы, связанные со здоровьем детей, их психологией, обучением и т. д. Вопросы, связанные с различными сферами жизни ребенка, один и тот же пользователь обсуждает в разных интернет-сообществах. Хотя нередко

не поможет». Десятилетия советского опыта, когда государство декларировало, что воспитание детей является его обязанностью, скажутся на поведении родителей и сегодня. Современные родители по-прежнему исходят из того, что государство им должно и недодаст. В результате широко распространена формула: «наши дети никому кроме нас не нужны». Родители ожидают от государства разнообразных видов социальной поддержки: бесплатного медицинского обслуживания, образования и т. д.¹⁵. Несоответствие

“Взаимопомощь воспринимается родителями как действие, связанное с сиюминутной необходимостью, а не как продуманная жизненная позиция”.

в комментариях говорят обо всем сразу, в целом тематический принцип выдерживается. Особенностью виртуальных сообществ является социальное сходство участников. Это могут быть группы многодетных родителей, двойняшек-тройняшек, тех, кто имеет детей одного возраста. Для детей до трех лет создают даже отдельные группы, объединенные месяцем рождения ребенка («августята», «ноябрята») или другими характеристиками («двойняшки», «погодки», «кесарята» и т. д.). В виртуальных сообществах действует принципиальная установка на взаимные советы: участники сообщества сами просят советов и с удовольствием дают рекомендации другим, но практикуются и советы в одностороннем порядке. На форумах численность сообщества, независимо от заявленной темы, составляет человек двадцать. В блогах тематика сообществ выдерживается более четко, и количество участников здесь, как правило, измеряется сотнями, а иногда и тысячами читателей.

Родительские сообщества демонстрируют сочетание двух установок в восприятии родителей: «мне все должны» и «никто нам

ожиданиям порождает стихийное сопротивление, которое проявляется в том, что родители предъявляют требования детским учреждениям — детскому саду, школе, поликлинике и т. д. Наличие обязательств воспринимается как одностороннее, а не взаимное. Характерное высказывание в блоге: «*Учителя должны ругать за невыполненное домашнее задание, проваленную контрольную и недолжное внимание предмету. Учителя должны при детском пьянстве жаловаться родителям*»¹⁶.

Интересно, что позиция «вы должны» характеризует и отношение к родителям со стороны учреждений, связанных с детьми. Поликлиника предъявляет требования по своевременной вакцинации и диспансеризации, детский сад и школа требуют материальной и организационной помощи, а также неукоснительного соблюдения правил, составленных всевозможными организациями от пожарной безопасности до Роспотребнадзора и т. д.

Предъявляемые требования максимально деперсонализированы, но категоричны. Образовательные учреждения настаивают, что добиваются выполнения требований,

которые исходят от всевозможных контролирующих организаций. При объяснении с учителями или воспитателями они часто пользуются формулировкой: «Это не мы придумали, это правила такие, и мы не хотим отвечать за их нарушение. Не нравится — переведите ребенка в другую школу». При этом требования могут быть разумными или абсурдными¹⁷, но в любом случае их выполняют из-под палки: идея, что «мы должны» кому бы то ни было что бы то ни было, ни у родителей, ни у организации, ни в обществе в целом не пользуется популярностью.

Одновременно бытующее среди родителей представление о том, что кроме «нас самих» «нам» никто не поможет, побуждает их к сотрудничеству и взаимопомощи¹⁸. При этом взаимопомощь воспринимается родителями как действие, связанное с сиюминутной необходимостью, а не как продуманная жизненная позиция. Срабатывает то, что Алексей Левинсон назвал «альтернативной социальной программой»¹⁹, — при ее активизации человек, выросший в условиях тотального патернализма, ведет себя активно и инициативно, но воспринимает это поведение как вынужденное и не соответствующее собственному жизненному сценарию.

Родительская кооперация может возникать, с одной стороны, как реакция на инициативу организаций — ремонты в классах и группах и прочая «добровольно-принудительная» помощь образовательным учреждениям, а с другой — в форме инициативы самих родителей: домашние кружки английского и рисования, поочередный просмотр за детьми и т. д. Виртуальное взаимоконсультирование тоже можно интерпретировать как способ помощи друг другу.

Поскольку социальная активность воспринимается как вынужденная мера, то родители не рассчитывают на одобрение подобных действий со стороны общества. Общественная инициатива в постсоветском

сознании воспринимается двояким образом. Во-первых, самостоятельные действия свидетельствуют о том, что детские или иные учреждения не выполнили своих обязательств. Во-вторых, раз человек готов проявлять инициативу, пусть он и дальше выполняет требования садика/школы/поликлиники/других организаций. *Активная позиция воспринимается как девиантная, показывающая слабость человека перед лицом учреждений.*

Подобный вывод можно сделать хотя бы из того, что, участвуя в разного рода акциях самопомощи, родители в своих блогах или не рассказывают о них, или стараются объяснить, пользуясь аргументом, напоминающим «разумный эгоизм» героев Чернышевского: организацию домашних кружков и детских елок оправдывают желанием заработать, покупку игрушек и благоустройство детских площадок — принципом «хочешь, чтобы было сделано хорошо, сделай это сам» и т. д.²⁰

Отношение родителей к школе и учебным программам

Образование является той сферой, в которой особенно заметна неуверенность в будущем, свойственная российским родителям. Их тревожит перспектива перехода ребенка на новую образовательную ступень (детсад, школу, вуз). «Если честно, я боюсь школы... Это же... целая новая эпоха для нас...» — запись под фотографиями шестилетия дочери в блоге и характерный комментарий к ней — «к сожалению, правильно боитесь»²¹.

Среди установок, которые практически не подвергаются сомнению, — то, что ребенок должен получить высшее образование. Мать ребенка, которому нет и года, уже рассуждает о том, какую школу выбирать: «...мест бюджетных все меньше с каждым годом, и, кстати, вообще наборы в вузы сократили... я за продвинутые школы»²². По данным Левада-Центра, 65 проц. россиян планируют дать своим детям (внукам) высшее и послевузов-

ское образование²³. Среди жителей крупных городов с высшим или средним специальным образованием, которые являются объектом нашего исследования, этот процент существенно выше.

Поскольку в сообществах, о которых идет речь, участвуют родители детей дошкольного и младшего школьного возраста, обучение в вузе представляет собой отдаленное будущее, ближайшее будущее или настоящее — это школа. В блогах, форумах, на детских площадках и дружеских посиделках обсуждается, в какую школу отдать ребенка, когда начинать учить иностранный язык и т. д. При этом беседы об образовании ребенка часто сводятся к формуле «*Наша школа – это все-таки нечто*»²⁴. Тем не менее можно выделить несколько тем, которые обсуждаются наиболее интенсивно.

ВЫБОР ШКОЛЫ Наиболее очевидный критерий выбора школы — престижность. Родители считают, что ребенок должен учиться в престижной школе, потому что там лучше учителя, лучше образование, правильный круг общения. Поскольку родители озабочены необходимостью дать ребенку высшее образование, в настоящее время к критериям хорошей школы (в том числе для первоклассника) добавился еще и уровень сдачи ЕГЭ ее выпускниками. Кроме того, мотивом выбора может быть общая, декларируемая установка на демонстративное потребление.

Но критерии качества далеко не так однозначны, как могло бы показаться. Помимо выбора по принципу «престижности», существует и протест против «хороших» школ. Позиция родителей, отрицающих преимущества престижных школ, хорошо артикулирована²⁵ и сводится к двум моментам. Во-первых, «*престижные школы часто смотрят на детей как на средство поддержания своего престижа*»²⁶. Во-вторых, ребенка перегружают. «*Хорошая школа*» — это, прежде всего, удар по

*здоровью, психическому и физическому. <...> Либо дети становятся отличниками, работающими на оценки, не успевающими ничего, кроме бесконечных уроков (да, могут быть прекрасные школы, изумительные учителя, интересные задания, олимпиады и пр.). Но детям совершенно некогда жить»*²⁷.

Выбор школы для первоклассника означает подготовку к поступлению, которая начинается сейчас с пяти лет, и предполагает значительные организационные и материальные затраты²⁸.

КРИТИКА УЧЕБНИКОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Родители недовольны содержанием учебников по различным дисциплинам и с точки зрения навыков, которые они вырабатывают²⁹, и просто потому, что задания часто ставят родителей в тупик³⁰. Нелепость текстов учебников дополняется и усиливается откровенно некомпетентными высказываниями учителей: «*На уроке истории сказали, что Землю создал Иисус Христос*»³¹.

Современные образовательные программы для начальной школы нередко не понятны ни родителям, ни детям. В ответ на просьбу ребенка помочь сделать домашнее задание³² родители иной раз просто выдумывают ответ, потому что поиск его согласно логике учебника противоречит их собственному образованию. «*У Занкова*³³ *такие задания. — О. С.) пачками, чуть не на каждой странице. Ребенок в недоумении, родители в растерянности, потому что даже подсказать не могут. Видимо, у нас уже взгляд настолько зашоренный, что мы способны решать только стандартные задачки*»³⁴.

Нередко недовольство связано с тем, что задание для ребенка оказывается явно не по силам и работу должны выполнять родители. Например, моему племяннику в конце года в первом классе задали «реферат про Пушкина», который нужно было напечатать на компьютере. Во втором классе такие зада-

ния стали давать каждый месяц. Понятно, что выполняют их родители при помощи Интернета. Пример этот – не единичный³⁵.

НЕАДЕКВАТНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ Кроме содержания заданий, родителей неприятно удивляет их количество, а также несоответствие возрасту ребенка. Например, первокласснику в первый же учебный день дали задание: «1) заполнить одну страницу прописи; 2) работа с двумя картинками; 3) задание, связанное с классификацией предметов; 4) раскрашивание; 5) прочитайте стихотворение и перепечатайте (то есть написать его [печатными буквами] в отдельную тетрадь в клеточку). А я-то полагала, что ребенок, идущий в школу, совсем не обязан уметь писать и читать!!!»³⁶.

Требования, которые кажутся родителям неадекватными, предъявляются как отдельными учителями, так и школой в целом. Например, родители жалуются, что о количестве и перечне переводных экзаменов сообщают слишком поздно – во втором полугодии девятого класса; при этом в число обязательных, помимо алгебры и русского языка, включены химия и биология³⁷. Или второклассникам в обязательном порядке предписывают посещение платного занятия по выбору «либо экономика, либо японский язык и культура (у нас 4 обязательных дополнительных предмета, с прошлого года – психология и занимательный русский)»³⁸.

Родители оказываются в ситуации, когда они не согласны с требованиями, которые образовательное учреждение предъявляет ребенку и им самим, но считают, что не вправе отказаться от их выполнения, и не разрешают сделать это ребенку: в одиночку заявить о своем протесте страшно (вдруг на ребенке потом отыграются), а организовать коллективный протест сложно из-за социальной апатии и «советского» страха перед коллективными акциями. Понятно, что взрослым в такой ситуации проще помочь ребенку сделать задание или выполнить его самим.

НЕПЕДАГОГИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ (ВОСПИТАТЕЛЕЙ В ДЕТСКОМ САДУ) Жалоб на издевательства учителей над детьми – от повышения голоса на детей³⁹ и завышенных требований⁴⁰ до рукоприкладства⁴¹ и доведения до суицида⁴² – в виртуальных сообществах очень много⁴³.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПОБОРЫ По данным ВЦИОМ, 98 проц. родителей сдают деньги на нужды школы. Чаще всего деньги собирают на ремонт – 38 проц., учебно-методические материалы – 32 проц., подарки учителям – 31 проц., приобретение оборудования – 21 проц., дополнительные занятия по основным предметам – 15 процентов⁴⁴.

Родители уже почти не обсуждают сам факт сбора денег – их сдают все. Речь заходит о суммах или о методах сбора. «Их “заслуженная учительница” постоянно тянет деньги с родителей. То одно, то другое. По 2000 р. в месяц они постоянно сдают. Недавно она заявила, что в классе ну просто необходимы пластиковые окна. Часть родителей с этим не согласилась (тем более что 3 класс – через полтора года в другой кабинет переходят). Так эта учительница на уроке велела встать тем, чьи родители так и не заплатили за окна, и 20–30 минут занималась тем, что просто утюжила им мозги, пока дети униженно стояли перед всем классом. Вечером ребенок устроил дикую истерику родителям, мол, сдайте деньги, пожалуйста»⁴⁵.

Все это снижает авторитет школы и даже школьного образования в целом в глазах родителей⁴⁶. Популярны рассуждения о том, что успешная учеба никак не связана с успешной карьерой в будущем. Почти каждый может найти в своем жизненном опыте примеры того, как школьные оболтусы стали уважаемыми и преуспевающими людьми. «Не важно, как ребенок учится в школе, это вообще не показатель»⁴⁷.

Таким образом, произошло «освобождение от школы», о котором говорил

левый австрийский теоретик образования Иван Иллич, но совсем не в том смысле, который он вкладывал в это понятие⁴⁸. Освободившись от авторитета школы, родители освободились и от авторитета знания: оно не является ни причиной уважения сверстников, ни поводом для гордости родителей, ни залогом поступления ребенка в высшее учебное заведение. В опросах общественного мнения на вопрос о том, что необходимо для поступления в вуз, с огромным отрывом побеждает ответ «деньги» — 67 проц. опрошенных, а о важности «знаний» говорят только 17 процентов⁴⁹.

Под образованием родители все реже подразумевают процесс получения знаний. «На мой взгляд, фатальная ошибка и дошкольного и школьного образования — упор на обучение ребенка»⁵⁰. Современного ребенка родители стремятся не обучать, а развивать, то есть выработать в нем определенные качества — например, лидерские⁵¹. По данным Левада-Центра, в 1998 году «стремление к знаниям» находилось на пятом месте среди тех качеств, которые родители хотели бы воспитать в своих детях, а к 2007 году оно переместилась уже на седьмое⁵². Лидирующие позиции в этом рейтинге теперь занимают «умение добиваться своих целей» и «умение постоять за себя»⁵³.

Развитие ребенка предполагает его добровольное согласие, наличие у него интереса к тому или иному занятию: «нравится ли самому ребенку и есть ли результаты», «ребенок пусть занимается до того момента, пока ему нравится. Разонравились — пусть уходит из секции/кружка», «мой дело предложить»⁵⁴.

Карьера

Отсутствие уважения к школе не мешает планам родителей дать детям высшее образование, с тем чтобы они могли рассчитывать на удачную карьеру. При этом главная ценность высшего образования в представлении

родителей это не знания, а диплом, который воспринимается как необходимое стартовое условие для успешного трудоустройства. Задавая вопрос: «В настоящее время многие люди стремятся получить высшее образование. Как Вы думаете, зачем им это нужно?» — исследователи ВЦИОМа уже несколько лет чаще всего получают ответ: «Чтобы иметь диплом для трудоустройства на хорошую работу» (33 проц. опрошенных, а в возрастных группах, которые являются объектом нашего исследования, до 36 процентов)⁵⁵.

Стоит отметить, что, задумываясь о будущей карьере детей, современные светские родители не делают гендерных различий. И девочки, и мальчики должны получить высшее образование и самостоятельно зарабатывать себе на жизнь.

Что касается православных — и воцерковленных — родителей, им желанное будущее дочерей и сыновей видится совершенно по-разному: «Ребенка пристраивать в соответствующие учебные заведения, а девочек — замуж побыстрее за православных парней»⁵⁶. Некоторые священники, а вслед за ними и паства, высказывают твердое мнение, что для женщины никакая карьера вне семьи недопустима⁵⁷.

Размышляя о том, какой карьеры они хотели бы для своих детей, родители часто отталкиваются от собственной профессии: «Конечно, хочется, чтобы хоть кто-то из детей стал археологом. Опыт передать, и книг столько накоплено. Кому-то это должно быть полезным»⁵⁸. Но значительно более распространенный вариант — «любая специальность, только не моя». Родители приводят аргументы против наследования семейной профессии: «Насчет актеров, бизнесменов не знаю, а династия врачей м.б. очень неприятной штукой: 1) на ребенка осуществляется давление — сознательно, несознательно, но тем не менее практически всегда, 2) протекционизм, и даже если его нет (хотя это практически выше человеческих сил не

сказать лучшей подруге-декану, что твой ребенок учиться на ее курсе), постоянно приходится доказывать, что ты здесь за свои заслуги, а не из-за родителей, 3) родители в курсе всех твоих рабочих дел, в том числе всех твоих ошибок, 4) труднее сменить направление карьеры»⁵⁹.

Семья

Естественно предположить, что самым важным для родителей является образование ребенка и его будущая семейная жизнь, но это предположение оказывается не вполне верным. О том, как ребенок будет строить собственную семью, современные светские родители заботятся очень мало. Тема подготовки ребенка к семейной жизни практически не обсуждается, причем родители в неполных семьях не отличаются в этом смысле от семей, где присутствуют оба родителя; матери не пытаются представить себе, какой они будут бабушкой (свекровью, тещей). Даже женщины, имеющие взрослых детей, то есть те, для кого появление внуков — дело близкого будущего, обсуждая проблемы взаимоотношения с бабушками по поводу младших, как правило, не примеряют эту роль на себя⁶⁰. Взросление детей связывается не с созданием ими собственной семьи, а с материальной самостоятельностью (способностью отдельно жить и зарабатывать). *«Дети должны вырастать и уходить от родителей сами — и сами зарабатывать себе на жизнь и жилье»⁶¹.*

Для воцерковленных родителей характерна противоположная установка: в полном соответствии с православными традициями и «Основами социальной концепции Русской Православной Церкви»⁶², создание семьи и рождение детей среди этой категории родителей считается долгом каждого человека⁶³. Важность и неизбежность этих событий в будущем ребенка отражается в повседневных практиках. Мама семилетней девочки говорит: *«Она такая неопрятная, как со свекровью жить будет, вообще не представляю»⁶⁴.*

Дети и родители

Выше уже говорилось об обесценивании опыта старшего поколения, связанном с событиями последних двадцати лет. В результате отношения с собственными родителями не считаются образцом для отношений с повзрослевшими детьми: *«Буду лучшим родителем своим детям, чем мои родители для меня, — уверена»⁶⁵.* По мнению сегодняшних молодых родителей, то, как сложатся их отношения с ребенком в будущем, зависит от взаимопонимания и родительского авторитета. Проблема низкого авторитета заботит многих⁶⁶, но каждый жалуется на недостаток авторитета в своем случае; проблема поколения, «отцов и детей» в общем виде не обсуждается.

При этом собственный опыт родители считают вполне актуальным: *«Вспомните себя 15 лет назад и сейчас и сопоставьте — будет примерно такая же разница с вами сегодняшней и через 15, с выросшим дитем»⁶⁷.* Опыт же своих родителей эти люди чаще критикуют. Существует даже сообщество «Плохие родители», участники которого жалуются в Интернете на то, как неправильно их воспитывали⁶⁸.

Вопрос об изменении взаимоотношений «родитель—ребенок» активно обсуждается в связи с перспективой введения ювенальной юстиции. Эта тема широко освещается в прессе⁶⁹, прежде всего в православных изданиях; позиция традиционалистской православной общественности состоит в том, что никакая ювенальная юстиция «нам» не нужна (подробнее об отношении разных общественных групп к ювенальной юстиции см. в статье Станислава Львовского на с. 20–41), поскольку недопустимо вмешательство в дела семьи⁷⁰. За пределами этой проблемы светские родители исходят из того, что отношения с повзрослевшими детьми принципиально не отличаются от отношений с собственными родителями. При тщательном поиске

мне удалось найти только одно высказывание о том, что современные дети не такие, какими были мы⁷¹, но оно не привлекло внимания других участников того виртуального сообщества, в котором шло обсуждение.

Более четкое осознание различий между собственным опытом и опытом своих детей есть у воцерковленных родителей в тех случаях, когда они сами воспитывались в невоцерковленных семьях. Поскольку у них нет детского опыта религиозных практик, они и в других сферах оценивают свой детский опыт ниже, чем светские родители⁷². При этом, поскольку предполагается, что соблюдение десяти заповедей является прямой обязанностью каждого человека, то отношение детей к родителям в идеале должно строиться в соответствии с пятой заповедью Декалога («Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исх.: 20: 12)). Послушание детей воспринимается как абсолютное благо. В работах религиозного писателя Н.Е. Пестова⁷³, пользующихся авторитетом у воцерковленных родителей⁷⁴, говорится: «Чтобы насадить в детях прочное послушание, родителям не следует забывать следующих 10 положений. <...> 3) Выполнения приказа следует требовать немедленно и приучать детей слушаться с первого слова; <...> 5) Не оставлять без наказания ослушание, усиливая наказание при повторном случае; будем же строги в полной мере в отношении сохранения послушания в детях. Их обычный распорядок дня, уход из дома, выбор товарищей по играм, знакомства — все это должно делаться при участии и с согласия родителей»⁷⁵.

Православные догмы при столкновении с реальностью создают в сознании воцерковленных неофитов большое число противоречий. Например, послушание своих детей обязательно, но в отношении собственных родителей это требование не выполняется, особенно когда послушание расходится с

церковными канонами. Отношения с собственными родителями выстраиваются как внешне уважительные, но зачастую бывают довольно сложными, прежде всего в силу того, что родители не воцерковлены и не соблюдают религиозных правил. Еще одна проблема связана с тем, что ребенок в воцерковленной семье живет по более строгим требованиям, чем его светские сверстники: православное воспитание налагает запрет, главным образом, на продукцию массовой культуры: от новогодних елок до одежды с надписями латиницей.

Беглецы

Бывает, что родителям оказывается не по силам приспособиться к меняющимся условиям. Естественная в таких обстоятельствах фрустрация порой находит выход в «бегстве от реальности». «Беглецы» стремятся спасти детей от окружающего «страшного мира». Среди таких попыток — уникальный латвийский проект «Город солнца»⁷⁶ и «родовые поселения» последователей Владимира Мегре⁷⁷. Другой способ защитить ребенка от вредных внешних воздействий — обучение ребенка в православной школе⁷⁸. Широко обсуждается и получает все большее распространение отказ от посещения образовательных учреждений и переход на домашнее обучение⁷⁹.

В какой-то мере к той же модели поведения можно отнести «естественное родительство»⁸⁰ — субкультурное движение, которое может быть суммировано следующим образом: *«Они рожают дома, кормят малыша грудью до самоотлучения, спят вместе с ним, носят в слинге. Такие родители называют себя «естественниками», а стиль воспитания — естественное родительство. Старшее поколение крутит [пальцем] у виска от такого нового веяния в воспитании детей»* (сохранены шрифтовые выделения оригинала)⁸¹.

Защитная стратегия иногда начинается с довольно простых вещей, например, отказа

от сахара или соли как вредных продуктов⁸². При этом «окружающая среда», от которой необходимо защищаться, рисуется в самых мрачных тонах: «*в классе дети лиц кавказских национальностей, плохо говорящие по-русски, дети алкоголиков, дети рабочих (простите меня, мои родители – тоже дети рабочих, но, наверное, советские рабочие и нынешние – две разные вещи, впрочем, дети рабочих – они же дети алкоголиков). Когда увидела ее одноклассников и одноклассницу, дар речи потеряла: пьют, курят, красят волосы даже мальчики, матерятся, интересы дальше погулять – попить пиво не простираются, один в классе мальчик-гей, учиться никто не хочет, никому не интересно. Что-то страшное творится со средними образовательными учреждениями*»⁸³.

При этом родители, «убежавшие от реальности», как правило, не задаются вопросом о том, как ребенок, которого тщательно берегли от общества, в будущем научится в нем жить. В ходе опроса «естественных родителей», целью которого было выяснить, как члены данного движения понимают его принципы, оказалось, в частности, что почти четверть опрошенных (23 проц.) «не углублялись в тему (образования) или не считают (ее) важной»⁸⁴. Так респонденты отвечали на вопрос «Какое образование предпочтительно? Нужна ли школа?». Тем не менее члены данного сообщества мыслят будущее повзрослевших детей как вполне успешное существование *в обществе*. Например, ярая сторонница домашнего образования Наталья Гада, выступающая против государственной системы образования, при этом активно обсуждает проблему Единого государственного экзамена. «*ЕГЭ нужно, чтобы получить возможность работать в актуальной государственной системе... Деньги-то нужны – значит, ребенку нужно обеспечить возможность заработать себе на жизнь*»⁸⁵.

Как и другие типы родительства, «беглецы» не принадлежат ни к какой конкретной социальной группе. Окружение, зачастую и

собственные родители, воспринимают их как носителей девиантного поведения: «*Когда я говорю знакомым и малознакомым людям, что мои дети на семейном обучении, большинство отводят глаза, переводя разговор на другую тему, отгораживаясь стеной незнания и нежелания этого знания*»⁸⁶.

Сообщества и планы

Родитель может быть включен в несколько сообществ, из которых одно или два являются для него референтной группой, то есть мнение ее участников играет для него существенную роль. Тем самым родительские сообщества становятся пространством, в котором формируются представления о будущем ребенка и вырабатываются формы отношения к этому будущему.

Но в целом представления современных российских родителей о будущем остаются размытыми, а сами родители часто дезориентированы в социальном пространстве. Это связано с тем, что россияне той возрастной группы, которая составляет предмет нашего исследования (вероятно, это справедливо и для других возрастных групп), не имеют устойчивых представлений о том, каким образом происходит перемещение людей из одних социальных слоев в другие, как делается социальная карьера в современном российском обществе. (Справедливости ради следует отметить, что практически отсутствуют и соответствующие профессиональные – социологические – знания.)

Подобная социальная дезориентация во многом является следствием радикальных сдвигов, которые произошли в России с крахом коммунистической системы, а также новых проблем, связанных со спецификой посткоммунистического развития. Среди таких проблем – непрозрачные каналы социальной мобильности и отсутствие работающих (воспроизводимых) механизмов карьерного продвижения.

Вместе с тем в действиях родителей и их представлениях о будущем явно просматриваются черты модернизации, особенно при сопоставлении современных светских родителей с воцерковленными носителями традиционных ценностей. Во-первых, гендерное равенство вошло в сознание современных родителей не только на уровне деклараций, оно выражается в действиях и планах. Во-вторых, появилась установка не на конкретную профессию, а на выработку черт характера и навыков, что свидетельствует о попытке адаптации к быстро меняющемуся рынку профессий. Такой же адаптивной стратегией в более широком контексте является смещение акцента с талантов и знаний на качества и навыки. В-третьих, исчезает идея об обязательном наборе занятий для ребенка и само по себе стремление научить «всему». Родители не видят необходимость, «как все» (или «как раньше»), непременно отдавать ребенка в музыкальную школу и в спортивную секцию.

В-четвертых, происходит отказ от представления о традиционной семье как обязательной составляющей жизни ребенка. Это изменение является следствием кризиса семьи и подразумевает, в частности, что повзрослевшие дети смогут выбирать новые формы семейной жизни («гражданский брак», брак «гостевого типа» и т.д.). В-пятых, родители в среднем становятся старше, то есть заводят детей в более позднем возрасте⁸⁷, что свидетельствует о более ответственном отношении молодых людей к родительским обязанностям.

При этом сами родители склонны воспринимать описанную выше модернизационную адаптацию как проявление кризиса, указывающее на ухудшение общественной ситуации. Срабатывает «альтернативная социальная программа» — родители становятся социально активнее, их взгляды на воспитание и будущее детей претерпевают изменения, но и то и другое интерпретируется как вынужденное и временное явление. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://sibmama.ru>

² <http://www.littleone.ru>

³ <http://pravmir.ru>

⁴ <http://www.school4you.ru>

⁵ <http://livejournal.com>

⁶ См.: *Мид М.* Культура и мир детства.

М.: Наука, 1988. С. 322.

⁷ «Малыши от рождения до трех лет» (<http://community.livejournal.com/malyshi/>).

⁸ «Наши малыши. Форум для общения ровесников. Топики-болталки». 1 664 темы, в которых общаются родители ровесников, двойняшек и группы, объединенные по другим признакам (<http://forum.sibmama.ru/viewforum.php?f=10>).

⁹ Форум «О малышам до года» (<http://www.forum.littleone.ru/forumdisplay.php?f=14>; 17 253 темы о детях до года). Форум «От года до трех» (<http://www.forum.littleone.ru/forumdisplay.php?f=19>; 11 689 тем в форуме).

¹⁰ Фонд «Общественное мнение». МераОпрос

Георейтинг. Июнь 2009. 68 субъектов РФ. Общий объем выборки — 34 000 человек.

¹¹ Замечу в скобках, что в «Живом журнале» не предполагается наличие пользователей, проживающих за пределами МКАДа. Никто из москвичей никогда не указывает ни в объявлениях, ни в записях, что речь идет о столице — это предполагается само собой разумеющимся. Жители регионов, напротив, часто пишут не место своего проживания, а указывают, что живут не в столице.

¹² По данным различных социологических организаций, православными называют себя 70–73 проц. взрослого населения нашей страны (первая цифра приведена в: *Общественное мнение* — 2008. М.: Левада-Центр, 2008. С. 116; вторая: ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1116. 2008. 10 декабря. Доступ через http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11099.html?no_cache=1&cHash=b84c4f423a). Это люди, которые крещены в православную веру, крестят детей, присутствуют на богослужении на Рождество и Пасху,

иногда заходят в храм по случаю каких-то значимых событий (чаще скорбных или пугающих). По данным тех же опросов, религиозные службы чаще чем раз в месяц посещают около 3 проц. населения (среди них есть не только православные, но и представители других конфессий) (Общественное мнение — 2008. С. 116).

¹³ См.: *Митрохин Н.* Русская православная церковь в России в 2000–2008 годах: очерк некоторых структурных проблем // *Неприкосновенный запас.* 2009. № 1. Доступ через <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/mi13.html>.

¹⁴ Показательным примером мне кажется содержание подписей на форуме *SibMama*. Каждый участник форума может включить функцию присоединения постоянной информации (подписи) к каждому своему сообщению. Участники форума предлагают друг другу широкий спектр услуг и товаров: от косметических и парикмахерских до полиграфии, оргтехники и бытовой химии.

¹⁵ Подразумевается, что до двух лет (с этого возраста берут в детские сады) забота о ребенке лежит только на родителях, которые должны обеспечить его жилье, одежду, питание и круглосуточный присмотр. При этом пособие по уходу за ребенком выплачивается до полутора лет (после этого пособие выплачивается только из средств предприятия и составляет 50 рублей плюс районный коэффициент) и составляет 40 проц. среднемесячной оплаты труда — то есть от 1 500 до 6 000 рублей в месяц (Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации от 13 апреля 2007 г. № 270/106. Сейчас максимальная сумма по сравнению с 2007 годом несколько увеличилась, но существенно это ничего не меняет). Понятно, что прожить на эти деньги в большом российском городе, тем более с ребенком, практически невозможно. Более того, единый социальный налог, который продолжает платить реальный кормилец семьи, составляет 26,2 проц. и максимумом, в отличие от пособия, не ограничен. Детские учреждения находятся примерно в той же ситуации, что и родители. Им хватает ресурсов — да и то впритык — на выполнение требований «сверху», а воспитание детей нередко осуществляется «по остаточному принципу». Медики в лице знаменитого Е.О. Комаровского уже высказали свое недовольство тем, что «современные родители довольно редко принимают на себя весь

груз ответственности за здоровье ребенка. Якобы государственный подход к этому вопросу состоит в том, что за здоровье ребенка вообще отвечает участковый врач» (*Комаровский Е.О.* Здоровье ребенка и здравый смысл его родственников. Доступ через <http://www.komarovskiy.net/content/blogcategory/70/164/1/1/>).

¹⁶ <http://silk-and-flame.livejournal.com/21293.html?thread=179757>

¹⁷ Так, в Омске в период эпидемии гриппа для борьбы с распространением инфекции в образовательные учреждения перестали пускать родителей (в детские сады родители допускались строго по одному).

¹⁸ Прошедшим летом я лежала с ребенком в отделении травматологии и была свидетелем родительской кооперации по починке сантехники. В одном из двух туалетов отделения на 100 человек (фактически 200, потому что родители пациентами не являются и людьми потому не считаются) в субботу утром сломалась деталь смывного бачка. Родители пошли к постовой сестре, которая объяснила им, что в понедельник придет старшая сестра, напишет заявку, ее отправят в соответствующий отдел, он напишет заявку на закупку этой детали и т. д. У сестринского поста возник стихийный митинг. Быстро нашлись мамы, которые знали, что делать, и папа, который взялся заменить деталь, если ее достанут. Деталь заказали родственникам «на свободе», и к вечеру бачок функционировал.

¹⁹ *Левинсон А.* Предварительные замечания к рассуждениям о приватном // *Новое литературное обозрение.* 2009. № 100. Доступ через <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/in42.html>.

²⁰ В своих блогах родители стараются не упоминать о личном участии в добровольной кооперации; в личных беседах эта тема возникала только по инициативе автора.

²¹ <http://redbeter.livejournal.com/75551.html?thread=134431>

²² <http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=2157&postdays=0&postorder=asc&start=30>

²³ *Общественное мнение — 2008. С. 58.*

²⁴ <http://a-k-e-l-a.livejournal.com/720670.html>

²⁵ Развернутые рассуждения о типах и побочных сторонах «хороших школ» см.: http://community.livejournal.com/deti_v_semje/72867.html. Большое обсуждение побочных сторон престижной школы на конкретном примере в теме

«Хорошая школа» на сайте *SibMama*: <http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=4589>.

²⁶ <http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=4589&postdays=0&postorder=asc&start=30>

²⁷ http://community.livejournal.com/deti_v_semje/269115.html#cutid1

²⁸ Подробнее о дошкольной подготовке см.: *Константиновский Д., Вахштайн В., Куракин Д.* Предшкольный синдром // Платное образование. 2007. № 9. С. 40–43.

²⁹ Критика учебника английского языка с точки зрения корректности употребления глагольных форм: <http://www.forum.littleone.ru/showpost.php?p=30213926&postcount=500>.

³⁰ Из записей, в которых родители делятся с другими участниками сообщества своим недоумением: «Сегодня ребенок должен был решить пример: сравни и поставь соответствующий знак между 85 кг и 85 км» (<http://mns-ionovy.livejournal.com/110950.html>). Или, например, рассказ, включенный в учебник по истории родного края для 1-го класса:

«Альфия вместе с дедушкой аппетитно ест спелый астраханский арбуз. Арбузный сок стекает с губ, капает на платышко, но девочка не замечает этого.

— Альфия, внученька, неужели ты так любишь арбуз? — спрашивает дедушка.

— Очень!

— А любит ли арбуз тебя?

Альфия на мгновение растерялась, не зная, что ответить.

Потом сказала:

— Он тоже полюбил бы, да у него рта нет».

(<http://ufagubnews.livejournal.com/30264.html>. Там же другие примеры и анализ содержания учебника).

³¹ <http://mns-ionovy.livejournal.com/110950.html>

³² К старшим классам детям просто покупаются готовые решебники. Характерное объявление: «Куплю недорого книгу “Готовые домашние задания за 10 класс”» (http://community.livejournal.com/kiev_second/5729246.html).

³³ Занков Леонид Владимирович — педагог, автор принципов, легших в основу системы развивающего обучения. В 1990-е годы на ее основе были созданы и получили широкое распространение программы для начальной школы. Подробнее см.: <http://www.zankov.ru/>

³⁴ <http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?p=7531435#7531435>.

Приведу еще один пример из родительского форума:

«А у меня просьба, помогите задание сделать.

“Доскажи слово:

На-ри-ло-ла

У Иры и Ромы _____

Он-ой-ай-он

Мыли, мыли мы _____”

Это вообще о чем?»

Пример взят из учебника за первый (!) класс и предполагает, что ребенок подберет рифмующие слова.

³⁵ «О том, что в ее учебнике по русскому языку я, выпускница филфака, не могу понять задания, я уже писала. О том, что задания в тетради по литературе, на мой взгляд, относятся к чему угодно, только не к литературе, — тоже. Уже плакалась о том, что для чтения и разбора ученикам третьего класса предлагается стихотворение Бальмонта — тоже. Я прохладно отношусь к Бальмонту, да. Особенно в третьем классе» (<http://mns-ionovy.livejournal.com/110950.html>).

³⁶ <http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?p=6477520#6477520>. Далее на этой же странице другие рассказы о завышенных требованиях к первокласскам.

³⁷ <http://a-k-e-l-a.livejournal.com/720670.html>. Живой и образный язык записи не позволяет процитировать ее в этом материале.

³⁸ <http://www.forum.littleone.ru/showpost.php?p=30229929&postcount=515>

³⁹ Тема «Крик и топание ногами вашим детям гарантированы!». Шокирующее признание учительницы на форуме *Littleone*: <http://www.forum.littleone.ru/showthread.php?t=2234976>.

⁴⁰ «А у нас сегодня была истерика у сына. Первый раз. Так убивался. Вчера сделал домашнюю работу по письму... Учительница, не сделав ни одной пометки по тексту домашней, зачеркнула СТР.10 и написала С.10 и поставила 4» (<http://www.forum.littleone.ru/showpost.php?p=30210244&postcount=494>).

⁴¹ Тема «Куда звонить? Учитель беспредельничает» на форуме *Littleone*: <http://www.forum.littleone.ru/showthread.php?t=2271823>.

⁴² «Когда брат учился в 6 или 7 классе (не помню точно), в параллельном классе застрелился мальчик, Шек Андрей, который учился хорошо,

но по одному предмету (кажется, русский язык) не тянул, учительница его оскорбляла всячески на глазах у детей, хотя он постоянно занимался с ней дополнительно ЗА ДЕНЬГИ. После того как она обзвала его тушицей, до которого нет дела даже родителям, он пришел домой и застрелился из ружья, оставил записку, где все подробно описал... Дети в классе потом все это подтвердили» (<http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=2157&postdays=0&postorder=asc&start=45>).

⁴³ Несколько десятков историй о непедагогичном поведении можно прочитать в сообществе «Психология ребенка от А до Я» (http://community.livejournal.com/psy_baby/tag/воспитатель/учитель/).

⁴⁴ http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12501.html?no_cache=1&cHash=40263cadce. См. также: ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1301. Первое сентября. Расходы россиян на школу продолжают расти. 2009. 28 авг. Доступ через http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12352.html?no_cache=1&cHash=fc9ef6ddc7; Траты к новому учебному году // Доминанты. № 37. 2009. 17 сент. С. 40–42. Доступ через <http://bd.fom.ru/pdf/d37traty.pdf>.

⁴⁵ <http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=4589&postdays=0&postorder=asc&start=15>

⁴⁶ Есть, бесспорно, и случаи серьезного отношения родителей к школе (по крайней мере начальной), но они представляют скорее исключение. См., например, очень позитивное обсуждение школы в теме «Давайте делиться ПЕРВОКЛАССНЫМИ радостями/победами/проблемами» на форуме *Littleone* (<http://www.forum.littleone.ru/showthread.php?t=1690409>).

⁴⁷ Беседа с родителями в детском саду (запись от 22 сентября 2009 года).

⁴⁸ *Иллич И.* Освобождение от школ // *Иллич И.* Освобождение от школ: Пропорциональность и современный мир: Фрагменты из работ разных лет. М.: Просвещение, 2006. С. 22–128. Иллич считал, что школа снимает с человека ответственность за образование и необходимо освободиться от школ, чтобы ребенок осознал радость познания.

⁴⁹ Общественное мнение – 2007. М.: Левада-Центр, 2007. С. 60.

⁵⁰ http://community.livejournal.com/deti_v_semje/71424.html

⁵¹ Рассуждения мамы 10-месячного ребенка о развитии его лидерских качеств: http://community.livejournal.com/deti_v_semje/180468.html.

community.livejournal.com/deti_v_semje/180468.html.

⁵² Общественное мнение – 2007. С. 174.

⁵³ Там же.

⁵⁴ http://community.livejournal.com/psy_baby/1478031.html. Там же обсуждение на тему, можно ли и нужно ли принуждать ребенка чем-нибудь заниматься, музыкой, спортом и т. д.

⁵⁵ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1415. 2010. 22 янв. Доступ через http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13090.html?no_cache=1&cHash=8632788bc0.

⁵⁶ <http://forum.pravmir.ru/showpost.php?p=6774&postcount=2>

⁵⁷ См., например: Назначение женщины – быть помощницей: Беседа с протоиереем Николаем Агафоновым // Славянка; Женский православный журнал. 2009. Август–сентябрь. С. 58–63.

⁵⁸ Интервью с кандидатом исторических наук от 1 сентября 2009 года.

⁵⁹ http://community.livejournal.com/psy_baby/1479586.html. Там же большая дискуссия на тему наследования профессии, участники которой говорили преимущественно о том, что профессию родителей наследовать «странно».

⁶⁰ Мои рассуждения в присутствии других родителей о том, что я буду ужасной свекровью, неизменно вызывали реакцию в духе «Зачем ты так далеко задумываешься?». Зато популярны рассуждения на тему «сомневаюсь, что у меня хватит терпения выносить кого-то рядом со своим ребёнком» (http://community.livejournal.com/psy_baby/1454754.html). Подобных цитат в Интернете мне доводилось видеть довольно много.

⁶¹ http://community.livejournal.com/psy_baby/1454754.html

⁶² «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» были приняты Архиерейским собором 13–16 августа 2000 года. Документ представляет собой разъяснение основных вопросов соотношения догматов с вызовами современности. Полный текст доступен на сайте Московской Патриархии (<http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>). Можно утверждать, что «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» оказывают влияние на взгляды субкультуры воцерковленных людей, поскольку этот документ имел широкое обсуждение на этапе его принятия. Значительная часть прихожан знакома с самим текстом документа,

кроме того, его основные положения поясняются в проповедях и таким образом транслируются в пастве.

⁶³ «XII.3. Намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом» («Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»).

⁶⁴ Разговор в Христорождественском соборе Омско-Тарской епархии (запись от 28 августа 2009 года).

⁶⁵ http://community.livejournal.com/child_psy/141908.html

⁶⁶ http://community.livejournal.com/psy_baby/1477362.html (обсуждение проблемы низкого авторитета родителей).

⁶⁷ http://community.livejournal.com/psy_baby/1454754.html. Там же более двух десятков рассказов о том, как участники сообщества начали вести самостоятельную жизнь, которые приводятся как основа для рассуждений о самостоятельности детей.

⁶⁸ http://community.livejournal.com/plohie_goditeli/. В противовес ему создано сообщество «Хорошие родители» (http://community.livejournal.com/spasibo_predkam/). Характерно, что первое содержит 404 записи, а второе только 55.

⁶⁹ *Yandex.ru* на запрос «Ювенальная юстиция» в записях из блогов на 1 февраля 2010 года выдавал 6 100 ссылок.

⁷⁰ См, например: *Шишова Т.Л.* Родную мать никто не заменит // Славянка: Православный женский журнал. 2009. Дек. С. 56–67; *Аниканов А.* Нам нельзя сидеть сложа руки // Сайт информационно-аналитического агентства «Русская линия». 2009. 5 дек. (http://www.rusk.ru/news_r1/2009/12/05/ierej_aleksandr_anikanov_nam_nelzya_sidet_slozha_ruki/) – этот текст был многократно процитирован в различных блогах.

⁷¹ «Имейте в виду, что сейчас растет другое поколение и дети совсем другие. Это мы уважали взрослых и в основном слушались. А эти прямо говорят – а почему я должен это делать? а я не хочу!» (http://community.livejournal.com/psy_baby/1477362.html).

⁷² Родителей, у которых есть собственный детский опыт посещения храма, в воцерковленной среде очень мало. Основную массу составляют те, кто воцерковился в сознательном возрасте.

Однако субкультура православных родителей сама по себе немногочисленна, так что мы не считаем необходимым в рамках данной статьи описывать вариации и частные случаи.

⁷³ Пестов Николай Евграфович (1892–1982) – религиозный писатель и ученый-минералог, профессор, доктор химических наук. Автор большого количества популярных книг по нравственному богословию и христианской педагогике, написанных для распространения в церковной среде. Подробнее см.: Николай Евграфович Пестов // *Древо: Открытая православная энциклопедия* (<http://drevo.pravbeseda.ru/index.php?id=493>).

⁷⁴ См., например, обсуждение выдержек из книги Пестова на форуме интернет-газеты «Православие и мир»: <http://forum.pravmir.ru/showthread.php?t=3880>.

⁷⁵ *Пестов Н.Е.* Православное воспитание детей. СПб.: Сатис, 1999. Гл. 18. Доступ через <http://www.wco.ru/biblio/books/pestov1/Main.htm>.

⁷⁶ Рассказ о городе солнца, многократно процитированный в различных блогах: <http://nata-sonata.livejournal.com/23028.html>; рассказ об особенностях внутреннего распорядка: <http://ochag7.narod.ru/351.htm>.

⁷⁷ В настоящее время существует несколько десятков «Родовых поселений» (<http://poselenia.ru/node/802>). См. также: <http://ecosib.z42.ru/>, <http://poselenia.ru/>. О специфике воспитания детей и образовательного процесса в поселениях: <http://gagachka.livejournal.com/63599.html>.

⁷⁸ Монастырская школа в Дивеево // Славянка. Женский православный журнал. 2009. Авг–сент. С. 70–77. Обсуждение преимуществ православных школ см. на форуме «ПравМир»: <http://forum.pravmir.ru/showthread.php?t=747>. Следует оговорить, что ни в церковных, ни в светских родительских виртуальных сообществах я не нашла обсуждения необходимости обучения детей в *закртых* школах.

⁷⁹ Домашнее обучение представлено в Интернете довольно широко. Существует специальный сайт «Домашнее образование», темы, посвященные этой проблеме на каждом родительском форуме – «Семейное обучение и экстернат» (<http://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=4449&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight>), «Семейное обучение» (<http://www.forum.littleone.ru/showthread.php?t=86893>).

⁸⁰ Естественному родительству посвящено специальное сообщество в ЖЖ – *deti_v_semje*, существует сайт «Клуб естественного родительства» (<http://www.club-er.ru/>).

⁸¹ <http://www.sympaty.net/20090829/estestvennoe-roditelstvo/>

⁸² http://community.livejournal.com/deti_v_semje/593627.html?style=mine – запись и обсуждение на тему «спасу ребенка от сладкого».

⁸³ <http://forum.pravmir.ru/showpost.php?p=6881&postcount=11>

⁸⁴ http://community.livejournal.com/deti_v_semje/616070.html. Здесь же можно ознакомиться с другими интересными результатами опроса.

⁸⁵ <http://www.school4you.ru/club/article82/page/2/#comments>

⁸⁶ <http://vetka0.livejournal.com/131218.html>

⁸⁷ По данным сайта «Статистика.ру», в 1994 году средний детородный возраст составлял 24,7 года, а в 2000-м – уже 25,9 года (http://statistika.ru/naselen/2007/11/13/naselen_9275.html?curPos=6).

Новые ценности в детско-родительских отношениях

Многие современные родители видят цель своего взаимодействия с детьми не в достижении чего-либо в будущем, а в совершенствовании самого процесса взаимодействия в настоящем | **ЕКАТЕРИНА АСОНОВА**

Радикальные сдвиги, происшедшие в России за последние два десятилетия — развитие рыночной экономики, возникновение принципиально нового информационного пространства, расширение контактов российских граждан с внешним миром, — вопреки первоначальным ожиданиям, далеко не всегда приводят к изменению системы ценностей. Не только старшее поколение сохраняет те ценностные представления, которые были характерны для советского общества; иногда их отдельные черты воспроизводятся и в младшем поколении ¹.

Между тем существует одна важная сфера, в которой система ценностей все же претерпела существенные изменения, — это детско-родительские отношения. Тенденции, поначалу характерные лишь для статистически небольших групп населения, стали охватывать все более широкий круг россиян.

Перед нами типичный пример явления, которое американские политологи Марк Пенн и Кинни Залесн назвали «микротенденциями»: «Многие из наиболее значительных движений... [сегодня] малы и... от всех скрыты... <...> ...Мощные силы нашего общества — это развивающиеся, противоречащие здравому смыслу тенденции, которые завтра сфор-

мируются как ведущие» ². Как справедливо замечают Пенн и Залесн, микротенденции не поддаются социологическим измерениям и лишь задним числом благодаря им можно объяснить некоторые цифры, полученные в ходе массовых опросов.

В феврале 2010 года Левада-Центр обнародовал сопоставительные результаты двух исследований — 1989-го и 2007 годов — об отношении российских граждан к браку и семейной жизни ³. Ответы незначительно отличаются друг от друга, и это различие не носит систематического характера; комментариями сопровождаются лишь отдельные расхождения в ответах. Однако две тенденции, на первый взгляд прямо противоречащие друг другу, остаются без пояснений: в 1989-м 18 проц. опрошенных отмечали, что дети в семье доставляют много тревог и огорчений, а в 2007 году этот показатель сократился до 11 процентов. В то же время с 14 до 23 проц. возросло число респондентов, которые относят к негативным сторонам семейной жизни чрезмерную ответственность за благополучие других людей. Только при сопоставлении приводимых затем данных можно увидеть, что эти изменения представляют собой две стороны одного и того же процесса: респонденты стали серьезнее относиться

к своей ответственности за других членов семьи и одновременно возросла доля тех, кто воспринимает эту ответственность как эмоциональную ценность.

Для того чтобы определить, в каких социальных группах можно наблюдать новые микротенденции в сфере детско-родительских отношений и почему они способны оказать влияние на формирование общественного сознания, воспользуемся концепцией Эверетта Роджерса⁴. Согласно Роджерсу, общественные инновации не возникают спонтанно и массово, а распространяются благодаря особой дифференцированной структуре: существуют «пионеры» (*innovators*) — люди, которые артикулируют новые идеи. Затем эти идеи перенимают и «обкатывают» первопреемники (*early adopters*). Под влиянием первопреемников новые идеи переходят к «раннему большинству» (*early majority*) — гораздо более широкому слою общества: на этом этапе микротенденции становятся хорошо заметны сторонним наблюдателям. Все три перечисленные группы относятся к так называемым трендсеттерам. После того как новые идеи подхвачены и растиражированы «ранним большинством», их перенимает «позднее большинство» (*late majority*), которое уже определяет не микро-, а макротенденции. Представители «позднего большинства», как правило, не контактируют напрямую с «первопреемниками», но знают о них из тех или иных информационных источников. Первопреемники выступают для «позднего большинства» своего рода «дальними трендсеттерами»: «Их авторитет высок, но влияние лишено персонального оттенка; демонстрируемые ими ситуации зачастую тяжело примерить на себя, они остаются в качестве глобальных ориентиров»⁵.

Когда мы говорим о новых идеях и практиках в сфере детско-родительских отношений, нужно принимать во внимание, что в 1990–2000-е годы эта сфера пережила существен-

ную эволюцию, равно как и сама концепция детства претерпела большие изменения.

Изменение представлений о детях и о детстве в 1990-е и начале 2000-х годов

Для поколения нынешних тридцатилетних, чье детство пришлось на 1980-е, было нормой взрослеть в обществе сверстников: существовали определенные пространства (двор, самостоятельные походы в кино и посещение кружков и т. д.) и определенные часы (условно говоря, с момента возвращения из школы до прихода родителей с работы), когда ребенок был предоставлен самому себе. Именно в таких обстоятельствах сформировалось представление о субкультуре детства как об особом культурном пространстве детских — и только детских — игр, нередко скрывааемых от взрослых страшных рассказов, считалок, дразнилок, самодельных игрушек, кладов из камешков и стеклышек и пр.⁶ Характер этого «секретного пространства» в советскую эпоху был предопределен не только всегдашней потребностью детей придумывать свой мир, но и особыми социальными условиями (тотальная занятость родителей, крайне узкий рынок нянь в 1960–1980-е годы и др.).

Такая детская автономность определила наиболее распространенные родительские установки того времени: новаторская педагогическая мысль в позднесоветский период четко делилась на два почти не связанные между собой течения. Позитивный опыт *диалогического взаимодействия* с детьми обсуждался в работах отечественных педагогов-новаторов, то есть школьных учителей, тогда как новые методы, адресованные родителям — работы Бориса и Лены Никитиных⁷, Николая Зайцева⁸, образовательная деятельность Игоря Чапковского⁹, — апеллировали в первую очередь к *технологии*: как сделать ребенка более знающим, компетентным или здоровым. Философия предлагавшейся

методики была ориентирована на взрослых, а не на детей, иными словами, это была философия обучения, а не взаимоотношений.

(Среди немногочисленных исключений можно назвать Александра Звонкина¹⁰, который уже в те годы говорил, что, применяя новые обучающие программы, необходимо получать удовольствие от самого процесса общения с детьми.)

«Технологическая» направленность этих методик не предполагала возможности обсуждения с ребенком иных аспектов взаи-

ва сравнительно небольшая часть читательской аудитории. Похожая судьба постигла в советское время и методики Зайцева. Кроме того, совсем немногие родители задавались целью выбрать наиболее подходящую для их ребенка школу и оптимальную форму внешкольного образования, не говоря уже о специальных методиках домашней работы с детьми. Сама возможность такого выбора не обсуждалась в каких-либо СМИ, соответственно, и стоявшие за ней социальные проблемы (с какой точки зрения одни школы

“Появилось поколение молодых людей и подростков, которые в детстве выходили «в свет» только в сопровождении мамы, бабушки или няни”.

моотношений детей и родителей, кроме обучения и оздоровления. В результате даже новаторские методы воспитания не ставили своей задачей адаптировать для детей язык взрослых.

Эмоционально болезненные темы, поскольку их, как правило, было трудно или даже невозможно обсуждать с родителями, вытеснялись в автономный мир детства как своего рода «тайное знание». Отношение к алкоголю, близкие отношения со сверстниками противоположного пола или любые вопросы «про это», мечты о капиталистической загранице¹¹ и т. д. — в советское время такого рода разговоры не велись между родителями и детьми, хотя в каждом из миров все эти темы присутствовали.

Несмотря на то что книги Никитиных начиная с середины 1970-х издавались и переиздавались тиражами в сотни тысяч экземпляров и сделали популярной тему семейного воспитания, настоящих последователей у них было немного. Чтобы принять на вооружение их методику, необходимо было изменить весь образ жизни семьи и создать своими руками множество пособий, на что была гото-

лучше, а другие — хуже) тоже не становились предметом публичной дискуссии.

Преобразования, произошедшие затем в российском обществе, привели к кардинальным изменениям в жизни детей и их родителей. В первую очередь усилилась детско-родительская зависимость: дети дошкольного и младшего школьного возраста практически перестали оставаться без присмотра или проводить время в «монокомпании» сверстников. Криминальная обстановка 1990-х привела к тому, что детей из хоть сколько-нибудь социально благополучных семей не выпускали на улицу без сопровождения взрослых. Подобная установка закрепилась в общественном сознании, о чем свидетельствует распространившаяся практика приглашать в дом няню (помощницу по хозяйству¹²) именно для того, чтобы забрать ребенка из школы, отвести на кружок и т. д.

Сегодня появилось поколение молодых людей и подростков, которые в детстве выходили «в свет» только в сопровождении мамы, бабушки или няни и были постоянно связаны присутствием родителей¹³. В 1990–2000-е годы по мере сокращения детской автономии

возрастал страх родителей за будущее своих детей, нередко приобретавший форму разного рода фобий, связанных с безопасностью ребенка¹⁴.

К тому же периоду последнего десятилетия XX — начала XXI века относится и новый виток *интеллектуализации детства*. Процесс этот не уникален для нашей страны, скорее, его следует охарактеризовать как общемировой, или, во всяком случае, свойственный всему западному миру: произошел глубинный сдвиг к представлению о том, что интеллектуализм, а не беззаботность является достоинством ребенка начиная уже лет с семи-восьми. Это отнюдь не означает, что дети в 1990–2000-е стали намного более интеллектуальными, но взрослые хотят видеть их именно такими. Получили распространение методики, обучающие чтению с двух-трехлетнего возраста; от будущих первоклассников теперь требуется владение навыками, которые раньше приобретались непосредственно в начальной школе. В 1990-е — начале 2000-х годов запрос на интеллектуализацию привел к появлению на рынке огромного количества пособий по так называемой «обучающей» педагогике¹⁵.

Индустрия детства

Немаловажным фактором, определившим жизнь российского общества в последние два десятилетия, стал новый и гораздо более мощный по сравнению с 1950–1970-ми годами виток развития общества потребления. Этот процесс не обошел стороной также сферу образования и семейного воспитания. Индустрия детства, как и любая другая, развивается по следующей схеме: предложение формирует спрос, реклама и предложение создают потребность в рекламируемом товаре¹⁶. Товаром в данном случае становятся не только предметы детского обихода, игрушки и т. п., но и информация об их назначении, привлекательности и качестве.

Одной из самых разработанных областей «родительского маркетинга» оказалась индустрия раннего развития: многоуровневая система средств и пособий, ориентированных на младенческий возраст, а также на пренатальный период. Проводниками в мир детства (читай — родительства) становятся родительские журналы, сайты, форумы и другие виды СМИ, которые предназначены для женщин, ожидающих или уже родивших ребенка. О том, какой процент российских женщин вовлечен в это информационное поле, можно судить лишь предположительно. Однако приведу две показательные цифры: журнал «9 месяцев» выходит тиражом 53 700 экземпляров, журнал «Мой ребенок» (приложение к журналу «Лиза») имеет тираж 280 000 экземпляров.

Взрослый человек, впервые оказавшийся в роли будущего или молодого родителя, чувствует себя растерянным и беспомощным, испытывая острую потребность в квалифицированной помощи специалиста по самому широкому кругу вопросов, связанных с развитием и воспитанием детей. Каждый производитель (названия фирм в данном случае не имеют значения), будь то компания, выпускающая детское питание, бутылочки, соски или молокоотсосы, или торговая марка детской одежды, игрушек и предметов, необходимых для ухода за ребенком, стремится представить свой товар таким способом, чтобы для потребителя выбор необходимой вещи одновременно означал бы вхождение в особое информационное пространство «уникальных технологий», «современных разработок» с «учетом особенностей роста и развития малыша». Но самое главное (и это принципиально отличает рынок детских товаров от других), что информация о товаре, получаемая покупателем, по сути, представляет собой учебный курс по уходу за ребенком.

Отдельного разговора заслуживает реклама на страницах периодических изданий для

родителей. Практически любое подобное издание — это не только и не столько популярные статьи о том, как растет малыш, в чем секреты его питания, обучения или ухода за ним, а скорее, гибрид научно-популярной информации, педагого-психологических советов и рекламы. Уже не реклама ищет способа попасть в поле зрения потребителя, а сам потребитель стремится приобрести рекламную информацию, которая в данном случае апеллирует не только к эмоциям и стереотипам, но и к сознанию. Современный родительский журнал (как и многие другие периодические издания) становится в России важнейшим медиа для навигации по рынку товаров и услуг.

Было бы неправильно оценивать эту тенденцию как негативную: реклама детских товаров создает новый образ родителей, который помогает по-иному воспринимать родительскую ответственность, превращая ее в общественный институт и рассматривая как ценность.

В советское время рынок товаров был настолько узким, а приобрести их было так сложно, что перед родителями вопрос о выборе попросту не стоял: покупали то, что удавалось «достать». При рыночных же отношениях потребитель постоянно оказывается в ситуации выбора, но в случае товаров для детей положение осложняется еще и тем, что этот выбор должен быть дополнительно мотивирован соображениями безопасности, комфорта, дидактической значимости или привлекательности для ребенка¹⁷. Многих родителей устраивают предлагаемые им мотивации, тогда как другим этого недостаточно, и они идут дальше, критически осмысливая информацию о товарах и услугах, а затем начиная сознательные поиски того, что соответствует именно их запросам.

«Ответственно-потребительский» подход в маркетинге способствует родительской социализации, а кроме того, формирует

модные тенденции, например, движение «слинго-мам», созданное с помощью PR-методов. Подобные движения основаны на отказе от чего-либо, предлагаемого рынком, и противоречат общепринятым представлениям об устройстве жизни мамы и малыша. В случае увлечения слингом — это отказ (иногда принципиальный, иногда нет) от детской коляски. Появляется сообщество мам, которые противопоставляют себя общей массе. Во многом это естественный для постиндустриального общества этап развития рынка, использующий антирыночные социально-психологические механизмы.

В России 1990-х годов подобные тенденции стали возникать вследствие того, что некоторые родители не готовы были четко сформулировать, чего именно они хотят для себя и своих детей, но отчетливо понимали, от чего они хотят отказаться и от чего хотят оградить своего ребенка. В данном случае важен не предмет отказа (им может быть произведенный на фабрике сок, соски-пустышки, прививки и т. д.), а суть родительской установки, которая представляет собой не что иное, как форму сублимации тревожности.

Просматривая товары, предназначенные для ребенка более старшего возраста, а также листая различную периодику, адресованную родителям, замечаешь, что для современного производителя товаром становится все, что в его детстве было частью «самодельной» детской культуры. Традиционное представление о детской культуре как о достоянии замкнутого мира детей сегодня сменилось иным видением: мир детства — это все, что создано обществом для детей, а также самими детьми, использующими готовые образцы или действующими относительно самостоятельно.

Наиболее яркий пример собственно детской культуры, который мог бы по праву претендовать на название *субкультуры* детства (в узком понимании термина «субкультура»¹⁸), — это детский фольклор,

включающий в себя различные формы детского творчества и способы организации взаимоотношений в детской среде: игры и считалки, дразнилки и страшилки, небылицы и загадки. Даже поверхностного взгляда на то, что предлагает современный производитель детям, достаточно, чтобы заметить, что за последние десятилетия на прилавках магазинов появились товары, очень похожие на девичьи альбомы и анкеты, приспособления для «народных игр», бытовавшие в нашем детстве¹⁹.

“Продается не просто материал, из которого ребенок творит по своему произволению, а продукт, который содержит заранее продуманный взрослыми план работы”.

Новое, «фольклорное» направление в детском книгоиздании, зародившееся еще в 1990-е благодаря предприимчивым производителям малотиражной печатно-развлекательной продукции, окрепло и заняло свое место на полках книжных магазинов. Таким образом, можно говорить о смене основного принципа бытования детской культуры: она передается не от ребенка к ребенку в процессе общения и не от мамы к дочке или от отца к сыну в процессе воспитания, а через «ничей», «общественный» предмет²⁰. Товар, купленный взрослым, а до этого произведенный другими взрослыми, становится для ребенка источником творческого осмысления мира.

Наиболее принципиально здесь то, что само производство «заготовки» для бытования детской культуры — это сфера профессиональной деятельности множества взрослых. Предмет из некогда автономного мира детства входит теперь и в область домашнего воспитания: ведь продается не просто материал, из которого ребенок творит по своему произволению, а продукт, который содержит заранее продуманный взрослыми

план и способ работы. С одной стороны, такой подход сужает простор для творчества, но с другой — наоборот, расширяет его, поскольку рынок подобных товаров растет и можно выбрать, по какому именно плану или сценарию работать.

Для сегодняшних девочек и мальчиков нет ограничений в выборе материалов, тематик, техник для изобразительной и конструкторской деятельности. Вызванный этим предложением всплеск прикладного творчества стимулирует дальнейшее развитие рынка.

Расширяется спектр образовательных услуг по обучению тем или иным техникам рукоделия: традиционные кружки и студии для детей теперь дополнились студиями, где ребенок творит вместе с мамой или (что намного реже) с папой (подробнее об этом см. в материале Галины Карповой в этом номере *Pro et Contra* на с. 94–99). В наши дни для многих матерей и некоторых отцов их родительство начинает ассоциироваться с прикладным творчеством — совместно с детьми или при обязательном их присутствии.

Еще один бурно растущий сектор рынка детских товаров, определяющий родительские установки, — это развивающие игрушки (а также игры и пособия) и методики их применения. То, что двадцать или десять лет назад характеризовало родителя как думающего, «продвинутого», сейчас свидетельствует лишь о том, что эти мама или папа стараются соответствовать основным (не обязательно модным, но наиболее заметным) тенденциям в родительском сообществе или в той части сообщества, которую объединяют инновационные воспитательные идеи. Современное родительское сознание наполнено научными

понятиями «сенсорное восприятие», «мелкая моторика», «психологическая готовность к школе» или «фонематический слух», «методики раннего развития», именами не только российских домашних педагогов — Никитина, Зайцева, Даниловой, но и зарубежных — Монтессори, Домана, Рудольфа Штейнера²¹.

Сфера распространения всех этих методик и знаний в наши дни не ограничена относительно узким кругом энтузиастов, но включает в себя широкую сеть государственных и частных образовательных учреждений (так, знакомство с методикой Марии Монтессори входит в российский образовательный стандарт подготовки педагогов дошкольного образования, в педагогических вузах регулярно защищают дипломы, кандидатские и докторские диссертации по вальдорфской педагогике). Зачастую родители, ориентированные на домашнее воспитание и образование детей, приходят к новым развивающим методикам самостоятельно, изучив большой массив информационных (печатных и электронных) ресурсов.

Массовое включение мам и пап в сетевой маркетинг развивающих игр и пособий — молодое явление, которое стало заметным в России лишь в первые годы нового тысячелетия. Педагогическое сообщество в большинстве своем еще не готово соответствовать новым запросам родителей, иными словами, школьные учителя и дошкольные воспитатели менее чутко относятся к происходящим переменам: они плохо знают рынок развивающих игр и пособий и знакомы, как правило, только с теми системами обучения, которые приняты в учреждении, где они работают, поскольку от них требуется прежде всего отчетность по параметрам, заложенным именно в этих методиках. Невозможность получить квалифицированную методическую помощь от педагога нередко побуждает родителей к самостоятельным поискам специалистов по интересующим их методикам.

Родительские журналы и интернет-ресурсы

Популярные («глянцевые») журналы для родителей и предназначенные для них же специализированные интернет-ресурсы — основные виды медиа, формирующие современное информационное поле родительства. Важную роль в этих изданиях играют авторы, первоначально пришедшие не из журналистики, а из среды активных родителей (Юлия Луговская, Евгения Кац, Ирина Корабельникова, Марина Озерова и др.).

В качестве главных субъектов нового информационного поля выступают неформальные родительские сообщества, существующие в Интернете или в «офлайне», но даже во втором случае родители часто общаются через сетевые ресурсы (собственные сайты, группы в социальных сетях и т. п.). Именно в этих сообществах на сегодняшний день и артикулируются наиболее важные для детско-родительских отношений проблемы.

С появлением родительских интернет-ресурсов и блогерской культуры в среде мам и пап стала развиваться тенденция *публично* осмыслить собственный опыт взаимоотношений с детьми и личностного становления как родителя. Разумеется, речь идет о небольшой группе людей, но в медийном пространстве эта группа достаточно заметна, поскольку именно внутри нее формируются различные коммуникационные модели в информационном поле родительства.

Проблемы детей старше трех лет гораздо реже и в меньшей степени обсуждаются на страницах родительских журналов. Одно из объяснений этому — отсутствие заказов от рекламодателей на товары для данных возрастных категорий. Поскольку родители не находят ответов на свои вопросы, связанные с этим возрастом, на страницах журналов или наиболее популярных сайтов, они обращаются к родительским интернет-сообществам и форумам (в частности, посвященным пробле-

мам домашнего обучения²²) или же к профессиональным сайтам и периодическим изданиям (например, адресованным учителям и психологам²³). Иными словами, подобные темы либо обсуждаются в кругу родителей, либо оказываются предметом исследования для специалистов. Российских изданий, которые специализируются на проблемах развития детей старше трех лет, совсем немного, и они очень слабо связаны между собой, а потому не оказывают значительного влияния на общественное сознание. Другое дело – родительские сайты, сообщества и интернет-форумы. Нынешнее состояние рынка указывает на то, что в будущем глянецовые издания, затрагивающие проблематику более старших возрастов (например, журнал «Здоровье школьника»), могут приобрести гораздо большую популярность. Можно также предположить, что в России скоро появятся «семейные» журналы, адресованные одновременно родителям и их детям-подросткам.

Одна из самых сложных проблем российского семейного воспитания – это распределение ролей между отцами и матерями. Из-за того что папы почти не участвуют в родительских форумах, многие мамы полагают, что они их а) не читают и б) вовсе не интересуются вопросами воспитания детей и, соответственно, не принимают в нем участия. Для современной российской семьи нормой остается такое положение дел, когда отцы практически полностью переключаются ответственность за воспитание и развитие ребенка на жену²⁴. Но есть и исключения. Родительская активность пап нередко предстает в рассказах мам как причина конфликта между родителями: несоответствие взглядов на вопросы воспитания, просто недоумение и неготовность мамы (а зачастую стоящей за ее спиной бабушки) согласовывать свои действия по отношению к ребенку с папой, разногласия разведенных родителей. Подобная ситуация отражает, на

мой взгляд, актуальную для нашего общества проблему – неготовность конкретной мамы, а быть может, и общества в целом принять папу, занимающего активную родительскую позицию. Поскольку работающий папа не принимает участия в решении частных вопросов, связанных с воспитанием детей (ими, как правило, занимается неработающая или мало работающая мама), ему отказывают и в решении вопросов стратегических.

Малочисленность отцов, использующих современные средства общения, крайне редко обсуждается среди мам как проблема²⁵. Зато эту тему охотно комментируют специалисты. Суждение о недостаточной отцовской активности психологи и педагоги формируют именно на основании небольшого числа активных участников-мужчин в родительских сообществах, но этот аргумент легко опровергнуть: отсутствие потребности публично обсуждать родительские проблемы отнюдь не свидетельствует об отсутствии активной родительской позиции у отцов. Можно говорить лишь о том, что публичное обсуждение своей родительской позиции для российских мужчин пока нехарактерно.

Новая ценность родительского опыта

Пожалуй, одно из наиболее важных изменений, произошедших в сознании родителей за последнее время, – это попытка сформулировать качественно новую цель родительства, которая заключается в гармоничных отношениях с детьми, приносящих радость и удовольствие. Нельзя сказать, что были времена, когда родители к этому не стремились, однако в последние годы, в отличие от советской эпохи, это стремление воспринимается как форма общественно значимой самореализации и личного самосовершенствования родителя (хотя значительная часть общества может по-прежнему такие ценности и не разделять).

Результаты проведенного мною на страницах «Живого журнала» (ЖЖ) опроса убеди-

тельно показывают, что многие современные родители видят цель своего взаимодействия с детьми не в достижении чего-либо в будущем, а в совершенствовании самого процесса взаимодействия в настоящем. Подобный опрос конечно же не отвечает принятым критериям социологической репрезентативности, но мне представляется, что исследовать такой интернет-ресурс, как «Живой журнал», интересно уже потому, что это позволяет, во-первых, выявить заинтересованность участников сообщества в данной теме (неред-

публичным не может не влиять на многих других. Десять ответивших в каждом из пяти сообществ создали целую «ленту обсуждения»: участники разговора не только развернуто отвечали на вопрос, но и комментировали другие ответы.

Среди участников опроса оказались самые разные категории родителей: многодетные, опытные мамы и совсем молодые родители, воспитывающие своего первенца; родители, выбравшие для своего ребенка форму домашнего обучения, и сторонники обязательной

“В отличие от советской традиции молодежного туризма, новые туристские слеты с конкурсами, поисками кладов и т. д. ориентированы только на семьи”.

ко во время опросов пользователи возмущаются самым фактом их проведения или говорят, что предложенные вопросы нелегитимны), во-вторых, продолжить беседу в русле рассуждений респондента и, наконец, в-третьих, сохранять психологическую дистанцию в общении с теми, чья семейная история мне известна.

В различные родительские ЖЖ-сообщества был помещен вопрос: «Чем вы руководствуетесь, покупая детям вещи, книги, игрушки, выбирая для них театральные постановки, выставки, организуя мероприятия, общаясь с детьми?» Ответы участников опроса были интересны прежде всего тем, что продемонстрировали способность современных родителей вербализировать свою позицию. Среди отвечавших не было таких, кто написал бы, что затрудняется объяснить свою точку зрения (хотя современные нормы общения в Интернете допускают подобный тип ответов). Родители-блогеры или участники форумов составляют меньшинство по отношению к общей массе российских родителей, но готовность даже небольшого числа людей сделать свой родительский опыт

социализации в детском коллективе. Но все они сошлись в одном: для них важно достичь взаимопонимания с ребенком. Примечательно, что ни в одном из ответов во главу угла не были поставлены прагматические задачи (нужно для развития, полезно для воспитания или обучения и пр.). Подобная мотивация присутствовала либо как сама собой разумеющаяся, либо занимала периферийное место в списке критериев выбора.

Кроме того, в ходе опроса родители определили свое отношение к ситуации, когда ребенок в большой степени зависим от взрослого. Наиболее активную дискуссию вызвала мысль о том, что одна из важнейших ценностей для родителя — это его способность доверять ребенку. При несовпадении желаний или мнений (например, ребенок выбирает игрушку либо книгу, которая родителям кажется неудачной, а быть может, даже вредной) родители скорее склонны объяснить ребенку свою точку зрения или предоставить ему право на отрицательный опыт.

Подобную позицию можно оценить как ответную реакцию родителей на процесс «деавтономизации детства», начавшийся в

1990-е, который они воспринимают как проблему, требующую выработки нового модуса отношений с ребенком.

Педагогические воззрения опытных мам, принявших участие в проведенном опросе, претерпели существенную эволюцию, которая в целом направлена отнюдь не в сторону интеллектуализации детско-родительских отношений, а скорее на возрастание доверия к ребенку, на стремление получать радость от общения.

Новый тип родительского самосознания складывался постепенно. Настоящим прорывом стала вышедшая в 1995 году книга Юлии Гиппенрейтер «Общаться с ребенком. Как?», которая раскрывает тайну и простоту уважительных, партнерских отношений с ребенком. Ее появление подготовило родительское сознание к переменам, о которых говорилось выше, а многочисленные переиздания²⁶ подтверждают востребованность изложенных в ней идей, призывающих к гармонизации взаимоотношений в семье. В последние годы в России проводятся семинары и практикумы для родителей, задача которых заключается в освоении нового языка общения с ребенком (иногда эти семинары ведет сама Гиппенрейтер, иногда — ее ученики).

Несколько позже, в 1999-м, вышла книга Джона Грея «Дети — с небес. Искусство позитивного воспитания. Как развить в ребенке дух сотрудничества, отзывчивость и уверенность в себе», что свидетельствовало об уже сформировавшемся в обществе запросе на такого рода литературу (несмотря на то, что эта книга выходила меньшими тиражами, чем книга Гиппенрейтер, она очень активно распространялась в Сети)²⁷.

По мере того как родители осознают необходимость «перенастройки» во взаимоотношениях с детьми, растет их заинтересованность в получении соответствующей консультационной поддержки²⁸. Если круг родителей, вдохновившихся идеями гармонизации детско-взрослых отношений, постоян-

но расширяется, то круг специалистов, готовых поддержать это движение и поделиться соответствующими психологическими методиками, пока достаточно узок и складывается с большим трудом. Тем не менее в ответ на потребность родителей в консультативной помощи стали появляться совершенно новые институты: семейное консультирование, семейные клубы, специальные группы для совместных занятий родителей и детей (на которых родители выступают не в качестве сопровождающих или «неквалифицированных помощников», допущенных педагогом в класс, а в качестве полноправных участников образовательного процесса. Иногда родители занимаются отдельно по тому же предмету, что и их дети, но преподаватель ставит перед ними иные задачи).

Некоторые формы родительской активности, связанные с реализацией идеи плодотворного взаимодействия с ребенком, предполагают индивидуальный поиск, другие же неизбежно требуют кооперации родителей-единомышленников как с помощью интернет-сообществ, так и в очном режиме. Один из примеров такой кооперации — движение семейного туризма под названием «Туристыта»²⁹. Безусловно, в чем-то оно наследует традиции советских «интеллигентских» туристических походов, но вместе с тем заметно от них отличается. Во-первых, участники общаются друг с другом преимущественно на специализированных сайтах, где в интерактивном режиме совместно придумывают новые маршруты. Как и в советские времена, помимо обычных походов, они организуют туристические слеты (или иначе «лесные праздники») с разнообразными конкурсами, поисками кладов и т. д., причем всякий раз сценарий такого слета придумывается заново. В отличие же от советских времен и от никогда не умиравшей традиции молодежного туризма, эти слеты ориентированы только на семьи³⁰.

Окрепло за последние несколько лет и движение родителей, которые выбирают для своих детей форму домашнего обучения: создаются клубы и сообщества, а также появилось совсем молодое движение с похожей тематикой «Дети в семье». До последнего времени родительские объединения возникали, чтобы компенсировать трагические жизненные условия, в первую очередь это относится к сообществам родителей детей-инвалидов (см. материал Светланы Королевой и Алексея Левинсона в этом номере *Pro et Contra* на с. 42–60). Новые родительские объединения не выполняют такой компенсаторной функции. Их участники сознательно

культурную и языковую среду для воспитания детей из русскоязычных семей и специфика которых определяется самим феноменом диаспоры, на российской почве вызывают серьезные перемены в общественном сознании. Так, именно из форумов, интернет-сообществ и блогов эмигрантов (Юлии Ремпель — Германия, Марины Озеровой — Израиль, Елены Макаровой — Израиль, Вадима Левина — Германия и многих других) в российское общество проникает информация, а вслед за ней идеи, методики и технологии организации детских и семейных лагерей, родительских семинаров по проблемам воспитания и образования, создания домашних студий

“Отдельное место в России стали занимать книги, посвященные социальной и психологической тематике, в том числе и в области детско-родительских отношений”.

создают информационное, а иногда и культурное пространство для совместного воспитания и обучения детей.

Так, движение «Дети в семье»³¹ объединило тех, кто сделал осознанный выбор в пользу домашнего воспитания, а также готов совместно поддерживать новое информационное пространство не только в интернет-сообществах, но и путем участия в семинарах и заочных курсах. Важно, что в этом движении участвуют некоторые психологи и педагоги, тем самым родители и эксперты сообщества обсуждают проблемы, а главное, вырабатывают язык для такого обсуждения.

В первой половине 2000-х на молодых российских родителей сильное влияние оказали русские диаспоры в Германии и в Израиле. Действующие там программы, направленные на обучение, воспитание и развитие русских детей за рубежом, осваиваются российскими мамами и папами с помощью форумов и интернет-сообществ. Те инструменты, которые в этих странах призваны сохранять

творческого развития для детей и родителей. Насколько широка сфера воздействия педагогов-эмигрантов, видно по числу зарегистрированных членов соответствующих сообществ или их «друзей» в «Живом журнале»: у Марины Озеровой их 1337, у ее сообщества «Дети в семье» — 1874, у Вадима Левина — 1295. По меркам блогосферы это очень высокая степень популярности. Число же незарегистрированных пользователей, которые несистематически читают тексты, публикуемые в этих сообществах, в разы больше.

Реальные и виртуальные родительские сообщества, о которых шла речь выше, создают новое информационное поле родительства. Его структуру можно было бы описать в виде двух серий накладывающихся друг на друга концентрических кругов. Первая из них отражает происходящее в виртуальном, а вторая — в реальном пространстве. В центре обеих серий находятся трендсеттеры (если использовать терминологию Роджерса, это и «пионеры», и их «первопреемники»), однако

в первой серии — это только взрослые, а во второй — и взрослые, и дети. Следующий круг в обеих сериях соответствует последователям трендсеттеров, которые пытаются применить их опыт (в терминологии Роджерса это «раннее большинство»), и, наконец, в третьем круге обеих серий находятся те, кто пока еще не считает себя последователем, но так или иначе знакомится с деятельностью трендсеттеров и для кого эта информация оказывается ценностно значимой (их Роджерс называет «поздним большинством»).

Изменения на рынке детской литературы

Во второй половине 2000-х годов появилось несколько новых детских издательств: «Открытый мир» (позже «Мир детства Медиа»), «Самокат», «Нарния», «Розовый жираф» и др. Активизировали свою деятельность и те из уже давно существующих издательств, для которых детская литература — одно из приоритетных направлений («Дрофа», «Самовар», «Росмэн», «Махаон», «Эгмонт» и др.). Именно за последние пять лет резко увеличился ассортимент литературы, адресованной детям и родителям, причем речь идет как об отечественных, так и о зарубежных авторах (в том числе переиздание классических сочинений), а также о книгах научно-популярного характера. Качественно новым стало оформление детских книг, прежде всего это касается переводных (финских, шведских и др.) изданий³².

Отдельное место в России стали занимать книги, посвященные острой социальной и психологической тематике, в том числе и в области детско-родительских отношений. Однако как издатели, так и продавцы детской литературы подчеркивают, что решиться на публикацию такой книги и продвигать ее на рынке чрезвычайно сложно. В настоящее время это, пожалуй, одна из наиболее акту-

альных и обсуждаемых проблем в сфере детского книгоиздания.

Новые книги скандинавских авторов, в которых рассматриваются непростые психологические проблемы, связанные с взрослением детей, рассказывается о поиске взаимопонимания между детьми и родителями, о соприкосновении ребенка и подростка со «сложными», отчасти табуированными темами (сексуальной стороной любви, смертью, болезнью и т. д.), воспринимаются «просвещенными» родителями с одобрением. В психолого-педагогической среде, ориентированной на инновации, подобные издания оцениваются как яркие и остро необходимые пособия для социализации и эмоционального развития. Однако у большинства родителей они пока вызывают лишь недоумение или откровенное неприятие. Одной из причин этого стала неготовность родителей к новому формату общения и с книгой, и с ребенком, который предполагает, что родитель признает не только возможность разговора с детьми на подобные темы, но и соглашается с тем, что детская литература такого рода имеет право на существование и даже полезна. Если книга, затронувшая острую проблему детско-родительских отношений, попадает в руки неподготовленных родителей, то, как правило, она вызывает внутренний дискомфорт. Но если книгу о «трудностях» детского или детско-родительского мира представляет социально значимое для этой аудитории лицо, то в ходе беседы восприятие кардинальным образом меняется. Доверяя профессионализму эксперта, родители готовы в корне пересмотреть свое отношение к детской книге и отказаться от стереотипного подхода.

Любая хорошая детская книжка имеет двойную адресацию, однако до сих пор взрослому *не нужно было готовиться* к тому, как он будет читать и обсуждать ее с ребенком. Так, например, литературные сказки подобны

слоеному пирогу: каждая возрастная группа воспринимает «свой» слой. Тем не менее традиционная детская литература в какой-то степени ограждала взрослого от неудобных вопросов ребенка.

До сих пор детскую литературу можно было условно разделить на три группы. Существует ряд классических детских произведений, в которых дети и взрослые живут в одном мире, взрослые воспитывают детей, а в минуты отдыха и веселья играют с ними («Денискины рассказы» Виктора Драгунского или «Приключения Пинокио» Карло Коллоди, рассказы Льва Толстого, Михаила Зощенко или Валентины Осеевой, «Малыш и Карлсон» Астрид Линдгрэн) — отнесем эти книги к «литературе воспитания». К другой группе относятся книги, в которых дети действуют временно автономно от взрослых («Приключения Тома Сойера» Марка Твена или «Дядя Федор, пес и кот» Эдуарда Успенского) — назовем ее «литературой детской самостоятельности». Есть еще одна группа — это книги, в которых создаются образы условно-сказочных героев, совмещающих признаки и взрослых, и детей, но больше похожих на детей («Царство малюток» Анны Хвольсон и отчасти наследующие ей повести Николая Носова о Незнайке, сказка Туве Янссон «Муми-тролль и комета»; в более поздних ее произведениях из цикла о муми-троллях герои психологически усложняются).

Для российских родителей знаковой, предполагающей иное, чем прежде, восприятие отношений «ребенок—взрослый», стала публикация в 1993 году небольшой сказочной повести Ирины и Леонида Тюхтяевых «Зоки и Бада. Пособие для детей по воспитанию родителей», в которой привычный герой-шалун занял позицию воспитывающего, а не воспитуемого³³. История о том, как у исключительно «положительного» большого зверя (напоминающего быка) по имени Бада, для которого все в этом мире было ясно и понят-

но, вдруг появились подопечные — совершенно иначе («неправильно») воспринимающие мир маленькие зверюшки Зоки, была призвана показать читателям, насколько важно осознавать обоюдонаправленность воспитательного процесса. Год спустя, в 1994-м, был выпущен мультфильм по мотивам этой книги³⁴, однако в то время ни фильм, ни книга особой популярности не получили, хотя в отдельных кругах некоторое время были в центре внимания.

Между тем книги, подобные «Веста-Линнея и капризная мама» финской (шведскоязычной) писательницы Туве Апфельгрэн и ее полноправного соавтора — художницы Саллы Саволайнен³⁵, которые появились на полках магазинов в последние годы, были восприняты в России уже совсем по-другому, но именно поэтому стали серьезным испытанием для родителей. Книжка-картинка Апфельгрэн и Саволайнен повествует о ссоре мамы и дочки и последовавшем затем примирении. От традиционной детской литературы эта книга отличается прежде всего тем, что она предлагает непривычный взгляд на маму, которая ведет себя не слишком «педагогично», а в финале именно она просит у своей дочери прощения за испорченный день. Таким образом, книжка признает и за детьми, и за их родителями право на отрицательные эмоции, говорит о том, что ребенок может оказаться прав, а взрослый может ошибаться, тогда как традиционная воспитательная литература при описании отношений детей и родителей не допускала подобного рода «послаблений»³⁶.

Заключение

В современной России информационное поле родительства представляет собой пространство публичного обсуждения ценностей, которые сейчас в очередной раз (после начала 1990-х) переосмысляются. Меняется отношение взрослого к ребенку, по-иному

оценивается общение и взаимодействие с ним. Развитие рынка, удовлетворение первичных потребностей даже самых небогатых родителей привело к тому, что роль родителей стала восприниматься прежде всего не как обременительная в бытовом отношении, а как налагающая на взрослых большую социальную и этическую ответственность. Психологические и интеллектуальные силы, прежде направленные на решение исключительно потребительских задач, теперь освоились для других функций.

В силу того, что уровень доверия к традиционным образовательным и воспитательным институтам в российском обществе достаточно низок, родители зачастую надеются получить ответы на волнующие их вопросы от таких же, как они, родителей, и нередко случаи, когда участие в публичном обсуждении хотя бы частично удовлетворяет их ожидания. Специфика российской ситуации заключается еще и в том, что в

условиях общей деформации публичной сферы и неразвитости демократических институтов проблемы домашнего воспитания и образования, детско-родительские отношения, а также отношения детей и родителей с педагогами оказываются одной из немногих тем, которые до последнего времени не были включены в сферу политического, и тем самым могли обсуждаться свободно. (Положение дел, похоже, стало меняться в январе 2010 года, когда на Первом канале начали показ телесериала «Школа» и вокруг него была инициирована сугубо политическая дискуссия, в том числе и в стенах Государственной думы.) Таким образом, взаимодействие с детьми многие взрослые (не только родители, но и некоторые педагоги) воспринимают не только как свою социальную, но и как гражданскую функцию. Станет ли это той самой сферой, где «прорастет» гражданское общество, покажет время. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Подробнее см.: *Левинсон А.* Архивы и простота: реплика неисторика // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 34–35.

² *Пенн М. Дж., Залески К. Э.* Микротенденции: Маленькие изменения, приводящие к большим переменам / Пер. с англ. А.В. Савинова. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. С. 11–12.

³ *Черепова П.* Зачем нужна семья? // Сайт «Полит.ру». 2010. 2 февр. (<http://polit.ru/research/2010/02/02/family.html>).

⁴ *Rogers E.* Diffusion of Innovations. 5th ed. N. Y.: Free Press, 2003. Подробное описание концепции Эверетта Роджера можно прочитать в статье: *Горалик Л.* Антресоли памяти: воспоминания о костюме 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 83/84. В 2 т. Т. 2. № 84 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/84/go23.html>).

⁵ *Горалик Л.* Указ. соч. С. 617.

⁶ Описанию закрытого, непостижимого для взрослых мира детства посвящена известная книга Марии Осориной: *Осориная М.* Секретный мир

детей в пространстве мира взрослых. СПб: Питер, 1999.

⁷ Никитин Б.П. (1916–1999) и его жена Л.А. Никитина (р. 1930) – авторы нетрадиционной системы воспитания детей, основанной на идее раннего развития. Особое место в развивающей среде заняли разработанные Борисом Павловичем пособия: «кубики для всех», «сложи квадрат», «уникуб» и др.

⁸ Зайцев Н.А. (р. 1939) – автор методик обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста. Его пособия представляют собой комплекты учебных материалов по обучению чтению, каллиграфии, математике, грамматике русского языка, английскому языку. Они предназначены для использования в домашних условиях, в дошкольных учреждениях, начальной и средней школе.

⁹ Чапковский И.М. (р. 1948) – первопроходец семейного обучения в России. Он и его жена Валентина Чапковская дали своим четырем детям домашнее образование (начинали в 1986 году). На

данный момент являются руководителями ассоциации «Свободное развитие». Их сайт о проблемах семейного образования: <http://familyeducation.ru/>.

¹⁰ Звонкин А.К. (р. 1948) — автор работы «Мальши и математика. Домашний кружок для дошкольников», обобщающей его опыт преподавания математики дошкольникам в отличном от традиционного ключе. Так, например, один из принципов его преподавания стал отказ от обязательного решения до конечного результата: предложенная детям задача решается только детьми, предложивший задачу взрослый не дает правильного решения даже в том случае, если никто из детей так и не предложил ответа.

¹¹ Подробнее об этом в статье: *Горалик Л.* Плюс на минус...: Восприятие «Америки» последним поколением советских детей // Новое литературное обозрение. 2009. № 95 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/go18.html>).

¹² Подробнее об этом см.: *Синявская О.В., Гладникова Е.В.* Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 345–376.

¹³ Параллельно с этими процессами, происходившими в семье, в образовательной среде формировался схожий подход к организации воспитательного процесса. «В целях профилактики детской безнадзорности, наркомании, алкоголизма и пр.» педагогическое сообщество создает и множит различные программы дополнительного образования, мероприятия для детей и подростков, вершиной этой воспитательной политики стало внедрение режима «полного дня», когда учащихся фактически удерживают в школьном здании после уроков (формально для дополнительных занятий), лишая их возможности посещать любые другие образовательные или культурные учреждения.

¹⁴ См. об этом: *Гудков Л.Д.* Страх как рамка понимания происходящего // Гудков Л.Д. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. М.: НЛЮ, 2004. С. 59–82. Об образе будущего в сознании современных родителей см. статью Ольги Свешниковой в этом номере *Pro et Contra* на с. 61–77.

¹⁵ Хотя эту литературу преподносили как семейную, на деле она не была адаптирована к домашним занятиям родителя с ребенком.

¹⁶ Такая схема развития потребительского рынка исследована теоретиками медиа и рекламы

еще в 1960–1970-е годы (Ги Дебор, Ж. Бодрийяр и др.).

¹⁷ Благодарю Левада-Центр и лично Светлану Королеву за предоставленную возможность ознакомиться с результатами проведенных в 2008 году фокус-групп, посвященных представлениям родителей об оптимальных свойствах товаров для детей.

¹⁸ В отечественной практике термин «субкультура детства» используется достаточно широко — это и узкое понимание обособленной культуры детей, включающей в себя детский фольклор, детское творчество, и довольно широкое и размытое представление — «все, что сделано детьми и для детей».

¹⁹ Безусловно, при этом тексты отбираются по определенным критериям.

²⁰ Это касается не только детской культуры, но и фольклора в целом. Для современного человека письменная форма передачи устного фольклора уже не кажется странной. Однако практика родительского консультирования показывает, что мама или папа, взявшие в руки книгу с потешками и пестушками, пытаются *прочитать* их своему малышу, оказываются перед неразрешимой задачей, как *чтение* совместить с теми действиями, о которых идет речь в потешке или пестушке, поскольку здесь важен не текст, а само действие и ритмичное проговаривание, название выполняемого действия и предмета, с этим действием связанного. Данный пример наглядно иллюстрирует формирование родительского запроса на овладение в первую очередь собственно технологией пестования, а не текстовой стороной фольклора.

²¹ Вальдорфская педагогика, разработанная австрийским философом-мистиком и теоретиком образования Рудольфом Штейнером (1861–1925), создателем учения, называемого «антропософия», известна многим родителям в России. Это система воспитания в детских садах и школах, получившая свое название от того, что первую школу Штейнер создал в 1919 году по просьбе владельца и управляющего сигаретной фабрикой «Вальдорф-Астория» в Штутгарте для детей рабочих этой фабрики. По мнению педагогов, придерживающихся вальдорфской системы воспитания, ребенка примерно до семи лет (периода смены зубов) не следует обучать чтению, письму, дисциплинам, требующим логического и абстрактного мышления (во многом это является прямым следствием критического отношения Штейнера к современной науке в целом).

В вальдорфских группах дети обычно разновозрастные, они обучаются работам по дому, ухаживают за садом, используют игрушки из природных материалов (дерева, глины, шерсти). В настоящее время число вальдорфских школ в мире постоянно растет, однако положения вальдорфской педагогики на протяжении всей ее истории не раз вызывали резкую критику педагогов и исследователей.

²² К таким ресурсам относятся, в частности, портал «Домашнее обучение» (<http://www.school4you.ru/>), сайт И.М. Чапковского «Семейное образование» (<http://www.familyeducation.ru/>) и др.

²³ Напр., сайты: <http://www.1september.ru/> или <http://www.it-n.ru/>, а также <http://psyjournals.ru/index.shtml>.

²⁴ Подробнее о кризисе института отцовства: *Кол И.* Зачем нужны отцы? // Звезда. 2006. № 12 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/12/ko11.html>); *Козина И.* Работающие матери // Сайт «Полит.ру». 2009. 25 дек. (<http://www.polit.ru/analytics/2009/12/25/kozina.html>).

²⁵ Интересно отметить, что на общем фоне обсуждения мамами частных проблем воспитания, образования и пр. высказывания мужчин выглядят несколько иначе, а именно кажутся очень яркими и неожиданными (например, превратившиеся в книгу статьи Андрея Колесникова в журнале «Коммерсантъ-Weekend» или ныне публикующиеся в том же журнале заметки Демьяна Кудрявцева; такое же впечатление производит и специальный мужской журнал о воспитании «Батя»). Существуют также и интернет-издания для отцов, в частности, можно упомянуть проект «Папаленд» (<http://www.codebaker.ru/is/papa/index.php?categ=3>), сайты «Воскресный папа», «Мужской Альманах», «Мужской сборник», «Отцовство», «Отцовство в XXI веке», «Папам info», семейный ресурс «Я папа», сайт RuFather.ru.

²⁶ С 1995 года, когда вышло первое издание этой книги, она переиздается практически ежегодно, а с 2007 года, когда права на нее были куплены издательством «АСТ», по 2–3 раза в год.

²⁷ Назову еще книги Нины и Заряны Некрасовых «Перестаньте детей воспитывать — помогите им расти», «Что делать, если вас достали конфликты» и др., появившиеся уже в середине 2000-х. Их многочисленные переиздания (характерно, что к концу 2000-х годов эти авторы параллельно с относительно малотиражным издательством «София» стали публиковаться в мейджоре

«Эксмо») свидетельствуют о том, что переосмысление методов воспитания детей превратилось в модный тренд.

²⁸ Характерно, что в предисловиях, соответственно, ко второму и к пятому изданиям своей книги Юлия Гиппенрейтер говорит о том, что ее «восхищает исключительная готовность людей серьезно трудиться для создания психологического благополучия своих детей и семей. Специалисты “помогающих профессий” — практические психологи, психотерапевты, социальные работники и педагоги... стали незаменимыми участниками этого процесса» (*Гиппенрейтер Ю.Б.* Общаться с ребенком. Как? М.: Астрель, 2006. С. 4).

²⁹ С движением семейного туризма можно познакомиться на следующих сайтах: <http://www.turistenok.ru/>, <http://www.turchild.ru/>, <http://community.livejournal.com/turorg/>, http://community.livejournal.com/klad_v_lesu/.

³⁰ В тех слетах, сценарии и отчеты о которых я обследовала (около 10), принимали участие от 50 до 500 семей с детьми от 1,5 до 12 лет.

³¹ Сообщество с таким названием есть в «Живом журнале» — http://community.livejournal.com/deti_v_semje/profile. Вдохновителем этого сообщества стала руководитель дистанционного семейного центра, педагог-психолог Марина Озерова (Израиль) (см. подробнее: <http://marinaozergova.ru/rus/>).

³² Новейшие тенденции в дизайне детских книг регулярно анализирует в своих колонках арт-критик Елена Герчук, материалы которой можно прочитать на портале, посвященном современному дизайну: <http://kak.ru/columns/booksasbooks/a9864/>; <http://kak.ru/columns/booksasbooks/a9591/> и др.

³³ Книга впервые была опубликована в издательстве «Микрополь» в 1993 году.

³⁴ Мультипликационный фильм Александра Федулова «Зоки и Бада» (студия «Экран», 1994).

³⁵ *Аппельгерн Т., Саволайнен С.* Веста-Линнея и капризная мама / Пер. с шведского М. Людковской. М.: Мир детства Медиа; Открытый мир», 2008.

³⁶ Идею о том, что родители имеют право на негативные эмоции и что это вполне естественно, за пределами художественной литературы высказывали многие врачи, психологи и педагоги, в первую очередь здесь стоит упомянуть доктора Спока.

Родительские объединения в сфере культуры

В условиях «недофинансирования» государством дополнительных образовательных услуг все большее значение приобретают родительские социальные сети, через которые развиваются неформальные практики привлечения ресурсов | ГАЛИНА КАРПОВА

Данная работа посвящена формированию родительских «проектов будущего» в сфере дополнительного образования для детей. Предметом исследования были стратегии выбора на рынке дополнительных образовательных услуг и культурного потребления, а также поддержка таких проектов со стороны государственных и общественных институтов — кружков, студий и т. д. Материалом послужили структурированные интервью и открытые групповые дискуссии¹ с экспертами (специалистами в области культурного просветительства и дополнительного образования — руководителями Дворцов и Домов культуры, школ искусств и т. п.) и родителями — представителями «постсоветского среднего класса»².

Начиная с конца 1980-х годов «узкий» тип культурной социализации (ориентации на стандарт, жесткий норматив) в России постепенно уступает место «широкому», предполагающему плюрализм, вариативность, личностную независимость³. Это неустойчивый процесс, часто прерывающийся возвратами к прежним установкам, но все же относительно последовательный. Расширение возможностей выбора увеличивает нагрузку и ответственность родителей за своих детей.

Ослабление патерналистской государственной поддержки коснулось учреждений детского дополнительного образования, большая часть которых относится к сфере культуры. Согласно Федеральному закону от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», бюджетным учреждениям культуры предложено перейти в статус автономных некоммерческих организаций, что, с одной стороны, предполагает возможность привлечения дополнительных инвестиций в рамках «государственно-частного партнерства», а с другой — приводит к сокращению бюджетного финансирования учреждений культуры, в том числе кружков, студий, детских школ искусств, Дворцов (или Домов) детского творчества.

Эти изменения привели к сворачиванию коммерчески невыгодных, но социально значимых видов культурной деятельности, в том числе услуг, предоставляемых населению бесплатно. Большинство услуг (прежде всего связанных с художественным образованием детей и подростков) стали существенно дороже; это касается как роста формальных платежей (оплаты за предоставляемые услуги по дополнительному образованию детей), так и возникновения неформальных экономических практик (финансирование призов

и подарков, оплата дополнительных занятий непосредственно руководителям коллективов, полная компенсация со стороны родителей концертной или конкурсной деятельности т. д.). Причиной здесь, как правило, является отсутствие ярких и интересных проектов, способных обеспечить аудиторию и привлечь дополнительные источники финансирования, а также необходимых помещений, а кроме того, нехватка технического оборудования и расходных материалов. В условиях такого сплошного дефицита забота о развитии будущего поколения ложится, главным образом, на плечи родителей.

Наши информанты-родители четко осознают личную ответственность за качество жизни ребенка, подчеркивая, что успешная социализация в большей степени зависит от инициативы и ресурсов родителей, а государственная поддержка является вторичной:

«Если ты принял решение воспитать ребенка, ты уже рассчитываешь на собственные ресурсы и, исходя из этого, выбираешь, что тебе по силам, а что – нет. Конечно, для ребенка своего любой “нормальный” родитель будет стараться выкладываться по максимуму» (ж., 34 года, мать).

Изменение отношения взрослых к детям и к самим себе эволюционирует в каждом конкретном случае и интегрирует личные переживания, связанные с детством; критическое осмысление прошлого; опыт, приобретенный в собственной семье; существующие в культуре модели детско-родительских отношений. Деятельность детей творчески взаимодействует с деятельностью взрослых:

«Родителям приходится вместе с детьми смотреть новые фильмы, читать новые книги, а значит, начинать воспринимать мир по-новому» (ж., 28 лет, мать).

Анализируя собственный родительский опыт, наши информанты отмечают, что, с одной стороны, *«взрослые меняются вместе с общей обстановкой и создают для детей игры, литературу и развлечения под влиянием этих изменений, например, в условиях той же глобализации»* (ж., 33 года, мать). С другой стороны, *«дети самостоятельно усваивают какие-то знания, возникающие иногда спонтанно, и требуют от родителей соответствовать этим нормам (играть с ними в определенные игры, читать определенные книги, про которые они узнали вне семьи). И родителям приходится меняться, если они хотят быть с детьми в гармоничных отношениях»* (ж., 34 года, мать). Это явление «повторного переживания детства» (ж., 25 лет, мать), на наш взгляд, симптоматично, особенно для родителей — представителей среднего класса. Включенность родителей в социализацию ребенка наши информанты объясняют стремлением улучшить его стартовые позиции и обеспечить его культурным капиталом. Отсюда высокое эмоциональное участие и ориентация на достижения детей, в том числе и творческие. Кроме того, в современных рыночных отношениях культура детского потребления влияет на культуру взрослых, проникая во взрослый мир, размывая четкие границы культуры детства.

Внутри каждой семьи реализуются собственные стратегии воспитания ребенка, основанные на личном опыте, представлениях, ожиданиях. Стремление к успешному родительству проявляется в том, чтобы *«заботиться, воспитывать, развивать, научить осознавать, думать, размышлять, анализировать...»* (ж., 32 года, мать), *«воспитать гармоничную личность с большими и лучшими способностями, навыками и чертами характера, чем ты сам, чтобы не повторять ошибок»* (ж., 28 лет, мать).

В попытке рефлексии собственного «детского» опыта, нередко звучат ностальгические мотивы, ориентированные на идеализацию прошлого:

«В советское время роль государства была выше, так как было больше ресурсов, направленных на культуру, и также было более понятное и однозначное понимание “культурного человека”» (ж., 42 года, мать).

Более молодое поколение родителей проявляет «заочную» лояльность к советской государственной политике в отношении детей; за неимением собственного советского опыта, они ориентируются на социальный опыт старшего поколения:

«В советское время, конечно, государство принимало более активное участие в воспитании детей. Как в социальном, так и в идеологическом смысле. <...> Сейчас общество стало менее сплоченным. Далеко не все дети попадают под действие социальных программ, даже в садик не все попадают (до кого-то очередь не дошла, для более обеспеченных нанимают няню), у государства нет механизмов для участия в воспитании детей» (ж., 25 лет, мать).

Такое мнение свидетельствует о неудовлетворенности помощью государства в воспитании ребенка (об очередях в детские сады советского времени респондентка, очевидно, не знает или не помнит). Недовольство возникает в сравнении с существующим в сознании мифологическим образом «счастливого советского детства», которое транслируется старшим поколением или культурными артефактами (политический плакат, кино, литература). Беседы с нашими информантами свидетельствовали о том, что новые современные практики родительства включают в себя элементы советских моделей, в частности, социализации ребенка как «культурного человека». Многие информанты указывали на то, что в своем качестве родителей они вос-

производят опыт, почерпнутый ими из собственного воспитания в родительской семье:

«Меня так воспитывали родители, не было свободного времени, зато мое детство было интересным. И я так же своего ребенка воспитываю» (ж., 42 года, мать).

В условиях «недофинансирования» государством сферы культуры происходит поиск новых механизмов; среди них значительное место принадлежит построению родительских социальных сетей, через которые развиваются неформальные практики привлечения ресурсов — финансовых и административных.

«Ансамбль, в который ходит мой ребенок, много выступает, дети любят выступать... это не заслуга нашего Дворца... а у нас папа один работает в транспортном предприятии — с транспортом проблем нет. Мы уже шутим между собой: пора продюсера нанять — автобус есть, костюмы сами шьем» (ж., 28 лет, мать).

Информанты-родители отмечают, что для них разные формы участия в деятельности детских коллективов — «вполне обычное дело»: речь может идти о помощи транспортом для выездных концертов; пошиве костюмов — выбор ателье или частных мастеров через родительские социальные сети; организация гастролей — в случае, если коллектив приглашают на фестиваль, основная часть затрат по проезду и размещению ложится на плечи родителей. При этом родители ищут — и находят — оптимальные варианты, например, пытаются организовать поездку на льготных условиях, «которые предоставляются родителями — руководителями туристической фирмы» (ж., 32 года, мать). В одном из кейсов нам было представлено решение такой серьезной проблемы, как временное отсутствие помещения для репетиций:

«Были проблемы с залом, ремонт – одна мамочка, директор школы, нам разрешила по вечерам в школьном спортивном зале заниматься» (ж., 28 лет, мать).

Таким образом, в сфере деятельности по развитию ребенка родительские группы и объединения, зачастую организованные «снизу», становятся основными партнерами культурных учреждений.

«В настоящее время наша основная надежда и опора – это родители. И... чем активнее привлекаешь родителей к деятельности нашей студии, тем охотнее они ее организуют, я иногда затрудняюсь ответить, чей коллектив дружнее и сплоченнее – мои дети или их родители. И, вы знаете, по-моему, им это нравится, нравится жить жизнью и успехами своего ребенка» (м., 29 лет, руководитель детской студии).

Из числа опрошенных нами родителей и экспертов большинство говорят о целесообразности, а зачастую и о необходимости создания и развития родительских объединений.

Руководители четырех детских коллективов предлагают вновь поступающим анкету, где наряду с контактными и биографическими данными есть обязательный вопрос: «Чем вы можете помочь коллективу?»

«Не у всех этот вопрос вызывает положительную реакцию, поэтому я прошу его заполнять по желанию. Хотя, знаете, некоторые настолько осведомлены о трудностях, которые переживают сегодня детские творческие коллективы, потому что они не могут денег зарабатывать, что сразу пишут, какие у них есть возможности» (ж., 31 год, руководитель детского коллектива).

Первые родительские объединения, по мнению А.А. Крячко, появляются «начиная с 90-х годов XX-го века, – самых, как принято считать, “кризисных” и переломных для нашей страны. Характерной особенностью социокультурного облика больших городов становятся неформальные родительские объединения. Их самоназвания говорят о концептуальной направленности деятельности: “Центр родительской культуры”, “Семейный клуб родительского опыта” и пр. В их лексиконе – новые на тот период, но сегодня ставшие привычными словосочетания: “сознательное родительство”, “ответственное родительство”, “родовая культура семьи»⁴.

Практика создания родительских объединений, уже существовавшая в виде попечительских советов, родительских комитетов, получивших особое распространение в сфере образования, активно внедряется и в сферу дополнительного образования детей, усиливая ответственность родителей за социализацию ребенка и расширяя их возможность вмешательства в данный процесс.

Соответственно, расширяется и круг полномочий родительских объединений по сравнению с родительскими комитетами советского времени. Помимо функции сбора средств на нужды детского коллектива (в советских учреждениях культуры они, по мнению наших информантов, были незначительными и ограничивались, как правило, покупкой в складчину подарков к праздникам руководителям кружка или студии), родители сегодня привлекаются к решению стратегических задач. Подобные отношения особенно успешно развиваются в учреждениях, предоставляющих платные услуги.

«Поскольку мы пользуемся услугами частных студий раннего развития, могу отметить главную особенность: родители ожидают более внимательного

отношения к своим детям со стороны педагогов и воспитателей по сравнению с государственными образовательными учреждениями, но и сами студии тоже ожидают от родителей максимального участия» (ж., 28 лет, мать).

В платных организациях родители четко артикулируют свои ожидания в отношении качества услуг:

«Дружелюбное отношение к ребенку и индивидуальный подход, терпимость и заинтересованность в успехах ребенка, понимание его индивидуальных особенностей, контакт с родителями и их включение в творческий процесс, профессионализм и ориентация на достижение положительных результатов» (ж., 25 лет, мать).

В данном случае родители как основные спонсоры могут влиять и на программу, и на график, и на интенсивность занятий и т. д. По данным исследования, в сфере «влияния» родительских комитетов может попасть выбор подарков и поощрительных призов как для участников коллективов, так и для руководителей студий, проведение совместных праздников, поиск площадок для выступления/выставок для демонстрации творческих работ, выбор удобного времени для занятий.

С другой стороны, экспертное мнение специалистов — руководителей секций, студий и творческих коллективов — четко ограничивает сферу влияния родителей, не позволяя им вмешиваться в процессы, касающиеся экспертного знания:

«У меня с родителями прекрасные отношения – я откликаюсь на любую просьбу и предложение, но есть, конечно, вещи, которые я решаю только сама: кого выби-

рать солистом, как строить концертную программу, какие выбрать костюмы, как учить детей, здесь я – профессионал, и если ты хочешь заниматься в коллективе, приходится с этим считаться» (ж., 34 года, руководитель детского коллектива).

Учреждения культуры, работающие на коммерческой основе, вынуждены развивать маркетинговые стратегии для привлечения потребителей своих услуг — например, создавать группы досуга для родителей параллельно с работой кружков для детей. Родителям предоставляется возможность посещать занятия фитнесом, живописью, английским языком:

«Мы им [мамам] предложили на выбор организовать группы по интересам, думали, не получится, а они – с удовольствием. Теперь, пока дети пляшут и рисуют, их мамы тоже у нас занимаются» (ж., 43 года, администратор Центра детского творчества).

Услугу по организации таких занятий их участницы оценивают высоко:

«Это очень удобно – время пролетает, я всегда мечтала научиться рисовать, в детстве не имела возможности – а здесь мы и учимся и общаемся. Конечно, приходится платить – а что сейчас бесплатно?» (ж., 34 года, мать, участница взрослой изобразительной студии).

Большее половины наших информантов проявили интерес к возможности «параллельного» занятия творчеством детей и взрослых. Из самых популярных видов деятельности были отмечены английский язык, «фитнес или какие-нибудь танцы», рисование, йога. Иная ситуация в учреждениях культуры, предостав-

ляющих бесплатные услуги, которые родители условно называют «государственными» и где, «как в советское время, всё по стандартам».

«Может быть, частные преподаватели (например, по музыке) и могут менять свои стратегии преподавания под нажимом родителей, а государственные – нет: там своя утвержденная программа, которой необходимо следовать» (м., 35 лет, отец).

Таким образом, рыночные отношения в сфере культуры приводят к тому, что потребитель услуг – в данном случае родитель – оказывает влияние на разнообразие и «наполнение» этих услуг, особенно если они платные. Вместо доминирования патерналистских отношений (не допускающих выбора и оспаривания набора предоставляемых форм и услуг дополнительного образования) возникает необходимость ориентироваться на интересы клиента. При этом учреждения культуры оставляют за собой функцию экс-

пертного знания, что, в свою очередь, позволяет им оказывать воздействие на формирование стратегий и построение отношений внутри родительской группы.

Описанные выше примеры активно действующих родительских объединений представляют собой простейшие формы самоорганизации граждан. Анализ подобных инициативных движений помогает понять специфику развития гражданского общества в России. Наряду с ростом гражданского участия (элементом которого выступают родительские объединения), особое значение приобретает государственная поддержка социально значимых программ, предоставление субсидий для реализации проектов в области культуры и искусства, расширяющих спектр культурных услуг для детей. Для успешной реализации «проекта будущего» необходимы не только ресурсы гражданского общества, но и заинтересованность государства, а также соблюдение принципов межсекторного взаимодействия и социального партнерства. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ Согласно методике проведения открытой групповой дискуссии Алексея Левинсона. См.: *Левинсон А.Г.* Открытые групповые дискуссии как метод прикладных социологических исследований // Вестник общественного мнения. 2007. № 6 (см. электронную версию: <http://www.polit.ru/research/2008/02/20/ogd.html>).

² Интервью проводились автором в Саратовской области в сентябре–декабре 2009 года. Было опрошено 15 родителей, дети которых занимаются в кружках и студиях учреждений сферы культуры; 10 руководителей, среди которых 5 руководителей танцевальных студий различных направлений, 3 руководителя студий

изобразительного и прикладного творчества, работающие в городских центрах культуры (ГЦК) (получающие бюджетное финансирование), 2 руководителя групп центров развития детского творчества (работающие как автономные организации на полной самоокупаемости и оказывающие только платные услуги).

³ *Гурко Т.А.* Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97.

⁴ *Крячко А.А.* Стратегии развития культуры родительства на пороге третьего тысячелетия: поиск оптимального подхода (http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36653.php)

СНВ-2: последует ли продолжение?

Соединенные Штаты и Россия обременены огромным количеством ядерных боеголовок, и это совершенно не соответствует духу времени, в котором мы живем

Дэвид Хоффман

В разгар встречи на высшем уровне в Рейкьявике в 1986 году советский лидер Михаил Горбачёв и американский президент Роналд Рейган почти совершили невозможное. После двух дней упражнений в риторике Рейган внезапно выступил с радикальным предложением — ничего подобного он еще никогда не заявлял. Этот невероятный для истории холодной войны эпизод возник спонтанно — без уведомления, без предварительной подготовки, без брифингов и межведомственных дискуссий, без пресс-конференций и речей — в маленькой комнате с видом на залив.

Обсуждался договор о полной ликвидации ядерного оружия в течение двух последующих пятилетий.

Рейган: «Я хочу спросить: имеем ли мы в виду, — а я считаю, что это было бы очень хорошо, — что к исходу двух пятилетних периодов будут ликвидированы все ядерные взрывные устройства, включая бомбы, средства поля боя, крылатые ракеты, вооружения подводных лодок, средства промежуточной дальности и т. д.»

КНИГА ДЭВИДА ХОФФМАНА "THE DEAD HAND: THE UNTOLD STORY OF THE COLD WAR ARMS RACE AND ITS DANGEROUS LEGACY", МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОТОРОЙ ИСПОЛЬЗОВАНЫ АВТОРОМ ПРИ НАПИСАНИИ ДАННОЙ СТАТЬИ, ВЫШЛА В 2009 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ DOUBLEDAY. В 2010-м ОНА БЫЛА УДОСТОЕНА ПУЛИЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «CORPUS», ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ЧАСТЬЮ ИЗДАТЕЛЬСКОГО КОНЦЕРНА «АСТ», ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПЕРЕВОД КНИГИ ХОФФМАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК. ДЭВИД ХОФФМАН ИЗВЕСТЕН РОССИЙСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ ПО КНИГЕ «ОЛИГАРХИ. БОГАТСТВО И ВЛАСТЬ В НОВОЙ РОССИИ» (М.: КОЛИБРИ, 2007); СМ. РЕЦЕНЗИЮ В PRO ET CONTRA (2003. Т. 8. № 2. С. 233–238)

Горбачёв: «Мы можем так и сказать, перечислить все эти вооружения».

Госсекретарь Джордж Шульц: «Давайте так и сделаем»¹.

Предложение Рейгана на тот момент было по любым меркам самой конкретной и наиболее далеко идущей инициативой по разоружению, которую когда-либо официально выдвигали президенты США на саммитах сверхдержав. Если раньше Рейган говорил о ликвидации только баллистических ракет или же обозначал обсуждаемую тематику туманно и без всяких подробностей, то теперь он отбросил все сомнения и четко изложил план полного ядерного разоружения. На вершине политической карьеры Рейган обнажил сокровенную суть своих убеждений.

Однако Рейган и Горбачёв не зафиксировали свое согласие на бумаге и не подписали договор. Они увязли в спорах о противоракетной обороне. Тем самым был упущен редкий случай совершить прорыв в ядерном разоружении.

Сегодня человечество получило похожую возможность подвести черту под холодной войной. Сейчас в мире имеется 23 тыс. единиц ядерного оружия, и 95 проц. этого арсенала приходится на США и Россию. Лидеры обеих стран имеют, быть может, наилучшие шансы в этом поколении оправдать надежды Рейкьявика.

Этот момент особенно благоприятен для США. В нынешнем году Обама может реаль-

но изменить ситуацию в лучшую сторону, если он того захочет. Но без его направляющей руки возобновившиеся переговоры об уменьшении ядерной угрозы останутся простым сотрясением воздуха.

Обама недавно подписал договор о сокращении стратегических вооружений (СНВ-2), который должен теперь пройти процедуру ратификации в сенате. При этом успех не гарантирован: президент должен заручиться голосами 67 сенаторов, включая нескольких республиканцев. Это больше, чем потребовалось для принятия закона о реформе здравоохранения. Почти одновременно с этим Обама обнародовал новую ядерную доктрину США (*Nuclear Posture Review*) — предыдущая была разработана в 2001 году. В этой новой доктрине предусмотрено уменьшение роли ядерного оружия в американской глобальной стратегии. Кроме того, американский президент провел в Вашингтоне саммит по безопасности ядерных материалов, в ходе которого он сумел добиться устного обязательства лидеров 47 стран предпринять в течение последующих четырех лет дополнительные усилия для обеспечения безопасного хранения ядерных материалов. Скоро также будет принята новая попытка ратифицировать в конгрессе Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. И наконец, в мае этого года в Нью-Йорке собрались участники очередной Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. И это далеко не всё. Есть еще проблемы нераспространения ядерного оружия и угроз безопасности, исходящих от Ирана, Северной Кореи, Южной Азии и т. д.

Достигнута та черта, когда необходимо от возвышенных слов, произнесенных Обамой в ходе предвыборной кампании и в его прошлогодней речи в Праге, перейти к конкретным действиям.

Все эти годы после окончания холодной войны мы блуждаем в так и не рассеявшемся с тех пор густом тумане и не можем отрешиться от прежних представлений, будто когда-нибудь эти ядерные боеголовки могут пригодиться, а потому желательно их сохранить до лучших времен. Налицо инерция, то есть соблазн оставить всё как есть, а если что-то и менять, то лишь по мелочам.

Между тем реальность такова, что Соединенные Штаты и Россия обременены огромным количеством ядерных боеголовок, и это совершенно не соответствует духу времени, в котором мы живем. Современные угрозы гораздо более размыты и менее определены; они имеют региональный характер и отличаются большей асимметричностью по сравнению с временами холодной войны. Ядерное оружие не помешало Осаме бен Ладену совершить нападение 11 сентября 2001-го, а чеченцам захватить в заложники зрителей в театре на Дубровке. Оно не было применено и в конфликте России с Грузией. С каждым годом ядерное оружие становится все более бесполезным с военной точки зрения и уже не служит задаче сдерживания. При этом оно дорого стоит и представляет опасность само по себе.

Бернард Броуди, один из первых разработчиков доктрины ядерного сдерживания, писал, что ядерное оружие — это «поистине грандиозного масштаба силы, переданные в распоряжение военных машин». Но сегодня холодная война позади. Пора уменьшить число этих «военных машин». Многие из них были созданы каждой из сторон очень давно. Американский бомбардировщик *B-52H* (который до сих пор находится на вооружении) совершил первый полет в 1961-м. Российская межконтинентальная баллистическая ракета *R-36*, известная по классификации НАТО как *SS-18*, находится на боевом дежурстве лет тридцать, а то и больше.

Россия сейчас — капиталистическое государство. Соединенные Штаты помогли ей

наладить работу фондовых рынков в Москве и потратили миллионы долларов, субсидируя демонтаж российского оружия времен холодной войны. РФ торгует акциями «Газпрома» на Уолл-стрит, а сеть бензозаправочных станций «Лукойла» обосновалась на Восточном побережье США. Так в чем же смысл ядерного сдерживания в этом контексте? Возможен единственный ответ: каждая сторона имеет ракеты, нацеленные на ракеты другой стороны. Так называемая концепция «контрсилы» (ракеты нацелены на ракеты) не более чем реликт прошлого. Если обе стороны одновременно сократят свои ядерные арсеналы, то тем самым они подорвут и рациональные основания для дальнейшего существования этих вооружений. Мы больше не враги — логика холодной войны выдохлась.

Вопреки распространенному в Вашингтоне мнению, будто контроль над гонимой вооружений уже неактуален, в этой области еще много предстоит сделать. Разумеется, договоры о контроле за вооружениями — это не единственный способ добиться большей безопасности в мире, однако такие юридически обязывающие соглашения помогут обеим сторонам разоружаться, не опасаясь обмана или подвоха.

Из речей Обамы явствует, что он прекрасно это понимает. Выступая в Праге, американский президент сказал: «Сегодня холодной войны уже нет, но осталось множество вооружений тех времен. Странный парадокс истории заключается в том, что угроза глобальной ядерной войны уменьшилась, в то время как риск ядерного нападения возрос». «Ядерное оружие появилось у большего числа стран, — говорил Обама. — Испытания продолжают. Процветает черный рынок атомных секретов и ядерных материалов. Технология создания атомной бомбы стала доступна многим. Террористы полны решимости купить, сделать самостоятельно или похитить ядерное оружие».

Обама обещал «искать пути к всеобщему миру и безопасности, к миру без ядерного оружия», но сделал важное добавление: «Я не наивен. Такой цели не достичь быстро, возможно, при моей жизни это не произойдет». Кроме того, президент США заявил о намерении заключить с Россией новый договор о стратегических вооружениях, который будет «юридически обязывающим и достаточно смелым».

Но окажутся ли результаты деятельности президента достаточно смелыми на самом деле, или его замыслы так и останутся просто словами? Ниже рассмотрены некоторые главные проблемы, которые требуют решения.

Снять ракеты с боевого дежурства

Во время президентской кампании Обама поддержал здравую идею о более безопасном мире. Чтобы достичь этой цели, необходимо снять с боевого дежурства межконтинентальные баллистические ракеты. В предвыборном заявлении по проблемам обороны говорится: «...мы должны отказаться от готовности к немедленному запуску ядерного оружия... В настоящее время нет необходимости сохранять сложившееся в годы холодной войны положение, которое повышает риск случайного или несанкционированного пуска ядерных ракет. Как президент, Обама будет совместно с Россией искать общую почву для значительного сокращения вооружений, находящихся в повышенной боевой готовности».

Ракеты на боевом дежурстве есть не только у Соединенных Штатов, имеются они и у России. Находясь в плену стереотипов эпохи сдерживания, обе стороны стоят лицом к лицу с взведенными курками. Самое разумное, что сейчас могли бы сделать США для более безопасного мира, — это договориться с Россией о процедуре, позволяющей задерживать боевой пуск ракет на взаимосо-

гласованное время, может быть, на часы или дни. Детали такой договоренности еще предстоит обсудить, но замысел состоит в том, чтобы исключить возможность поспешного, опрометчивого пуска ракет при получении ложного предупреждения или в случае какой-то иной ошибки.

Понятно, что военное руководство сопротивляется предлагаемым новшествам. Военные опасаются, что приведение в боеготовность ядерных сил непосредственно в ходе кризиса может вызвать панику. В прошлом году глава Стратегического командования США генерал ВВС Кевин Чилтон заявил, что снижение боеготовности — это излишне радикальный шаг. Он сказал, что имеющееся вооружение надежно защищено и находится «в кобуре», а снижение боеготовности подобно «разборке винтовки и хранению ее деталей в разных частях страны. И вдруг в момент кризиса мы принимаем решение о приведении винтовки в боевое состояние. Нам следует спросить себя: а достаточно ли у нас времени для доставки всех деталей и их сборки?».

И всё же, если мы хотим сделать мир безопаснее, наверное, лучше хранить пистолеты в разобранном виде, а не держать их наготове. Обама следует сказать военачальникам, что необходимо разработать вместе с Россией общую, двустороннюю, поддающуюся проверке систему снижения боеготовности, и тогда мы без большого риска сможем сыграть отбой. Если не эта, так пусть будет создана какая-нибудь другая система, чтобы, прежде чем нажать ядерную кнопку, обе стороны имели большой запас времени для спокойного, взвешенного решения.

Вывод тактического ядерного оружия из Европы

Вернемся в 1974-й. С 4 по 17 февраля того года сенатор от Джорджии, член сенатского комитета по делам вооруженных сил Сэм

Нанн был с визитом в Европе и обсуждал с представителями военного командования дела НАТО. В то время эта организация разместила в Европе 7 тыс. единиц ядерного оружия для отражения возможной атаки со стороны стран — членов Варшавского договора. На случай кризиса значительное число американских самолетов и ракет находилось в пятиминутной боевой готовности.

На американской базе тактического ядерного оружия в Германии, где в бункерах хранились боеголовки и снаряды, Нанну показали сравнительно компактные образцы военной техники, в том числе ядерные боеголовки, с которыми легко управлялись один или два человека. Военные заверили сенатора, что все это вооружение находится под надежной охраной. Когда Нанн покидал объект, сержант, которому он на прощание пожал руку, незаметно передал ему записку.

В ней говорилось: «Сенатор Нанн, прошу Вас встретиться со мной и моими товарищами в казарме после работы часов в шесть вечера. У меня для Вас есть очень важная информация».

Вечером Нанн и глава его канцелярии Фрэнк Салливен отправились в казарму. Позднее Нанн вспоминал: сержант и «трое или четверо его коллег рассказали мне ужасные вещи — о деморализованных вьетнамской войной военнослужащих, о наркомании, об алкоголизме, об американских солдатах, охраняющих ядерное оружие в состоянии наркотического опьянения. Разговор продолжался целый час». Сенатор сказал мне, что он был «совершенно потрясен». И на протяжении многих лет его мучила мысль об уязвимости тактического ядерного оружия.

Нанн увидел собственными глазами, как легко развязать ядерную войну в Европе, — фигурально выражаясь, достаточно зацепиться ногой за проволочную растяжку. В своем отчете сенату он писал: «Большая опасность заключается в том, что тактическое ядерное оружие

будет использовано в самом начале военных действий, а это может привести и даже скорее всего приведет к эскалации, к ядерной войне стратегического масштаба». Нанн вспоминает, что натовские военные говорили ему: ядерное оружие нужно пускать в ход «по необходимости как можно быстрее», но «по возможности как можно позже». И Нанн почувствовал, что, говоря так, они недостаточно акцентируют это «как можно позже»².

Перенесемся теперь на 15 лет вперед — в 1989 год. Во главе Советского Союза уже

Работая над своей книгой «Мертвая рука: Нерассказанная история гонки вооружений и опасное наследие холодной войны»³, я обнаружил некоторые служебные документы советской стороны, имеющие отношение к упомянутому предложению о выводе 500 единиц тактического ядерного оружия. Эти документы интересны тем, что они не были предназначены для широкой публики, на них стоит гриф «для служебного пользования». Из этих документов становится ясно, что опасения сенатора Нанна середины 1970-х

“Из документов «для служебного пользования» видно, что опасения сенатора Нанна середины 1970-х полностью разделяли советские руководители в конце 1980-х”.

четыре года стоял Горбачёв, а президент Джордж Буш-старший только что вступил в должность.

10 мая 1989-го новый американский государственный секретарь Джеймс Бейкер посетил Москву. Во время первой беседы Эдуард Шеварднадзе сообщил ему, что Горбачёв хочет ликвидировать целый класс тактического ядерного оружия в Европе, и посоветовал «не уклоняться» от этой темы.

На следующий день Горбачёв объявил, что Советский Союз в одностороннем порядке выводит из Восточной Европы 500 боеголовок, и пообещал вывести еще больше, если Соединенные Штаты предпримут аналогичные действия. Но Бейкер отверг это предложение, увидев в нем политический трюк.

Через несколько дней, 16 мая, пресс-секретарь Белого дома Марлин Фитццотер заявил на брифинге, что Горбачёв вбросил предложения о контроле над вооружениями эдаким «ковбойским наскоком» (то есть вел себя как человек, который дает невыполнимые обещания).

Однако критика в адрес Горбачёва в данном случае не совсем справедлива.

полностью разделяли советские руководители в конце 1980-х.

В этих файлах я нашел докладную записку, в которой утверждалось, что тактическое ядерное оружие в Европе опасно и бессмысленно. В ней суммировались мнения группы российских гражданских специалистов, экспертов в области контроля над вооружениями. Они были убеждены, что «тактическое ядерное оружие наземного базирования малого радиуса действия является для всех стран самым “неудобным” и опасным в арсенале сдерживания».

В этих бумагах также отмечалось, что ракеты малой дальности предназначены для стрельбы в глубину территории наступающего противника и поэтому их приходится размещать вблизи линии фронта. По этой причине они уязвимы, и противной стороне нетрудно, используя танки, за 40–50 минут приблизиться к ним и уничтожить.

Тем самым в случае конфликта командующий театра военных действий оказывается перед поистине ужасающим выбором: либо поскорее запустить ядерную ракету, то есть «быстренько начать ядерную войну», либо

«сдать секретную ядерную установку противнику», либо «уничтожить ее на месте, рассеяв ядерный заряд на собственной территории».

В этой служебной записке подчеркивалось, что советские руководители понимают бесполезность ракет в военном отношении. Авторы документа считали, что «ракетно-ядерное оружие ближнего боя наиболее опасно своей непосредственной близостью к той плохо управляемой динамике событий, которая обычно возникает на местах военных действий. Оно недопустимо понижает ядерный порог, к тому же опасно своей уязвимостью со стороны террористов»⁴.

Именно к такому выводу пришел и Нанн в 1974 году.

Осенью 1991-го после неудавшейся попытки путча в Москве и до распада Советского Союза как Буш, так и Горбачёв по своей инициативе вывели большое количество тактического оружия передового развертывания. Эти предложения известны как Президентские ядерные инициативы. В то время эти акции произвели большое впечатление. Однако историк холодной войны Рей Гартхофф назвал их «гонкой разоружений, несущейся под откос» (*an arms race in reverse and downhill*), ибо не было ни соответствующих соглашений, ни процедуры проверки.

Кроме того, тактическое ядерное оружие стало поспешно вывозиться из бывших советских республик в Россию. Железнодорожные вагоны, в которых его транспортировали, были весьма ненадежны. В них использовалась легковоспламеняющаяся теплоизоляция, которая могла в любой момент загореться. Бомбы перевозились на платформах, которые с легкостью отцеплялись от состава. Железнодорожные вагоны не были конструктивно усилены и поэтому не обеспечивали серьезную защиту. Транспортировка боеголовок осуществлялась в самых обыкновенных товарных ваго-

нах, несколько модернизированных, но оснащенных примитивными средствами связи. С санкции Москвы Соединенные Штаты отправили один российский вагон (без колесных пар), в котором перевозилось ядерное оружие, по морю из Санкт-Петербурга в Хьюстон, а оттуда сухопутным путем в Национальную лабораторию Сандия (штат Нью-Мексико). Там специалисты модернизировали его, сделав более безопасным, и вернули в Россию. К тому же в России не хватало достаточно надежных хранилищ для ракет и ядерных боеголовок. Российские официальные лица в конце 1991 года обратились к США с просьбой предоставить финансовую помощь для расширения соответствующих складских мощностей.

К концу холодной войны США держали в Европе примерно 2,5 тыс. таких боеголовок. За последние 18 лет их число уменьшилось. В настоящее время в Европе находится около 200 единиц тактического ядерного оружия НАТО, которые представляют собой авиабомбы. У России имеется приблизительно 2 тыс. единиц тактического ядерного оружия, большая часть которых хранится на централизованных складах, но несколько сотен боеголовок размещено в западных районах страны.

То, что сенатор Нанн понял в 1974-м и о чем Горбачёв заговорил в 1989-м, нам предстоит в полной мере осознать в 2010 году. С точки зрения оперативной и функциональной это оружие не имеет никакого значения. Оно не преследует никаких военных задач и сохраняется по чисто политическим причинам. Поэтому обе стороны должны проявить политическую волю, чтобы его ликвидировать.

Наследие и заветы Рейкьявика: меньше стратегического оружия!

15 января 1986-го Горбачёв обнародовал трехэтапный план ликвидации всего ядерного оружия к 2000 году. Хотя план был

довольно туманный, с отчетливым пропагандистским уклоном, он сразу же привлек внимание Рейгана. В тот день, в 2 часа дня, когда госсекретарь Шульц вошел в Овальный кабинет и проинформировал президента о предложении Горбачёва, он понял, что Рейгану понравилось то, что он услышал. Рейган повернулся к Шульцу и сказал: «Зачем ждать конца столетия, чтобы избавить мир от ядерного оружия?»⁵.

Пройдет еще несколько месяцев, и Горбачёв будет глубоко потрясен чернобыльской катастрофой. В телевизионном обра-

1986), которое было опубликовано спустя годы, Горбачёв просил дипломатов предпринять максимум усилий и остановить гонку вооружений.

Все лето 1986-го Горбачёв обдумывал радикальные предложения Рейгану о еще более значительном сокращении стратегических ядерных арсеналов. Когда он ушел в отпуск, его сопровождал Анатолий Черняев, советник по национальной безопасности, своего рода штаб в лице одного человека. Горбачёв потребовал от Министерства иностранных дел подготовить наброски идей и предло-

“В отличие от предыдущих встреч в Рейкьявике не было заранее оговоренной повестки дня. Американцы плохо представляли себе, что планирует Горбачёв”.

нии 15 мая 1986 года он сказал: Чернобыль показал, «какая пропасть развернется, если на человечество обрушится ядерная война. В накопленных ядерных арсеналах заложены катастрофы намного более ужасные, чем чернобыльская». В то время некоторым слова Горбачёва показались неискренними, пропагандой, отвлекающей внимание от только что произошедшей трагедии, неуклюжей попыткой оправдаться.

Но в этом случае, как и с предложением от 15 января 1986-го о ликвидации ядерного оружия, пропаганда отражала то, во что Горбачёв действительно верил. Он вполне мог задать себе вопрос: если в Чернобыле не было исправных дозиметров, если у солдат не было необходимых защитных костюмов, если противоречивые инструкции вводили в заблуждение операторов АЭС, что же будет твориться в большом городе, по которому нанесен ядерный удар? 5 мая того же года на заседании Политбюро Горбачёв сказал: внезапно «мы поняли, что такое ядерная война». В засекреченном выступлении в Министерстве иностранных дел (28 мая

жений для встречи с Рейганом. Но в присланном из Москвы документе содержалось лишь повторение тех предложений, которые уже длительное время обсуждались на переговорах по контролю над вооружениями в Женеве. Горбачёв бросил документ на стол.

«Ну что?» — спросил он Черняева.

«Не то, Михаил Сергеевич», — ответил Черняев.

«Да просто дерьмо», — уточнил Горбачёв⁶.

Горбачёв попросил Черняева составить письмо Рейгану с предложением провести в ближайшее время, может быть в сентябре или октябре, саммит в Рейкьявике, столице Исландии. Удивленный Черняев спросил, почему в Рейкьявике. Горбачёв ответил: «На полпути от нас и от них, и не обидно другим великим державам»⁷. Рейган согласился на Исландию. В письме предлагалось устроить непродолжительную встречу один на один, предположительно однодневную, предусматривающую строго конфиденциальные неофициальные и откровенные беседы (возможно, с участием министров иностранных дел).

Горбачёв сказал, что на встрече не будут обсуждаться детали, но должно быть подготовлено несколько тем, по которым позднее на саммите они подпишут договор. Рейган записал в дневнике: «Это было бы подготовкой к саммиту». Однако Горбачёв вынашивал более амбициозные планы. Он замыслил грандиозную инициативу и хотел продвигаться быстро и очень далеко.

В частных беседах и записках Горбачёв и Черняев разрабатывали проект резкого поворота в гонке вооружений. Черняев писал, что в центре внимания на саммите должны быть «крупные, политически масштабные предложения»⁸. В начале октября Горбачёв получил от Сергея Ахромеева, начальника Генерального штаба, документ по саммиту, а также другие бумаги, в которых содержались директивы, которым должен был следовать генсек. Но Горбачёв отверг эти директивы — он хотел действовать смелее. Черняев изложил свои предложения, учитывающие намерения Горбачёва. «Главная задача Рейкьявика, как я понял Вас на юге, — написал он, — в том, чтобы ошеломить Рейгана смелостью или даже “рискованностью” подхода к главной проблеме мировой политики»⁹.

Черняев убедил Горбачёва сделать основной акцент на стратегических вооружениях (ракеты, бомбардировщики и подводные лодки) и добиваться их пятидесятипроцентного сокращения. Горбачёв согласился, что необходимы радикальные перемены, но не хотел заниматься арифметикой. Он сказал: «Наша главная цель сейчас — сорвать новый очередной этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем, опасность для нас увеличится. А не отступив по каким-то конкретным, пусть очень важным вопросам, от того, во что уперлись давно, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную для нас гонку вооружений. Мы проиграем, потому что сейчас для нас эта гонка уже на пределе возможностей»¹⁰.

Рейган, в противоположность Горбачёву, к встрече в Рейкьявике специально не готовился. В отличие от предыдущих встреч на высшем уровне, здесь не было заранее оговоренной повестки дня. Американцы плохо представляли себе, что планирует Горбачёв. Специалист по Советскому Союзу из Госдепартамента написал двухстраничную докладную записку, которая начиналась словами: «Мы отправляемся в Рейкьявик, имея минимум информации о том, как Горбачёв намеревается использовать эту встречу».

Тем временем в Москве 4 октября Горбачёв давал четкие, прямые указания помощникам, готовившим материалы к саммиту, и его амбиции были очень велики. Он говорил, что его предложения Рейгану — это «крупный прорыв», и первым в этом списке стояло: «дать импульс процессу ликвидации ядерного оружия»¹¹. В первую очередь Горбачёв хотел остановить гонку ракетных вооружений в Европе, избавиться от угрозы скоростных ракет «Першинг-2». Он говорил: «Мы хотим полного удаления этого оружия из Европы, потому что “Першинги-2” — это пистолет у нашего виска». Горбачёв неоднократно повторял слова «ликвидация ядерного оружия»¹².

Он также сообщил своим помощникам, что у него есть стратегия, что он будет добиваться громких результатов и что если Рейган не пройдет свою половину пути, то об этом будет рассказано всему миру. Если ничего не получится, тогда мы сможем всем сказать: «Вот, смотрите, что мы готовы сделать!»

Когда саммит закончился и главная цель — радикальное сокращение вооружений — не была достигнута, Горбачёв заколебался. Его предложения вовсе не ошеломили Рейгана, как он надеялся. Тем не менее встреча на высшем уровне принесла заметные результаты в нескольких отношениях. Уже в следующем году Рейган и Горбачёв ликвидировали все

евроракеты. Однако Рейган покинул Белый дом, так и не заключив договор о радикальном сокращении стратегических вооружений. Его в 1991 году, незадолго до распада СССР, подписали Горбачёв и Джордж Буш-старший. Речь идет о договоре СНВ-1.

Срок действия этого договора истек в декабре прошлого года. И вот теперь двумя президентами — Бараком Обамой и Дмитрием Медведевым — подписан новый договор, пришедший на смену старому. Но он представляет собой лишь небольшой шаг вперед. Сокращение числа ядерных боеголовок и наличие внятной процедуры контроля — разумеется, лучше, чем отсутствие какой бы то ни было договоренности. Оба государства согласились сократить число ядерных боеголовок до 1550 с каждой стороны к 2017 году, а количество пусковых установок уменьшить до 800, в том числе развернутых — до 700. При этом некоторые проверки с выездом инспекторов на места были из договора исключены.

Спрашивается, достаточно ли решительные меры предусматривает этот договор? Почему было не перейти от тысяч боеголовок к сотням? Неужели наша безопасность пострадает, если с каждой стороны будет не 1500, а 600 ядерных боеголовок? Недавно аналитический центр Военно-воздушных сил США сделал вывод, что для решения сегодняшних задач сдерживания Соединенным Штатам достаточно иметь 311 ядерных боеголовок.

Новый договор о стратегических вооружениях не распространяется на американские боеголовки, которые находятся в резерве (то есть на складах) и, таким образом, не считаются оперативно-развернутыми. Эти боеголовки остаются за рамками договора, и это нехорошо.

Оптимисты утверждают, что все подобные вопросы (о боеголовках в резерве, о тактическом оружии и о сокращении стратегических

вооружений) будут учтены в следующий раз, в следующем договоре о стратегических вооружениях. Но наступит ли этот «следующий раз» для России и США?

Это уже вопрос к Медведеву и премьер-министру Путину, которые, как кажется, не очень склонны идти на дальнейшие уступки Соединенным Штатам в области разоружения, — например, в том, что касается тактического ядерного оружия, — пока не урегулированы разногласия по проблеме ПРО. К тому же российские руководители весьма настороженно относятся к намерению НАТО расширяться вплоть до западных границ РФ.

Обнародованная Обамой новая Ядерная доктрина США не отличается принципиально от предыдущих по общей тональности, но содержит некоторые важные акценты, которых не было раньше. Американский президент заявил, что Соединенные Штаты не будут применять ядерное оружие против неядерных государств, которые являются участниками Договора о нераспространении и выполняют предусмотренные в нем обязательства. Он сказал, что США воздержатся от применения ядерного оружия, даже если на них будет совершено биологическое или химическое нападение, но при этом добавил, что в случае начала бактериологической войны он оставляет за собой право изменить этот пункт доктрины. Новая ядерная доктрина не вносит больших изменений и в структуру триады — американских ядерных сил наземного, морского и воздушного базирования. Обама также решил не менять уровень боевой готовности американских ракет: межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования должны быть готовы к запуску в пределах четырех, а ракеты морского базирования — двенадцати минут. Между тем, как уже было упомянуто выше, во время своей предвыборной кампании Обама обещал вывести американское

ядерное оружие из состояния повышенной боевой готовности.

На саммите по безопасности ядерных материалов в Вашингтоне Обама приветствовал любые признаки прогресса в этой области. Так, Чили отказалась от последних запасов высокообогащенного урана. То же самое обещает сделать Украина. Россия объявила о закрытии в Железногорске последнего в стране реактора, вырабатывающего оружейный плутоний, и подписала с Соединенными Штатами протокол, который должен разрешить давнишние разногласия, связанные с утилизацией 68 тонн избыточного оружейного плутония (по 34 тонны с каждой стороны). Однако итоговое совместное коммюнике участников конференции, призывающее активизировать деятельность по безопасному хранению ядерных материалов, получилось расплывчатым. Следующий саммит, одной из целей которого будет оценка достигнутого в этой области прогресса, состоится через два года. Суммируя, можно сказать, что Обама поставил проблему ядерной безопасности на риторическом уровне, но теперь требуются практические результаты, а не только речи и обещания.

Чтобы перейти от слов к делу, Обама следует по-новому выстроить политическую

аргументацию внутри США с целью провести через конгресс Договор о сокращении стратегических вооружениях и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который был отвергнут законодателями в 1990-е годы. Вопрос в том, станет ли президент в год выборов¹³ тратить на достижение этих целей свой политический капитал? Недавно вице-президент США Байден обратился к обеим партиям с призывом найти консенсус, обещая значительно увеличить бюджетные ассигнования в ядерный комплекс и одновременно поклявшись ратифицировать оба этих договора. Однако республиканцы предупредили, что встретят договоры в штыки, если обнаружат в них изъяны, а демократическое большинство в сенате не столь велико, чтобы гарантировать успех ратификации.

Обама сформулировал амбициозную повестку дня, имеющую целью оставить наследие холодной войны в прошлом. Но ему придется выйти за рамки статус-кво или чуть-чуть изменившегося статус-кво. В противном случае его действия когда-нибудь будут оценивать так же, как мы сейчас оцениваем результаты встреч Горбачёва и Рейгана в Рейкьявике, и неизбежно зададут вопрос: почему же не было сделано больше? ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Из архива Горбачёва: Беседы М.С. Горбачёва с Р. Рейганом в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г.: Четвертая беседа (днем 12 октября 1986 г.) // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 8. С. 75. Мы располагаем двумя разными записями переговоров на саммите в Рейкьявике. Хотя они и расходятся в ряде деталей, но в целом одинаково передают общий смысл сказанного. Записи с американской стороны представляют собой краткое изложение переговоров, содержание которых было рассекречено Госдепом. См.: *The National*

*Security Archive, Electronic Briefing Book No. 203. Записи с советской стороны, более подробные и являющиеся расшифровкой стенограммы, были опубликованы в четырех номерах (№ 4, 5, 7, 8) журнала «Мировая экономика и международные отношения» за 1993 год и переведены на английский язык американской «Информационной службой зарубежного вещания» (*Foreign Broadcast Information Service*).*

² Воспоминания Сэма Нанна содержатся в интервью, взятом автором этой статьи у сенатора 10 марта 2005 года.

³ См.: *Hoffman D. E. The Dead Hand: The Untold Story of the Cold War Arms Race and its Dangerous Legacy.* Doubleday, 2009.

⁴ Докладная записка (Katayev Documents) хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

⁵ *Shultz G. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State.* N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1993. P. 700.

⁶ *Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым: По днев-*

никовым записям. М.: Прогресс. С. 105.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 112.

¹¹ Там же. С. 118.

¹² Там же. С. 112.

¹³ В ноябре 2010 года в США пройдут выборы в палату представителей и на одну треть будет обновлен состав сената.

Властелины рынка

Начиная с конца 1990-х годов Россия все более активно полагается «исключительно на экономические средства» достижения своих внешнеполитических целей

Антон Олейник.....

За исключением случаев национализации или экспроприации частной собственности, бизнес и государство не связаны каким-либо «контрактом о найме». Если государство не нанимает бизнес подобно тому, как бизнес — работника, способны ли представители такого государства преследовать собственные интересы посредством регулирования рыночных транзакций, одновременно избегая как явного изменения структуры собственности, так и связанной с этим ответственности?

Как закалялась рыночная власть

Интуиция подсказывает, что вместо выплаты фиксированной зарплаты государство может создать такие условия, при которых получение прибыли бизнесом будет обусловлено признанием приоритета государства в решении даже тех вопросов, которые обычно находятся в компетенции бизнеса. Это происходит, когда государство исполняет роль «охранника на входе», допускающего на рынок только тот бизнес, который признаёт приоритет государства в принятии ключевых решений¹. Ограничение конкуренции способствует увеличению прибыли, которую захватывает бизнес, входящий в число «избранных». В отличие от фиксиро-

ванной оплаты, лежащей в основе контракта о найме, данная схема вознаграждения не предполагает никаких гарантий со стороны «нанимателя», то есть государства. Более того, бизнес вообще не получает вознаграждения напрямую от государства. Государство вознаграждает послушный бизнес, наделяя его правом на получение прибыли и способствуя увеличению его экономической власти. В ответ же бизнес, принадлежащий к кругу «избранных», всеми доступными средствами способствует укреплению политической власти государства².

Аналогичные процессы характерны также для международных экономических и политических отношений. После долгих лет использования в борьбе за статус мировой державы преимущественно военных средств Россия начиная с конца 1990-х годов все более активно полагается «исключительно на экономические средства» достижения своих внешнеполитических целей. Ее современная внешняя политика включает в себя элементы господства, основанного на меркантилизме, который предполагает превращение существующих перекосов в структурах международного рынка в ресурс для укрепления власти. Проводя такую политику, государство «стремится к господству на мировых рынках за счет контроля ресурсной базы и периодически используя дипломатические санкции... иногда даже силу, но воздерживаясь от ведения войны и территориальной экспансии»³.

ДАННАЯ СТАТЬЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СОКРАЩЕННЫЙ И АДАПТИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ «ПРЕДИСЛОВИЯ» К КНИГЕ «ВЛАСТЬ И РЫНОК», КОТОРАЯ ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ В 2010 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «РОССПЭН»

Мировому рынку энергоносителей, прежде всего нефти и природного газа, свойственна структура, далекая от идеала совершенной

Таблица 1

КОЭФФИЦИЕНТЫ ОБЩЕЙ ЗАВИСИМОСТИ* СТРАН — ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ОТ ПОСТАВОК ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ (СЫРАЯ НЕФТЬ, ПРИРОДНЫЙ ГАЗ И УГОЛЬ) ИЗ РОССИИ		
	2004 г.	2006 г.
Австрия	21,351	22,312
Бельгия	16,75	18,295
Болгария	37,504	38,705
Великобритания	2,7	6,3432
Венгрия	48,699	51,089
Германия	21,525	23,024
Голландия	11,3	13,971
Греция	23,678	23,634
Дания	5,67	5,635
Ирландия	0	0
Испания	9,235	10,968
Италия	22,336	17,145
Латвия	67,701	37,28**
Литва	47,168	64,191
Польша	27	30,361
Португалия	3,7905	0,0536
Румыния	22,28	19,611
Словакия	53,702	52,56
Словения	7,2882	6,4752**
Финляндия	40,882	36,896
Франция	8,0252	10,614
Чехия	24,653	26,124
Швеция	8,2876	11,269
Эстония	13	15,55**
EU-27	17,187	18,716

* Коэффициент общей зависимости равен сумме произведений доли данного носителя энергии в общем энергетическом балансе, доли импорта данного носителя энергии в общем потреблении и доли поставок из России в общем объеме импорта.

** Данные о сырой нефти отсутствуют.

Источники: European Commission. An EU Security and Solidarity Action Plan. Commission Staff Working Document SEC (2008) 2871; European Commission. EU Energy Policy Data. Commission Staff Working Document SEC (2007) 12.

конкуренции. На этом рынке предложение контролируют несколько ключевых игроков, в первую очередь Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и Россия. По состоянию на вторую половину 2009-го под контролем ОПЕК находилось примерно треть совокупного предложения сырой нефти, под контролем России — более десятой части. Начиная с 1980-х годов Россия и Саудовская Аравия являются двумя крупнейшими производителями сырой нефти в мире ⁴.

Страны Европейского союза в возрастающей мере зависят от поступления энергоносителей из России. В 2006-м поставки из России обеспечили примерно одну пятую всего энергопотребления ЕС (в расчет принимались все источники энергии, включая атомную). Это означает полуторапроцентный прирост только за два года, если сравнивать с 2004-м (см. табл. 1).

Доказанные запасы нефти и газа создают предпосылки для еще большего укрепления позиций России как ключевого игрока на мировом рынке энергоносителей, имеющего характер олигополии. Пусть доля России в доказанных мировых запасах нефти не очень велика — она составляет примерно 5 проц., но в доказанных мировых запасах природного газа ей принадлежит 27 проц., что делает ее абсолютным лидером среди потенциальных поставщиков энергоносителей в будущем ⁵. Несмотря на конкуренцию ряда других сильных игроков, Россия обладает способностью контролировать доступ к этому рынку благодаря значительным инвестициям в транспортную инфраструктуру, прежде всего — в нефте- и газопроводы, доставляющие энергоносители конечному потребителю. После того как конечный потребитель оказывается подключен к трубе, смена поставщика становится для него весьма дорогим занятием. К тому же число альтернативных поставщиков тоже ограничено ввиду существующей олигополии.

В аналитической философии четко различаются два компонента власти — стратегический и структурный. Структурный компонент отражает перекосы, существующие в рыночных структурах, тогда как стратегический — целенаправленную деятельность держателей власти по воспроизведению и усилению этих перекосов. «Везение... позволяет некоторым получить желаемое, не прилагая особых усилий»⁶. Власть вместе с тем требует постоянных усилий, направленных на извлечение максимума из складывающейся ситуации и на упрочение благоприятных условий с прицелом на будущее.

Такой подход означает, что, во-первых, существуют перекосы в рыночных структурах, какими бы незначительными изначально они ни были; во-вторых, обладающие властью лица осознают связанные с этими структурными перекосами возможности и, в-третьих, своими действиями они способствуют расширенному воспроизводству перекосов. В начале рыночных реформ не было недостатка в структурных перекосах, унаследованных от плановой экономики: дисбаланс между объемом выпуска средств производства (так называемой группой «А») и предметов потребления (группа «Б»); дисбалансы между различными отраслями промышленности, между легальным и теневым секторами экономики, на рынке энергоносителей и т. д. К концу 1990-х держатели власти осознали потенциал дальнейшего укрепления своей власти, содержащийся в указанных дисбалансах. А в период с 1999 по 2008 год они перешли к практическим действиям по использованию имеющихся возможностей и созданию новых.

Сказанное позволяет предположить, что властечетричное общество — а российское является именно таковым⁷ — не смогло бы пережить постсоветские реформы и ряд глубоких политических и экономических кризисов без целенаправленных действий со

стороны власть имущих по сохранению его зависимости от власти. Иногда им просто везло, однако по мере того, как Советский Союз уходил все дальше в прошлое, они приобретали все большую власть. Что это за люди и какое место в институциональной структуре они занимают? Согласно Чарльзу Райту Миллсу, данный вопрос можно переформулировать следующим образом: кто образует властвующую элиту России? «Властвующая элита состоит из людей, чьи позиции позволяют им выйти за рамки среды обычных мужчин и женщин; их позиции позволяют им принимать решения с далекоидущими последствиями»⁸.

Российская властвующая элита

Вряд ли имеет смысл искать на Западе аналоги российской властвующей элиты. Например, Миллс включает в американскую властвующую элиту середины XX века высших представителей государства, крупных корпораций и армии. Он был бы удивлен, узнав, что сорок лет спустя — в России 1990-х годов — в эту компанию попали и даже стали играть в ней ведущие роли участники организованной преступности. Чарльз Тилли, однако, был бы удивлен данным фактом значительно меньше, ибо он как раз подчеркивал сугубо относительный характер границы, отделяющей государство от организованной преступности, особенно на ранних этапах эволюции государства⁹.

Решения, исходившие из среды организованной преступности, имели в тот период «далекоидущие последствия», и понимание того, как российская институциональная система тогда работала, вряд ли возможно без четкого осознания этого момента¹⁰. Сказанное не означает, что Россия на какое-то время перестала быть властечетричным обществом, что вроде бы следует из частого использования в разговорах о 1990-х образных выражений «ревущие девяностые» или

«беспредел». Просто власть попала в руки членов криминальных групп, которые разделили ее с другими представителями властвующей элиты.

Постепенное исчезновение криминала из властвующей элиты, наблюдаемое с конца 1990-х годов, — одни его представители приобрели полностью легальный статус, другие маргинализировались, утратив бывшее влияние, а некоторых просто убили — не привело к утверждению западных стандартов. Ряд исследований показывает, что ни одна социальная группа в России не способна

женных элементов, а пирамиды с правителем на вершине, обществом в основании и государством посередине.

Результаты социологических опросов содержат многочисленные свидетельства того, что процесс дифференциации этих трех элементов действительно происходит. В частности, общество представляется четко отделенным от двух других элементов пирамиды и, более того, противопоставленным им. Контакты между обществом и теми, кто находится на верхушке пирамиды, минимальны даже в случае местных властей. Пилотный

“Постепенное исчезновение криминала из властвующей элиты, наблюдаемое с конца 1990-х годов, не привело к утверждению западных стандартов”.

сформулировать и реализовать программу развития и, следовательно, не может претендовать на место в элите. «Российская элита не только фактически не имеет программ развития, но и не обладает (по ее собственному признанию) способностью их выработать. В этих обстоятельствах можно говорить о кастрации элиты в сегодняшней России, об отсутствии в ней лидеров и даже самих представлений о лидерстве»¹¹. Быть может, элит в роли проводников прогресса и просвещения в России действительно нет, однако властечцентричное общество без властвующей элиты не смогло бы просуществовать и дня.

Процесс модернизации должен влечь за собой постепенное разъединение трех элементов институциональной среды, от которых напрямую зависит структура властных отношений, а именно правителя, государства и общества¹². Во властечцентричном обществе их полное разделение попросту невозможно ввиду того, что повседневные взаимодействия укоренены во власти. Если процесс дифференциации и происходит, то он приводит к появлению не трех равнополо-

опрос, проведенный фондом «Общественное мнение» (ФОМ) на репрезентативных выборках в четырех российских регионах в октябре 2003 года¹³, показывает, что большинство опрошенных на протяжении двух последних лет как сами не имели каких-либо контактов с представителями местных властей, так и не имеют родственников или знакомых, контактировавших с местными властями (таковых оказалось 60 проц. в Чувашии, 57 в Красноярском крае, 48 в Самарской области и 47 проц. в Саратовской области, N = 800 в каждом из регионов).

Повседневный дискурс указывает также на разрыв между элементами пирамиды на низшем уровне. Два собеседника¹⁴ независимо друг от друга сослались на Александра Розенбаума в контексте обсуждения отношений между властью и обществом: «В моем представлении вообще руководствоваться государственным интересом — это плохо. У Розенбаума вот есть строки: “Под Курском соловьи поют, // В Москве зады начальству лижут. // Я Родину свою люблю, // Я государство ненавижу”. Ну, видите, как он здоро-

во и метко сказал» (м., 41—50 лет, начальник отдела в региональной администрации). «Стихи такие есть, мне они очень понравились, однажды услышала. Это Розенбаум. “Я родину свою люблю, а государство ненавижу”. Обожаю эту фразу. Очень точно сказано, очень точно. В России, к сожалению, государство совершенно отделено от общества, на мой взгляд, совершенно отделено. Мне кажется, государство, которое сегодня представляет президент, правительство, там региональные какие-то власти, не все там поголовно, но они слишком далеки от общества, очень далеки» (ж., 31—40 лет, эксперт).

Естественным местом властвующей элиты является вершина пирамиды, что позволяет видеть в ней воплощение не просто власти, а верховной власти. На протяжении истории роль верховной власти исполнял целый ряд институтов: царский двор, собственная Его Императорского Величества канцелярия, Центральный Комитет КПСС, Администрация Президента.

Сложнее разобраться в отношениях между двумя элементами, расположенными в верхней части пирамиды, а именно верховной властью (правителем) и государством. Сводится ли роль государства к простому обслуживанию верховной власти, а у его представителей отсутствуют какие-либо притязания на власть? Или же, наоборот, их следует включить в состав властвующей элиты, ибо занимаемое ими место позволяет принимать решения, «имеющие далеко идущие последствия»? С одной стороны, Оксана Гаман-Голутвина¹⁵ и Ричард Хелли¹⁶ описывают представителей государства в терминах «служилого класса», что призвано подчеркивать его подчиненную позицию по отношению к верховной власти. С другой стороны, общественное мнение в России однозначно видит в представителях государства тех, кто захватывает и присваивает власть. Результаты опросов, проведенных

аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр) на репрезентативных выборках в 1999 и 2008 годах, свидетельствуют: большинство россиян убеждено, что власть находится в руках представителей государства (см. табл. 2 на с. 117).

Есть несколько терминов, с помощью которых описывают представителей государства: гражданские служащие; лица, находящиеся на службе общества (*public servants*); бюрократы; чиновники. Термин «бюрократ» крепко привязан к теории рациональной бюрократии Вебера и по этой причине не вполне уместен в российском институциональном контексте¹⁷. Обозначения «гражданский служащий» и «лицо, находящееся на службе общества» имеют смысл лишь при допущении, что представители государства действуют в интересах общества. Термин «государственная служба» синонимичен термину «служилый класс»: «Российские бюрократы не могут быть “гражданскими служащими”, от них прежде всего требуется быть “государственными служащими”»¹⁸. Поэтому он содержит в себе имплицитное допущение, что представители государства лишены какой-либо власти и довольствуются ролью простых ретрансляторов высшей воли.

Использование термина «чиновник» не исключает ни одной из сформулированных выше гипотез: с одной стороны, представители государства как наместники (*lieutenants*) верховной власти, с другой стороны, представители государства как члены властвующей элиты. Более того, этот термин весьма уместен в контексте властечцентричного общества, где место в иерархии власти — чин превращается в важнейший детерминант поведения¹⁹. Обладание чином подчеркивает в высшей степени амбивалентный характер места, занимаемого представителями государства в российской институциональной структуре: они служат передаточным звеном воли, выраженной верховной властью, и

одновременно присваивают часть ее властных полномочий. Тенденция к присвоению представителями государства части власти в отношении общества характерна, по мнению Гаман-Голутвиной²⁰, для всей российской истории. Им никогда не удастся получить власть в полной мере, но они и никогда не прекращают своих попыток.

В этом смысле чиновничество занимает место субэлиты, которая вовсе не лишена власти, хотя и не обладает ее полнотой²¹. Константин Победоносцев, российский государственный деятель XIX века, удачно выразил всю двойственность позиции его коллеги чиновника: «Несчастный, прежде чем командовать, он должен научиться подчиняться»²². Ежедневно сдавая экзамен на послушание и благонадежность, чиновники получают шанс присвоить некоторые властные prerogatives. Они не обладают независимым от верховной власти источником власти и потому воспроизводят в своих повседневных действиях ту же модель, которая существует на самой вершине пирамиды.

Анатомия властвующей субэлиты

При определении реального места конкретной должности в пирамиде власти неформальные критерии играют существенную роль наряду с официальными классификациями. Важное значение неформальных институтов в структурировании отношений внутри властвующей элиты и субэлиты не должно удивлять, учитывая общее преобладание неписаных правил над писаными, характерное для России²³. Стоит тем не менее отметить, что распространенность неформальных норм не делает их ключевым механизмом координации во властечетричном обществе. Неформальные нормы играют во властных отношениях вторичную, вспомогательную роль.

Например, в советское время существовало негласное различие трех типов долж-

ностей управленцев в экономической сфере: хозяйственник, аппаратчик и технократ. Должности первого типа занимали «лица, распределявшие ресурсы и ответственные за результаты этого распределения»²⁴, должности второго типа — «лица, готовившие инструкции и устанавливавшие правила», третьего — «индивиды, занимавшиеся техническим обеспечением деятельности должностных лиц из первых двух групп». Важно отметить, что, с одной стороны, описания этой классификации не найти в официальных справочниках или должностных инструкциях. С другой стороны, каждый из трех типов должностей предполагает определенный стиль поведения и членство в неформальной группе, а не соответствующую запись в трудовой книжке (например, хозяйственники вполне могли занимать должности, позволявшие им влиять на проводимую политику и установление правил²⁵). Каковы же основные неформальные группы внутри властвующей элиты и субэлиты современной России?

«**топы**» Трудности с проведением четкой разделительной линии между властвующей элитой (верховной властью) и властвующей субэлитой не мешают самим чиновникам более или менее точно определять высшие эшелоны государственной службы. Оценки респондентов позволяют отнести к верхнему уровню властвующей субэлиты должностных лиц, называемых на сленге чиновников «топами». «Топы» занимают должности от заместителя федерального министра и выше:

«Есть министр, и есть его заместители. Наверное, там большинство решений принимается на этом уровне, причем, если зам выходит за рамки своей компетенции, он все равно посоветуется с министром» (м., 41–50 лет, зам. руководителя федеральной службы).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ЧТО ТАКОЕ, ПО-ВАШЕМУ, "ВЛАСТЬ"? ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИХОДИТ ВАМ НА УМ, КОГДА ПРОИЗНОСИТСЯ ЭТО СЛОВО?»		
	Апрель 1999 г.	Июнь 2008 г.
Насилие, принуждение	18	12
Государство, правительство	40	47
Чиновники	22	32
Начальство	13	24
Возможность командовать людьми	15	22
Конституция, законы	27	26
Управление делами общества	7	15
Привилегии	21	17
Поддержание порядка	14	15
Злоупотребление, своекорыстие	29	20
Социальная защита, обеспечение малоимущих	10	10
Направляющая, руководящая сила	10	12
Люди, избранные народом и отвечающие перед ними	13	13
Затруднились ответить	4	3
N	2000	1600

Источник: Общественное мнение — 2008. Левада-Центр, 2008. С. 29.

Критерием для включения в эту группу является не столько сама должность, сколько определенный тип поведения. Некоторые собеседники, которых вполне можно отнести к властвующей субэлите, признаются в своей неспособности понимать и правильно предсказывать действия «топов»: они просто не укладываются в модель поведения обычных чиновников.

«Мотивация министра для меня – загадка. Бывали случаи, когда министр раскрывал свою мотивацию передо мной. Я удивлялся, мне бы в голову не пришло такое, такая сложная и хитрая мотивация» (м., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Ряд образцов «демонстративного потребления»²⁶, таких как использование служебной машины определенного типа, также

помогают без труда отличить «топов» от других членов властвующей субэлиты. За федеральными министрами, начальниками управлений Администрации Президента и помощниками Президента закреплены – по состоянию на октябрь 2009-го – автомобили представительского класса BMW 750iL с рядом дополнительных опций. Заместители министров довольствуются чуть менее роскошными BMW 525i и так далее.

«Служебные машины – это определенное отличие. То есть это скорее не столько корпоративная культура, сколько процедура чуть ли не на уровне закона: на какой машине кто должен ездить» (ж., 41–50 лет, эксперт).

Формальные предписания относительно места жительства «топов» отсутствуют. Несмотря на это, члены властвующей субэли-

ты говорят о еще одной критерии отнесения к «топам»: они имеют тенденцию проживать в наиболее престижном районе Москвы и Подмосковья, вдоль Рублёвского шоссе, или на «Рублёвке»: «Если я стал замминистра, то я должен жить на Рублёвке» (м., 51–60 лет, бывший вице-губернатор).

«ЛИБЕРАЛЫ» И «СИЛОВИКИ» Для дискурса о постсоветских реформах обычно характерно противопоставление двух групп внутри властвующей элиты и субэлиты, а именно «либералов» — сторонников политики *laissez-faire* и неоклассических подходов к проведению экономических реформ, и «силовиков», то есть представителей силовых министерств. Первые ассоциируются с Министерством экономического развития, вторые — с такими государственными органами, как Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, Служба внешней разведки, Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и некоторые другие, имеющие привилегию легитимного использования физической силы. Число документов, размещенных в РуНете, русскоязычном сегменте Интернета, и содержащих каждый из этих двух терминов, примерно одинаково ²⁷.

«Всю вторую половину 2004 года огромное количество людей носилось по силовикам и говорило: ребята, будет плохо, и вам же еще придется их [пенсионеров, протестующих против монетизации своих льгот] разгонять... Ответ двух третей силовиков: “Замечательно! Подставятся эти суки либералы, и мы их выкинем на фиг или потесним!!!”» (м., 31–40 лет, бывший советник заместителя премьер-министра).

Крыштановская говорит о постепенном увеличении доли «силовиков» среди членов постсоветской властвующей субэлиты по сравнению с советским периодом: «Весь период демократизации в России сопровождался ростом присутствия военных во власти. С 1988 по 2002 год их доля возросла почти в семь раз» ²⁸. К любой оценке сравнительной влиятельности «силовиков» и «либералов» на основе сопоставления численности этих двух групп следует подходить чрезвычайно осторожно. К «силовикам» принято относить чиновников, носящих форму (или носивших ее в прошлом), а к «либералам» — прежде всего чиновников, так или иначе связанных с двумя московскими вузами с существенным неоклассическим компонентом в программе: Высшей школой экономики и Российской экономической школой (именно их чаще всего упоминали в этой связи респонденты).

Во-первых, власть отнюдь не обязательно находится в прямой зависимости от относительной величины каждой из групп. Здесь необходимо учесть как минимум две других переменных: место в пирамиде власти и степень внутренней сплоченности группы. Публичный дискурс может преувеличивать степень действительного влияния «видимой руки» «силовиков» на процесс принятия решений, каким бы впечатляющим ни было их общее число ²⁹.

«Я много читала [о “засилии силовиков”], но сама я ни разу не сталкивалась, чтобы в принятии решений... Ну, может быть, потому что те решения, которые меня интересуют, мало пересекались с силовыми ведомствами. Причем складывается такая ситуация: либо силовые ведомства на самом деле более пассивны, чем это можно было бы предположить, либо что силовые ведомства, вообще говоря, не всегда понимают

смысл происходящего» (ж., 41–50 лет, эксперт).

Во-вторых, членство в каждой из двух групп зависит в меньшей степени от формальных связей с тем или иным министерством или университетом, а в большей — от использования особой «общей модели мира» (*shared mental model*), «которая позволяет интерпретировать окружающую среду определенным образом и содержит нормативные предписания относительно того, как она должна быть организована»³⁰. Ссылки на идеалы «служения» распространены в дискурсе о «силовиках» — как в их самооценках, так и в характеристиках, выдаваемых другими респондентами. Этот идеал контрастирует с тем, который приписывается «либералам», а именно с духом предпринимательства и исключительно утилитарной, прагматической ориентацией.

«Очень разные мотивы, зависит от конкретных людей. Кто-то... руководствуется, причем определенно, материальной выгодой, кто-то стремится продвигаться по службе. Кто-то думает о государственных интересах, извините за пафос... Долг, служение, призвание — все это должно быть востребовано государством» (м., 41–50 лет, высокопоставленный сотрудник Администрации Президента).

При более внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что акцент на служении, характерный для «силовиков», и акцент на утилитаризме, свойственный «либералам», отнюдь не обязательно противоречат друг другу в контексте переплетения власти и рынка. Наоборот, «силовики» и «либералы» могут обладать сравнительными преимуществами в том, что касается преобразования рынка в механизм для воспроизводства вла-

сти. Ни одна из этих групп, по сути, не заинтересована в полном избавлении от соперников ввиду частично взаимодополняющего, частично взаимоисключающего характера их знаний и умений. Обеспечение продолжающегося воспроизводства власти, главная задача «силовиков», требует глубоких знаний по экономическим вопросам, которыми они не обладают. В то же самое время максимизация прибыли, являющаяся основной заботой «либералов», облегчается при использовании и сознательном усилении перекосов в рыночной структуре, для чего необходимы навыки контроля, которых нет у «либералов».

«Они [“силовики”] лоббисты хорошие... Лоббисты государственных интересов... Например, одно очень крупное предприятие приватизировано, и 5 проц. оставалось у государства. И что делать с этими 5 процентами? Они государству не нужны... Там была махинация — первоначально было 17 проц., а потом стало 5. Причем процедура была плохо выполнена. Законно или незаконно — не хочу обсуждать. И нам с правоохранительными органами удалось убедить, что государству принадлежит 17 процентов. Очень крупная страховая компания. Сторговались и заставили их выкупить эти акции по приемлемой для государства цене. Выкрутили руки, заставили купить. Получили деньги в бюджет, получили звезды, повысили свой статус» (м., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Представители российской властвующей элиты, которые достигли в 1999–2008 годах вершин власти, обладают в этом смысле уникальным опытом, который порождает весьма странный — но только на первый взгляд — гибрид двух «моделей мира»: либеральной и силовой. Многие из тех, кто в конце 1980-х

находился на службе в армии и органах государственной безопасности, в начале 1990-х ушли в бизнес: кризис обусловил значительные сокращения сотрудников силовых структур. Некоторые из них впоследствии вернулись на государственную службу, приобретая в результате «амбивалентное сознание, принимающее как новый рынок, так и старые идеи великодержавности и социалистического равенства. Путин, как и многие другие военные, стал одновременно и левым, и правым»³¹.

КОМАНДЫ КАК КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА РОССИЙСКОЙ

ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ И СУБЭЛИТЫ Любое описание состава российской властвующей субэлиты, обращающее внимание исключительно на индивидов или такие достаточно широкие группы, как «топы», «либералы» или «силовики», будет заведомо неполным. Ключевая организационная единица представляет собой узкий круг чиновников, связанных между собой не столько формальными связями, производными от должностных инструкций, сколько личностными отношениями, основанными на лояльности.

«Кадровый человек совершенно не рассматривается как единица, а рассматривается как чей-то. Поэтому в первую очередь все ориентируются на групповое поведение, соблюсти интересы корпорации» (м., 31–40, директор департамента Администрации Президента).

В советское время такими «кирпичиками» в организации государственной службы были «кланы» и «обоймы», но, как будет показано ниже, они были значительно менее распространены. «Кланом» называли «межинституциональную неформальную общность, существующую параллельно с формальными иерархизированными группами»³². «Обойма», в свою очередь, означает «группу

сторонников, объединенных вокруг своего лидера»³³.

Сегодня термины, используемые для описания неформальных групп в рамках государственной службы, несколько изменились. Термин «команда» относится к малой, иерархически организованной группе чиновников, объединенных вокруг своего лидера. Она обычно включает в себя от двух-трех (руководитель и один-два его ближайших заместителя) до десятка чиновников, которых объединяет опыт либо совместной службы в армии, либо одновременной учебы в вузе, либо проживания по соседству, либо совместной работы в государственном органе на предыдущем этапе карьеры и так далее. С использованием этого термина связана своеобразная игра слов: «команда» означает и сплоченную группу, и приказ, отдаваемый вышестоящим лицом. Команды пронизывают большинство эшелонов властной пирамиды, начиная с верхнего среднего (директора департаментов обычно формируют свою собственную команду). Собеседники затрагивают различные аспекты, связанные с командами, значительно чаще других тем, о чем свидетельствует анализ сравнительной частотности кодов, присвоенных различным фрагментам транскриптов интервью в процессе контент-анализа³⁴. Общая частотность кодов «Команды» (*Teams*) и «Другие команды» (*Other teams*) равна 312, что превышает частотность других кодов.

«Команда может распасться на какое-то время, в том смысле, что люди остаются в разных ведомствах, а потом снова собираться... Вот большой начальник уходит, и, казалось бы, он собрал под собой большую команду – вот тот же Х. – он работал с 1998 года в Минфине и в Белом доме... Вот и опять же изучаем телефонный справочник: он собрал около себя команду, там были разные люди – были его однокашники по Y., были совсем

молодые люди из “Вышки”... Они работали несколько лет вместе, скажем, до 2001 года где-то... После этого каким-то образом ситуация изменилась... и часть людей разлетелась – по другим ведомствам, министерствам, департаментам Белого дома... А потом я смотрю, раз – в Мин[истерстве] Z все и собрались, как только X стал министром. Ну, то есть пришло время собирать камни... А команда, как правило, это какой порядок, количество человек? И какая структура? Двухуровневая, трехуровневая или как? Ну, мне кажется, что это всегда первое лицо плюс один, два, максимум три человека. Реально близких, с кем по жизни всегда. Потому что без первого-второго-третьего – не заместителей, нет... Но это мы говорим уже про “топов”, да? Без них он не может...» (м., 31–40 лет, бывший

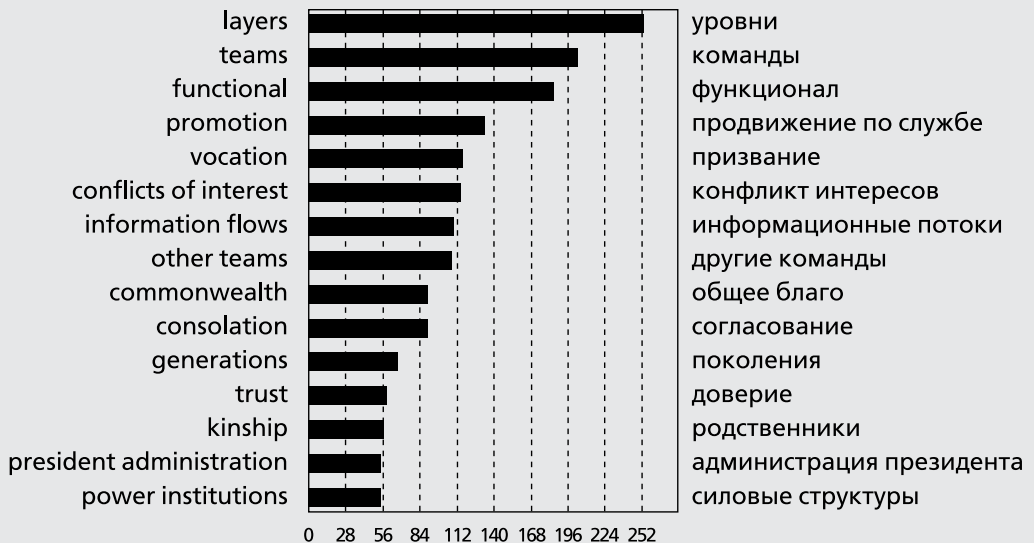
глава департамента федерального министерства)³⁵.

«Скамейка» представляет собой особый тип команды. В нее входит более широкий круг лиц, лояльных «топу», включая даже обслуживающий персонал: рядовых специалистов, водителей служебных машин, даже уборщиц. Эти люди зачастую выполняют личные и «деликатные» поручения «топов» и их ближайшего окружения, и, следовательно, они должны быть лояльными и лично преданными. В любом случае эти лица имеют доступ к конфиденциальной и приватной информации³⁶.

«Есть такое выражение: “ушел со своей скамейкой” – это значит, что кто-то откуда-то ушел и взял с собой практически всех единомышленников всех уровней... Ну, там может быть и обычный

Рисунок 1

ЧАСТОТНОСТЬ КОДОВ В ТРАНСКРИПТАХ 64 ИНТЕРВЬЮ (ДААННЫЕ ДЛЯ КНИГИ КОДОВ «КОНСТИТУЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»)

делопроизводитель, и секретари. Ну, вот стандартный вариант: все руководители уходят, и секретари уходят вместе с ними... Это ведь совершенно разного уровня люди, но которые именно работают в команде – в широком смысле этого слова» (м., 41–50, заместитель руководителя федеральной службы).

Если доверие вообще существует на государственной службе, то оно дополняет власть в качестве механизма координации лишь внутри команд и «скамеек» как их специфической формы. Из всех возможных последовательностей кодов только коды «Команды» и «Другие команды» формируют вместе с кодом «Доверие» (*trust*) устойчивые комбинации, чья вероятность появления превышает статистическую погрешность.

«„Доверие” в команде – это важнейшее слово... [чиновник] уже настолько в команде, что попытка установить с ним какие-то новые связи грозит его долгосрочному статусу в этой команде, и он не будет с этим связываться... Это означает, что начальник команды должен обеспечивать участников команды какими-то долгосрочными выгодами, может быть, не сиюминутными, как с точки зрения продвижения, должностей, так и с точки зрения статуса, ну и в конечном итоге материальными выгодами...» (м., 31–40 лет, бывший глава департамента федерального министерства).

Существует и несколько типов более всеобъемлющих команд, которые объединяют больше 3–10 человек. Такие команды обозначались с помощью кода «Другие команды». Например, некоторые министерства сохранили своего рода дух корпоративной общности, *esprit de corps*, в смысле принадлежности большинства работающих в них чиновников

к некоей общности среднего уровня (команды в узком смысле этого слова относятся к микроуровню, государственная служба или ветвь власти – к макроуровню).

«Вообще-то во многих областях существует что-то вроде корпоративной сплоченности. В МИДе это точно есть. Другое дело, что это – не всеобщее ощущение. Но все-таки это есть» (ж., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Чиновники с одинаковым образованием – те, кто закончил один и тот же вуз (но не в один год), те, кто изучал одну и ту же дисциплину, например физику или прикладную математику, – тоже могут формировать команды в более широком смысле этого слова.

«Вот в предыдущем моем министерстве у нас добрая половина департамента – это были физики. Причем не просто физики, а выпускники МИФИ... просто как-то так повелось, что департамент R – это физики... Физики, потом математики идут дальше по иерархии – здесь да, наверное, что-то в этом есть» (ж., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

В некоторых случаях чиновники, принадлежащие к числу национальных меньшинств, также формируют сообщества, основанные на различении «инсайдеров» (чиновников той же национальности) и «аутсайдеров», посторонних (к которым относят чиновников других национальностей). В приводимой ниже цитате собеседник, принадлежащий к национальному меньшинству, высказывает сомнения относительно той роли, которую его национальность предположительно сыграла в быстром карьерном росте. Однако здесь важнее мнение, распространенное

на тот момент среди работников данного государственного органа. Этот случай может даже использоваться в качестве иллюстрации теоремы Томаса в действии: «Если люди определяют ситуацию определенным образом, то это определение имеет вполне реальные последствия»³⁷.

«В моем случае, мне говорили, очень важную роль сыграло то, что я татарин, так же как министр. Причем министру это было по фигу. Ему было все равно, какой я национальности, хотя он мне сказал: “Приятно, что ты татарин”. Но татар он точно так же рвал, как всех остальных. Но все думали вокруг, что татарин – это очень здорово. Не то главное, что хороший или плохой, главное то, что, как говорили, кандидатура “проходит”. Чем сидеть несколько лет исполняющим обязанности, получим сразу действующего начальника управления. И двинули» (м., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Наконец, чиновники относятся к коллегам из других подразделений или других государственных органов, с которыми установились личные отношения, иначе, чем к другим. Первых считают «своими» и строят отношения с ними посредством обмена небольшими подарками и взаимными услугами. Как бы то ни было, горизонтальные связи с лично знакомыми чиновниками радикально отличаются от контактов с находящимися на том же уровне лично незнакомыми чиновниками.

«Что же касается практики налаживания контактов, то в чиновничьей среде [она] не более, чем во всех остальных, да, есть – обязательно ритуальная... Изменяется ли она существенно, я не знаю, я в советское время не наблюдал, а то, что она достаточно откровенна... эле-

ментарных ритуальных мелочных отношений, которые во многом определяют и круг общения, который, очевидно, складывается. Это совершенно заурядное дело, то есть несение к праздникам колоссального количества поздравительных пакетов» (м., 41–50 лет, начальник отдела аппарата регионального законодательного собрания).

Сказанное о роли малых групп, основанных на личных отношениях, в структурировании взаимодействий внутри властвующей субэлиты применимо и к анализу верховной власти. Можно даже предположить, что с точки зрения исторической перспективы единственным отличием в организации верховной власти является изменчивость типа ее носителя. Изначально в качестве носителя верховной власти выступало физическое тело конкретного индивида, царя. Постепенное возникновение триады «правитель – государство – общество» привело к умножению тел верховного правителя: наряду с его физическим телом появились религиозное, моральное и политическое тела³⁸. Политическое тело верховного правителя выполняет функцию суверена, этого «заемщика власти в последней инстанции». Оно не должно зависеть от состояния здоровья верховного правителя, как это четко выражено в средневековом принципе «Король умер, да здравствует король».

В советское время (по крайней мере, в период после Сталина) в качестве носителя верховной власти выступал высший слой номенклатуры, Центральный Комитет КПСС и особенно его Политбюро. Бывший высокопоставленный сотрудник ЦК в этой связи вспоминает:

«Вот эти сто с чем-то человек, этот Пленум Центрального Комитета, был основной механизм принятия решений.

Хотя власть генсека доминировала, но все равно» (м., старше 61 года, бывший директор департамента федерального министерства и посол).

Эта группа обладающих верховной властью лиц имела преимущественно формальный характер: ее границы были четко установлены в письменном виде, равно как и правила игры. Попытки образования неформальных групп, похожих на команды, и перенесение в них центра принятия решений внутри ЦК сразу же привлекли бы внимание других секретарей ЦК, по крайней мере в начале 1980-х годов. Клань и «обоймы» существовали, но были объектом специального внимания и мер сдерживания.

«Когда он [Горбачёв] приехал из Ставрополя и начал здесь заниматься сельским хозяйством и пытался поначалу к кому-то прийти в гости – к коллегам... Ему сказали: здесь так не принято, за этим смотрят – чтобы тут по углам не шушукались, чтобы не было какой-то компанейщины... Каждый сам по себе» (он же).

После распада Советского Союза носителями верховной власти стали неформальные малые группы: в период правления Бориса Ельцина – «семья» (команда, имеющая своим ядром семью президента), а затем команды. И президент Медведев, и его предшественник на этом посту Путин являются членами особой команды, возникшей в результате сразу нескольких факторов, обусловивших социальную близость ее членов: соседство по

прежнему месту жительства (Санкт-Петербург и его пригород), совместная учеба (юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета), работа (в мэрии Санкт-Петербурга), занятие бизнесом, общие родственные связи и т. д.

«Министр представляет группу близких к президенту людей. Он его личный друг, партнер по бизнесу. С бизнесом связан не столько Е. С., сколько его брат С., с которым у Путина был совместный бизнес в период собчаковского мэрства. Это семейная такая давняя дружба. Они соседи по даче и т. д.» (ж., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Подводя итог, можно сказать, что «малое общество» – совокупность локальных и персонифицированных отношений, предполагающая четкое деление на «своих» и «чужих»³⁹, – представляется ключевым звеном институциональной конструкции современной российской властвующей элиты и субэлиты. Это означает, что главным образом команды, а не индивиды или образованные по формальному признаку группы конкурируют между собой за доступ к высшим эшелонам пирамиды власти посредством комбинирования рынка и власти. Начиная с периода постсоветских реформ успех в борьбе за власть предопределен контекстуальной способностью (*ableness*), или способностью к определенному роду действиям «при наличии соответствующей возможности»⁴⁰, к превращению рынка в орудие для воспроизводства и укрепления власти. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ Более подробно об этой схеме взаимоотношений см.: *Олейник А.* Рынок как механизм воспроизводства власти // *Pro et Contra*. Т. 12. № 2—3. С. 88—106.

² Взаимодействия между государством и бизнесом в ходе глобального кризиса, начавшегося во второй половине 2008 года, также вполне могут развиваться аналогичным образом. Чтобы выжить, бизнесу необходимы государственные субсидии и кредиты. Однако средства государственной поддержки распределяются весьма избирательным образом: лишь ограниченный круг «избранных» может рассчитывать на получение вождельных средств, что создает предпосылки для осуществления контроля входа (доступа к средствам) и его превращения в ресурс власти.

³ *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation States: 1760—1914. Cambridge Univ. Press, 1993. P. 34. Конфликт в Южной Осетии в этом смысле является скорее отголоском прежних, а не новейших методов.

⁴ В августе 2009 года мировая добыча нефти составила 83,9 млн бар. в день. Страны ОПЕК добывают 28,83 млн бар. в день, тогда как Россия — 9,97, что делает ее крупнейшим производителем сырой нефти в мире. Саудовская Аравия с 8,14 млн бар. в день находится на втором месте (*Monthly Oil Market Report: Sept. 2009*. OECD, 2009. P. 32 и данные РИА «Новости», <http://en.rian.ru/analysis/20090909/156074023.html>).

⁵ US Energy Information Administration. International Petroleum (Oil) Reserves and Resources. 2009. <http://www.eia.doe.gov/emeu/international/reserves.xls>

⁶ *Dowding K.* Power. Univ. of Minnesota Press, 1996. P. X.

⁷ *Пивоваров Ю.С.* Русская политическая традиция и современность. ИНИОН РАН, 2006. С. 253.

⁸ *Mills Ch. W.* The Power Elite. Oxford Univ. Press, 1957. P. 3—4.

⁹ *Tilly C.* War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back In* / P. V. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skopol (eds). Cambridge Univ. Press, 1985.

¹⁰ См.: *Олейник А.* Тюрменная субкультура в России: От повседневной жизни до государственной власти. М: Инфра, 2001; *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб: Европейский университет, 2002.

¹¹ *Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.* Проблема элиты в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. Фонд Либеральная Миссия, 2007. С. 205; см. также: *Сумма идеологий: Мировоззрение и идеология современной российской элиты.* Институт общественного проектирования, 2008. С. 117.

¹² *Kharkhordin O.* What is the State?: The Russian Concept of *Gosudarstvo* in the European Context // *History and Theory*. 2001. Vol. 40. P. 206—240.

¹³ *Любарский Г.* Чиновники и госслужащие. 2005. <http://bd.fom.ru/report/map/gur050407>

¹⁴ В общей сложности в период с начала 2005-го по конец 2008 года было проведено 64 углубленных структурированных интервью с государственными служащими, занимающими должности начальников отделов, директоров департаментов и их заместителей, заместителя министра, а также экспертами. Группа исследователей включала в себя к.э.н. Наталью Апарину (Кемеровский государственный университет), к.полит.н. Сергея Бирюкова (Кемеровский государственный университет), проф. Оксану Гаман-Голутвину (МГИМО), Евгению Гвоздеву (Свободный университет Брюсселя), проф. Светлану Глинкину (Институт экономики РАН), д-ра социологии Карин Клеман (Институт социологии РАН), к.псих.н. Галину Медведеву (Санкт-Петербургский социологический институт РАН) и автора этой статьи, который выступал также в качестве координатора.

¹⁵ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

¹⁶ *Hellie R.* The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory*. 2005. Vol. 44. P. 88—112.

¹⁷ *Brym R. J., Gimpelson V.* The Size, Composition and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 1. P. 90—112.

¹⁸ *Ryavec K. W.* Russian Bureaucracy: Power and Pathology. Rowman & Littlefield, 2003. P. 53.

¹⁹ «Матрицы власти», как их называет Симон Кордонский (*Рынки власти: Административные рынки СССР и России.* М.: ОГИ, 2006), присутствуют во всех элементах институциональной структуры. Они показывают, как на практике можно использовать «чин» для анализа поведения.

²⁰ См.: *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России.

²¹ См.: *Etzioni-Halevy E.* The Elite Connection: Problems and Potential of Western Democracy. Polity Press, 1993. P. 96.

²² *Pobedonostsev K.* Reflections of a Russian Statesman. Ann Arbor Paperbacks of the Univ. of Michigan Press, 1965. P. 270.

²³ *Ledeneva A.* How Russia Really Works. Cornell Univ. Press, 2006.

²⁴ *Gregory P. R.* Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge Univ. Press, 1990. P. 54.

²⁵ Два, пожалуй, наиболее известных хозяйственника 1990-х годов (представителей этой группы также называли «красными директорами»), Леонид Кучма и Виктор Черномырдин, занимали высшие политические должности: первый – президента Украины в 1994–2004 годах, второй – премьер-министра РФ в 1992–1998 годах.

²⁶ Торстейн Веблен определяет демонстративное потребление следующим образом: «демонстративное потребление есть средство достижения уважения» (*Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 113).

²⁷ Google.Ru выдает 903 000 ссылок на документы, содержащие слово «либералы» и 706 000 ссылок – на документы со словом «силовики» (на 01.10.2009). Стоит заметить, что термин «силовики» является более специфичным, он практически не используется вне пределов указанного контекста. Анализ первой сотни ссылок на документы со словом «либералы» показывает, что в 72 случаях оно используется в контексте постсоветских реформ, что позволяет приблизительно оценить общее число релевантных документов в 650 000–700 000.

²⁸ *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 270.

²⁹ Исследования в области виктимизации тоже указывают на возможное расхождение между числом преступлений, с одной стороны, и степенью обеспокоенности собственной безопасностью – с другой (см., например: *Roshé S.* Le sentiment d'insécurité. Presses Universitaires de France, 1993).

³⁰ *Denzau A., North D. C.* Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. 1994. Vol. 47. No. 1. P. 4.

³¹ *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. С. 278.

³² Там же. С. 83.

³³ Там же. С. 62.

³⁴ Подробнее о видах контент-анализа и их применении в данном исследовании см.: *Олейник А.* Триангуляция в контент-анализе: Вопросы методологии и эмпирическая проверка // *СОЦИС – Социологические исследования*. № 2. 2009.

³⁵ Как следует из данной цитаты, единственные объективные данные о составе команд можно найти в телефонных справочниках государственных органов. Говоря точнее, исследователь может идентифицировать команды по одновременным перемещениям чиновников из одного государственного органа в другой на основе сравнения телефонных справочников за разные годы.

³⁶ Этим объясняется присутствие в их числе уборщиц, имеющих доступ к уборке кабинета «топа», а значит, и к конфиденциальным документам.

³⁷ *Merton R. K.* The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. 1995. Vol. 74. No. 2. P. 380.

³⁸ *Малинин Ю.П.* «Королевская троика» во Франции IV–XV вв. // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 1995. С. 20–36.

³⁹ См.: *Олейник А.* Тюремная субкультура в России.

⁴⁰ *Morris P.* Power: A Philosophical Analysis. St. Martin's Press, 1987. P. 80.

Памятники современной России

После краха СССР право выбора тех, кому следовало поставить памятники, было передано региональным властям, которые стараются, насколько возможно, сохранить свою «самость», не вступая при этом в конфликт с Центром

Алексей Макаркин

Возведение памятников всегда было политическим делом. Фараоны Древнего Египта и короли Западной Европы стремились запечатлеть в монументальных формах свое могущество. Для России репрезентация посредством памятников стала актуальной после того, как Петр I, открыв окно в Европу, воспринял европейскую культурную традицию¹. В допетровской Руси в соответствии с православной традицией в честь исторических событий и в память знаменитых людей возводили храмы и монастыри.

В истории России памятники традиционно были частью «монументальной пропаганды», принципы которой определялись из единого центра. Власти как Российской империи, так и Советского Союза были заинтересованы в утверждении собственного взгляда на отечественную историю, в продвижении исторических образов, которые могли послужить делу укрепления целостности страны. В новой России ситуация заметно изменилась — доминирование государства как определяющей и централизующей силы в вопросах «монументальной пропаганды» ушло в прошлое. В ряде случаев памятники Ленину и его соратникам были демонтированы, но по большей части остаются на своих местах. Однако их символическая функция стала принципиально иной: эти памятники превратились для одной части общества в

привычные, потерявшие смысл «истуканы», а для другой — в символ прошлого, вызывающего ностальгию (характерны, например, регулярные возложения цветов коммунистическими организациями к монументам Ленину). Сохранилась высокая значимость военных мемориалов, хотя и здесь не обошлось без перемен. В 1990-е годы многие такие памятники обветшали, вечные огни при них погасли из-за кризиса, но в последнее десятилетие внимание к ним заметно возросло. Военные памятники стали частью нового официального синтеза, попытки интегрировать различные ценности как досоветского, так и советского времени.

Что касается возведения новых памятников, то на решение этого вопроса значительно большее влияние, чем раньше, оказывают тенденции на местах, а выбор претендентов на увековечение стал существенно шире (это касается как государственных деятелей, так и людей культуры). В отсутствие монополии государства начала проявляться общественная инициатива, когда памятники ставятся необычным для отечественной традиции персонажам, в том числе героям литературных произведений.

Памятники и партикуляризм

Поиск общих ценностей, призванных укрепить единство государства, приводил в дореволюционное и советское время к тиражирова-

нию памятников, будь то бюсты Александра II, освободившего крестьян (благодарные сельские жители были основными жертвотелями на эти скромные скульптуры), или статуи Ленина, образ которого подвергся целенаправленной идеализации в советское время. Империя устанавливала строгие правила в столь деликатной сфере, как создание памятников; ведь персонажи, запечатленные в них, должны были служить образцами для населения. Однако нельзя не заметить и противоположную тенденцию, которую можно назвать партикуляристской. Местные элиты

вавому погрому (справедливости ради отмечу, что его правление стало предметом жесткой критики еще Николая Карамзина, чья «История государства Российского» получила официальное одобрение). Напомню и то, что на этом памятнике изображен тверской князь Михаил Ярославич, в течение многих лет противостоявший Москве. Правда, его присутствие более понятно: за мученическую гибель в Золотой Орде православная церковь причислила его к лику святых. В то же время попытка автора памятника Михаила Микешина поместить на нем фигуру Тараса

“Проблема «украинства» в царской России была одной из самых болезненных: власти то жестко подавляли его проявления, то шли на некоторые компромиссы”.

всегда заинтересованы в продвижении образов «своих», локальных героев, которые либо недооцениваются на центральном уровне, либо вызывают там неприятие. Отношение к партикуляризму как в имперской, так и советской России не было жестко единообразным.

Для имперской политики было характерно идти на отдельные уступки местным влияниям, казавшимся властям неопасными, и блокировать более проблемные, таящие в себе риски — с их точки зрения — тенденции. В имперский период российской истории партикуляристские тенденции подвергались ограничениям, но не исчезали полностью. Можно привести пример, когда власти пошли им навстречу. Характерно, что это произошло во времена либеральных реформ Александра II. Тогда на памятнике Тысячелетию Руси, воздвигнутом в Новгороде в 1862-м, было помещено изображение Марфы Борецкой — непримиримой противницы московского великого князя Ивана III, которого официальная историография считала собирателем Руси. В то же время на нем не нашлось места Ивану Грозному, подвергшему Новгород кро-

Шевченко была отклонена лично царем² — из-за участия поэта в украинском национальном движении, которое подверглось преследованию в царствование Николая I.

Проблема «украинства» в царской России была одной из самых болезненных: власти то жестко подавляли его проявления (идентифицируя украинскую идею с сепаратистским «мазепинством»), то шли на некоторые компромиссы. Единственным гетманом, удостоившимся памятника, оказался Богдан Хмельницкий, который имел репутацию инициатора объединения Руси и Малороссии, — соответственно, его образ вписывался в официально одобренную «малороссийскую» идею, признававшую культурное своеобразие украинских земель, но только в составе объединенной «Великой, Малой и Белой Руси». В свою очередь, Шевченко был кумиром борцов за самостоятельность Украины (пусть и на правах автономии), что делало его фигуру неприемлемой для сторонников жесткой централизации. Поэтому первый памятник Шевченко на территории Российской империи появился в городской усадьбе известной общественной

деятельницы Христины Алчевской в Харькове. Это был частный проект, не то что не поддержанный государством, а негативно им воспринятый (спустя два года под давлением властей памятник «сепаратисту» пришлось снять).

Тем не менее развитие «украинских» тенденций продолжалось, и накануне Первой мировой войны прошло четыре конкурса на лучший проект памятника Шевченко в Киеве. Власти запретили официально праздновать столетие со дня рождения поэта. В советское время получило распространение мнение, что царское правительство наложило запрет на возведение памятника Шевченко. На деле все обстояло сложнее. Главными противниками этого начинания были не царские чиновники, а общественные деятели — сторонники русской национальной идеологии, которые видели в прославлении Шевченко недопустимую уступку «мазепинцам». Показательно, что российский Сенат в 1913 году признал право на существование комитета, созданного киевской городской думой для сооружения памятника, отклонив требование киевского генерал-губернатора о его закрытии (в свою очередь, генерал-губернатор действовал под давлением активистов правых организаций, бывших главной опорой правительства в Киеве). Министерство внутренних дел разрешило сбор средств на памятник, хотя местные власти в ряде случаев и препятствовали такой деятельности общественников. Вопрос о возведении памятника не был решен до начала войны из-за того, что комитету никак не удавалось прийти к согласованному решению. Только в мае 1914 года комитет проголосовал за проект итальянского скульптора Антонио Шюртино, что полностью разошлось с мнением профессионального жюри, отдавшего предпочтение двум другим проектам. Вопрос был поставлен на рассмотрение киевской городской думы, которая утвердила мнение комитета, но дальнейшие действия были отложены в связи с начавшейся войной³.

В то же время история с памятником другому выдающемуся поэту, Адаму Мицкевичу, не столь драматична. Российские власти к концу XIX века, то есть без малого через пятьдесят лет после смерти этого польского патриота, не считали, что он представляет опасность для империи. В 1898-м с санкции Николая II был открыт памятник Мицкевичу в Варшаве. В связи с этим в польском обществе получила распространение характерная байка, отражающая поиски компромисса между централизмом и партикуляризмом. Поставить памятник Мицкевичу было разрешено при условии, что он будет на голову ниже находившегося неподалеку монумента русскому фельдмаршалу Ивану Паскевичу, крайне непопулярному в польском обществе символу российского централизма. Однако если в проекте это условие и присутствовало, то в реальности именно Мицкевич оказался выше Паскевича на голову.

В советское время вопрос о возведении памятников подлежал утверждению в Москве, не только препятствовавшей партикуляристским поползновениям, но и стремившейся переосмыслить их в собственных интересах. Тот же Шевченко становился не «сепаратистом», а борцом против царизма, соратником русских революционеров. То же самое относилось и к ряду других региональных деятелей. Поэтому советский подход можно охарактеризовать как попытку сознательной адаптации к неизбежному партикуляризму.

«Монументальный партикуляризм» новой России

После краха СССР ситуация принципиально изменилась: право выбора тех, кому следовало поставить памятники, было передано региональным властям. Последние стараются, насколько это возможно, сохранить свою «самость», не вступая при этом в конфликт с Центром.

Ярким примером может служить Рязань, в которой в 2005–2007 годах, в губернаторство

бывшего командующего Воздушно-десантными войсками генерала Георгия Шпака было возведено сразу три конных памятника. Два персонажа — святой Георгий Победоносец и легендарный рязанский полководец Евпатий Коловрат — теоретически могли бы стать персонажами памятников и в имперской России (а Евпатий — и в советской, в которой описание его подвигов входило в школьную программу). Третий герой выглядит шокирующе для людей, воспринявших советскую версию истории. Речь идет о князе Олеге Рязанском, фигурировавшем в популярной исторической литературе в роли «предателя» и союзника хана Мамая перед Куликовской битвой.

Впрочем, такая точка зрения не была единственной. В частности, деятельность этого известного рязанского правителя высоко оценивал дореволюционный историк Дмитрий Иловайский⁴, а местный митрополит Симон уже в конце XX века безуспешно пытался добиться причисления Олега к лику святых. Несмотря на неудачу канонизации, князь широко почитается в области как подвижник веры и благочестия⁵. На исторических гербах Рязани и Рязанской области изображен князь, прототипом которого считается Олег. Одно из наиболее значительных зданий Рязанского кремля именуется «дворцом Олега», хотя построено оно существенно позднее его княжения. В наши дни в Рязани стремятся подчеркнуть те черты биографии знаменитого земляка, которые не выглядят конфронтационными по отношению к Москве: совместное участие московских и рязанских войск в битве на Воже (1378), отказ Олега присоединиться к Мамаю перед Куликовской битвой, его тайное содействие московскому князю Дмитрию Донскому. Церковные епархиальные власти обращают внимание на личное благочестие князя и принятие им монашества, а затем и схимы.

Впрочем, в абсолютном большинстве случаев основатели городов и другие «знатные

земляки» совместимы с общегосударственной идеологией — региональная «самость» ей не противоречит. Это относится даже к Твери, где в 2008-м был установлен памятник князю Михаилу Ярославичу, непримиримому сопернику Москвы в борьбе за главенство на Руси (правда, он был канонизирован церковью еще в Средневековье, а его изображение присутствует на микешинском памятнике в Новгороде). Характерно, что на тверском монументе князь изображен на коне, что подчеркивает его воинские заслуги, а не мученическую смерть. Местные краеведы обращают внимание на сражение князя Михаила с войском московского князя Юрия Даниловича и ратью ордынца Кавгадыя в декабре 1317 года под селением Бортенево в сорока верстах от Твери. В этом бою тверичи одержали победу, что и повлекло за собой спустя непродолжительное время гибель князя, которому монгольский хан не простил такой самостоятельности. Впрочем, в Твери есть и «церковный» памятник Михаилу Тверскому — новопопостроенный храм в его честь.

В других случаях памятники посвящены историческим фигурам, в чьей деятельности антимосковской направленности не было по той простой причине, что при их жизни Москва либо вообще не существовала, либо не была еще центром самостоятельного княжества. В Ярославле установлен памятник Ярославу Мудрому, во Владимире — князю Владимиру и епископу Феодору, в Муроме — Илье Муромцу, в Пскове — княгине Ольге. Основатель Москвы Юрий Долгорукий является персонажем памятников, воздвигнутых в Костроме и Дмитрове. Всегда лояльный Москве двоюродный брат Дмитрия Донского Владимир Храбрый — персонаж монумента, поставленного в Серпухове, городе, где он княжил. В свою очередь, памятник Дмитрию сооружен в Коломне, что связано не столько с принадлежностью этого города к Московскому княжеству, сколько с тем, что именно здесь

собиралось русское войско перед Куликовской битвой. Есть целая серия «воеводских» памятников, установленных княжеским и царским администраторам, основывавшим новые города, — Алексею Шеину в Тамбове, Андрею Дубенскому в Красноярске, Богдану Хитрову в Ульяновске, князю Григорию Засекину в Самаре и др. (единственным конфликтным среди них является памятник воеводе Михаилу Нагому в Уфе, но о нем речь пойдет ниже).

В Хабаровске восстановлен возведенный еще в имперские времена памятник графу Николаю Муравьеву-Амурскому, кото-

в Угличе давно ведутся споры о целесообразности возведения памятника князю Андрею, этот проект был реализован, — правда, не в городе, а в одном из окрестных сёл — силами общественности (что не требует участия профессионального скульптора и большого количества согласований). Импровизированный памятник является частью краеведческого комплекса, в состав которого входят также шестиметровый памятный крест, церковь Святого Кассиана, краеведческий музей.

Героем ряда памятников является Александр Невский, названный в 2009-м

“Основатели городов и другие «знатные земляки», как правило, совместимы с общегосударственной идеологией — региональная «самость» ей не противоречит”.

рый был снесен в годы советской власти. В Саратовской области бывший губернатор Дмитрий Аяцков активно пропагандировал образ своего далекого предшественника Петра Столыпина (возглавившего Саратовскую губернию до переезда в Петербург в 1903—1906 годах). В результате село Калинино, в котором находилось имение отца Столыпина (и где, кстати, прошло детство Аяцкова), в 1996-м было переименовано в Столыпино, а на его территории поставлен памятник бывшему премьеру. А спустя шесть лет значительно более масштабный столыпинский монумент был воздвигнут в Саратове.

Как правило, памятники устанавливаются в городах, хотя бывают и исключения. Яркий пример — памятник князю Андрею Большому Угличскому (брату великого князя Ивана III), воздвигнутый в ярославском селе Учма в 2008 году. В его основу была положена полуразрушенная голова неизвестной скульптуры, которая была восстановлена и дополнена местным краеведом Василием Смирновым. В частности, был изваян шлем, придавший бюсту княжеский облик. И хотя

самой популярной личностью в российской истории. Фигура князя признана частью не только местной истории (как в Переславле-Залесском, где его бюст стоит еще с советских времен), но и общенациональной. Характерно, что в последние годы памятники ему установлены как в Петербурге (напротив Александрово-Невской лавры), так и в Волгограде и Курске — городах, которые не связаны с деятельностью этого князя, зато являются городами-героями. Для этих городов Александр Невский — символ воинской доблести, преемственности поколений. Кроме того, он — почитаемый святой Русской православной церкви. Святые князья — весьма популярные персонажи памятников. Не обойдены вниманием и святые монахи, памятники которым казались немислимыми в период господства КПСС. Это Сергей Радонежский в Радонеже (возведение этого памятника общероссийскому и одновременно местному историческому герою вызвало конфликт в раннеперестроечное время, когда государство налаживало отношения с церковью, но еще не решалось отказаться от официального ате-

изма), Савве Сторожевскому в Звенигороде, Кириллу и Мефодию в Москве и др.

Важная особенность «местных историй» конца XX — начала XXI века заключена в консервативном подходе. Как правило, памятники ставятся государственным и военным деятелям, не имеющим ничего общего со «смутами». Пламенные участники народных движений, деятели большевистской партии и другие революционеры вышли из моды, их возвеличение не соответствует официальной концепции российской истории, принятой в большинстве школьных учебников. Показательное исключение — памятник знаменитому анархисту князю Петру Кропоткину в Дмитрове — подтверждает общее правило: персонаж воспринимается местным населением не как революционер, а как знатный земляк, представитель русской аристократии. Еще один подобный пример — памятники в Бронницах. Там декабристы братья Фонвизины (генерал и полковник) и Иван Пущин соседствуют с просветителем Николаем Новиковым (тоже пострадавшим от царской власти) и с еще одним земляком — вполне благонамеренным внуком Пушкина Александром Александровичем, уездным предводителем дворянства и председателем местной городской думы.

Памятник либеральному деятелю — также редкость. Можно вспомнить разве что восстановление памятника костромскому либеральному депутату III Государственной думы Василию Соколову, осуществленное организацией «Открытая Россия» в 2004 году. Но и здесь речь идет, во-первых, о реставрации дореволюционного памятника, а во-вторых, об инициативе московской организации, занимавшейся в то время установкой мемориальных досок либеральным деятелям в провинции⁶.

Современные политики редко становятся персонажами памятников, что связано с общим представлением о необходимости выдержать определенный срок для того, чтобы объективно оценить их деятельность. К тому

же среди них немало спорных фигур. Тем не менее в ряде случаев памятники современным политикам все же возводятся. Например, в Санкт-Петербурге есть памятники академику Андрею Сахарову (хотя значение его личности существенно выходит за рамки политической сферы) и бывшему мэру города Анатолию Собчаку. Причем появление последнего вписывается в общий контекст продвижения в публичном пространстве образа политического деятеля, под руководством которого работали и Владимир Путин, и Дмитрий Медведев. Также можно отметить выпуск почтовой марки к 65-летию со дня рождения Анатолия Собчака (весьма редкий случай, так как марка приурочена к «некруглой» дате), открытие мемориальной доски и создание музея российской демократии имени Собчака в Санкт-Петербурге. В данном случае можно говорить о герое «местной истории», активно продвигаемом федеральной властью. В Екатеринбурге в 2011 году планируется открыть памятник Борису Ельцину — тоже и «федеральному», и «местному» герою, в память о котором в городе названы улица и технический университет (в нем первый российский президент получил высшее образование).

«Конфликтные» памятники

Как правило, памятники ставятся людям, чья деятельность положительно оценивается большей частью общества. В принципе мемориальные монументы не должны быть поводом для конфликтов, если спор не касается их художественных достоинств. Однако этот принцип нередко нарушается из-за идеологических разногласий.

Основные конфликты в сфере монументальной пропаганды имеют место по причине различных трактовок отечественной истории XX века. Это первый тип конфликтов, который, скорее всего, со временем уйдет в прошлое — по крайней мере, сейчас острота противоречий уже заметно снижается.

Впервые жесткий конфликт такого рода возник еще в 1997-м, когда участники леворадикальной организации «Реввоенсовет» взорвали памятник Николаю II в подмосковном селе Тайнинское. Впрочем, они же пытались подорвать и другой памятник — Петру I, — что, видимо, было связано не столько с неприятием монархической идеи, сколько с негативным отношением к конкретной скульптуре Зураба Церетели. Памятник Николаю, впрочем, стал излюбленным объектом атак экстремистов. В ноябре 1998 года этот монумент был восстановлен в гипсе в Подольске, одна-

большевистская пропаганда внедряла в наше сознание уродливый, лживый, зловещий образ славного адмирала. И вот настала пора услышать и узнать нам не только то, что о нем писали ангажированные историки, но и то, что говорил и писал Александр Васильевич»⁷.

Фигура Колчака не в первый раз оказалась в центре противоречий. Характерно, что Верховный суд РФ отказал в его реабилитации, тем самым фактически подтвердив вердикт советской власти. Но в то же время острову Расторгуева в Карском море было официально возвращено имя Колчака — этим были отме-

“Основные конфликты в сфере монументальной пропаганды возникают по причине различных трактовок отечественной истории XX века”.

ко зимой того же года снова взорван. В августе 2000-го памятник в прежнем виде был открыт снова в Тайнинском и с тех пор не подвергался атакам. Леворадикальное подполье в России к тому времени резко ослабело, а члены «Реввоенсовета» получили длительные сроки лишения свободы.

В 2004-м в Иркутске был открыт памятник верховному правителю России адмиралу Александру Колчаку, расстрелянному в этом городе в 1920 году. Против установки памятника лидеру Белого движения выступили местные коммунисты, которые для обсуждения этого вопроса провели даже специальное заседание обкома КПРФ. К акции протеста присоединились иркутские анархо-синдикалисты. Городская мэрия первоначально отказывалась дать санкцию на сооружение монумента. Однако как раз в это время к борьбе вокруг памятника подключились антикоммунисты. Как написал в письме губернатору Иркутской области народный артист России Никита Михалков, открытие памятника Александру Колчаку поможет возрождению национального самосознания: «Многие десятилетия

члены его заслуги полярного исследователя. В 2001-м предполагалось установить памятный знак Колчаку в Морском корпусе имени Петра Великого в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургском военно-морском институте), в котором он учился. Однако из-за противодействия со стороны части офицеров (ощущающих себя идейными наследниками «красных командиров») это событие состоялось только через год с санкции тогдашнего главкома ВМФ Владимира Куроедова, посоветовавшегося перед этим с Патриархом Алексием II.

Вместе с тем памятник другому известному деятелю Белого движения, генералу Сергею Маркову, был безо всяких конфликтов установлен в Сальске в декабре 2003 года. Впрочем, в Ростовской области телевидением был проведен опрос граждан, чтобы выяснить реакцию на установку монумента. Большая часть опрошенных положительно отнеслась к этому проекту. В числе противников были, в большинстве своем, люди старшего возраста (но далеко не все).

Конфликты вокруг памятников могут быть связаны и с простыми межнациональными

отношениями. Это второй тип конфликтов, который вряд ли удастся полностью преодолеть в обозримом будущем. Так, 7 июля 2007 года в Уфе состоялось торжественное открытие памятника Михаилу Нагому. На постаменте было начертано: «Основателю Уфы воеводе Нагому Михаилу Александровичу от благодарных уфимцев». Как сам персонаж, так и характер надписи стали поводом для конфликта. Дело в том, что башкирский истеблишмент крайне болезненно относится к точке зрения, будто Уфа была основана воеводой Нагим в 1586 году. И дело вовсе не в том, что речь

памятник был поставлен в пригороде Уфы, у офиса фирмы, принадлежащей Швецову. Вслед за этим милиция составила протокол об административном правонарушении, выразившемся в установке памятника на месте, которое предназначалось для клумбы, и потребовала снести статую в десятидневный срок⁹. Однако исполнить это предписание так и не удалось — подобные действия могли дестабилизировать ситуацию в республике; кроме того, снос памятника московскому «государеву человеку» (пусть даже и XVI века) был бы негативно воспринят в Кремле.

“Значительная часть тверской интеллигенции возражала против установки памятника Михаилу Кругу, чье творчество было тесно связано с криминальным сообществом”.

идет о военачальнике русского царя Федора Ивановича. (Хотя председатель общественного комитета по возведению памятника предприниматель Николай Швецов не без вызова заявил на его открытии, что «наш город — исконно русский», а это вряд ли могло понравиться национальной элите⁸.) Важнее другое: в случае такой атрибуции Уфа проигрывает неформальное «соревнование» с татарстанской столицей Казанью, которая существует уже тысячу лет. Когда речь идет о национальных эмоциях, рациональные аргументы (например, заключение Института российской истории РАН о том, что Уфу так основал Нагой) вряд ли будут услышаны. По мнению большей части местной элиты, на месте Уфы 1500 лет назад стоял город Башкорт, и, следовательно, историю башкирской столицы надо вести именно с этого времени.

Не удивительно, что памятник не получил официального признания. Башкирская академия наук посчитала воеводу «всего лишь одним из строителей Уфимской крепости (кремля) на территории башкирского города X — середины XVI вв.». Вместо центра города

Другой, пожалуй, еще более известный пример подобного конфликта — памятник князю Святославу в Белгородской области, автором которого является покойный скульптор Вячеслав Клыкков, известный русский националист. В националистических кругах фигура Святослава является культовой, преимущественно благодаря его победе над Хазарией, правящая элита которой исповедовала иудаизм. Памятник, возведенный в 2005 году, представляет собой конного князя, попирающего поверженного хазарского воина, на щите которого изображена «Звезда Давида». Федерация еврейских общин России (ФЕОР) в связи с этим заявила, что «считает установку в Белгороде памятника Вячеслава Клыккова провокационной акцией, которая не только искажает историю, но и крайне негативно влияет на современность». Недоумение ФЕОР «вызывает попустительство этой провокационной акции со стороны властей Белгорода и Белгородской области»¹⁰. При этом белгородское руководство дистанцировалось от скандального памятника, заявив, что «Белгородская область — это исконно

православный регион, а потому здесь особенно бережное отношение к немногочисленным представителям традиционных религий, исповедуемых в России»¹¹. В результате был достигнут компромисс: памятник установили не в Белгороде, а в отдаленном селе Холки, а «Звезда Давида» со щита хазарина была изъята.

Третий тип конфликтов связан с претензиями к личным качествам конкретного персонажа, не имеющим отношения к историческим или национальным проблемам. Одним из наиболее популярных современных исполнителей шансона был Михаил Круг, убитый в 2002 году. Городские власти активно поддержали идею создания памятника шансонье в центре Твери. В городе развернулись активные дискуссии по поводу этого проекта: значительная часть тверской интеллигенции возражала против установки памятника артисту, творчество которого было тесно связано с криминальным сообществом (достаточно вспомнить его «культовую» песню «Владимирский централ»). Противники памятника объясняли саму идею его создания влиянием «братков». Письмо с протестом подписали известные тверские деятели культуры. В ответ на это послание Фонд творческого наследия Михаила Круга распространил письмо матери певца Зои Петровны Воробьевой: «Если Вас лично так оскорбил Михаил Круг, обойдите памятник стороной, бульвар ведь большой, но не мешайте миллионам его поклонников принести цветы»¹². С этой точкой зрения согласны многие «простые тверичи», чье мнение оказалось решающим (хотя памятник и не избежал атак вандалов).

Четвертый тип конфликтов связан не с самим персонажем, а с художественным обликом монумента. Пожалуй, самая драматическая история произошла с памятником Михаилу Булгакову в Москве, когда население центра города выступило против появления на Патриарших прудах сложной композиции скульптора Александра

Рукавишников, основную роль в которой играл бы гигантский примус с изображением сюжетов из жизни «нечистой силы». В результате памятник в усеченном виде (без примуса, но с фигурами Иешуа и кота Бегемота) решили перенести на Воробьевы горы, но и эта идея встретила неприятие местных церковных кругов, напомнивших о том, что на этом месте когда-то находилось кладбище. Скорее всего, речь шла о более глубинных мотивах — неприятии священнослужителями булгаковской трактовки образа Иисуса и ее отражения в памятнике в любой форме. В результате в 2005-м в подъезде «Булгаковского дома» на Большой Садовой был поставлен совершенно другой памятник знаменитому писателю.

Интеллигентские и народные

Традиция установки памятников деятелям культуры имеет в России длительную историю. Еще в царствование Николая I в Петербурге был возведен кладтовский памятник баснописцу Ивану Крылову. На микешинском монументе в Новгороде есть немало фигур литераторов, в том числе Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, а также Николая Гоголя, изображение которого «пролоббирывал» сам скульптор Микешин. Важнейшим культурным событием последней четверти XIX столетия стало открытие опекушинского памятника Пушкину в Москве — на церемонии со знаменитой речью выступил Федор Достоевский. Впрочем, по сравнению с царями и государственными людьми деятели культуры существенно реже удостоивались памятников. Отношение к культуре «по остаточному принципу» имело место и в дореволюционное время. В этом выразался господствующий подход к «монументальной пропаганде» как средству прославления государства.

В советский период отечественной истории внимание к деятелям культуры при выбо-

ре персонажей для памятников существенно выросло. Это было связано с их включением в неформальный пантеон исторических личностей, получивших официальное признание. Показательно изменение подхода к этим персонажам: место тонкого психологизма заняло подчеркивание «трибунных» качеств литераторов, которым в планах «монументальной пропаганды» отводилась роль борцов за народное счастье. Достаточно сравнить Пушкина в исполнении Опекушина и Аникушина (известный ленинградский памятник, ставший идеологической альтерна-

он находился в ссылке, и во Владивостоке, в котором он умер в пересыльном лагере. Судьба этих монументов была непростой. Владивостокский памятник неоднократно подвергался нападениям со стороны вандалов, так что его даже пришлось перенести во двор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. В Москве открытие мемориала из-за разногласий с чиновниками по техническим вопросам переносилось четырежды. Но самая экзотическая история произошла в Воронеже: в городе началась кампания против возведения памятника поэту,

“Советских кумиров потеснили прежде гонимые либо официально не признанные деятели культуры. Речь идет как об «интеллигентских», так и о «народных» авторах”.

тивной «пессимистическому» московскому) или два памятника Гоголю в Москве. Разумеется, круг деятелей искусств, ставших персонажами памятников в советское время, существенно расширился за счет деятелей искусств, придерживавшихся левых политических взглядов.

В постсоветский период интерес к деятелям культуры как персонажам памятников сохранился, но существенно изменил свой вектор (например, в Москве и Петербурге установлены памятники Федору Достоевскому, в советское время официально признанному, но находившемуся «под сомнением» как противник революции). Советских кумиров потеснили прежде гонимые либо официально не признававшиеся писатели и другие деятели культуры. При этом речь идет как об «интеллигентских», так и о «народных» авторах.

В различных регионах России установлены четыре памятника Осипу Манделштаму: в Москве, во дворе дома, где жил его брат (и нередко останавливался сам Осип Эмильевич), в Петербурге — там поэт провел большую часть жизни, в Воронеже, где

мотивированная необходимостью сохранить в центре города киоск, торгующий «Чистой водой». В защиту киоска выступил комитет по охране окружающей среды, в газетах стали появляться статьи о том, как центр Воронежа остался без «Чистой воды», причем со ссылкой на мнение населения. Похоже, что диссонанс в этом случае вызвал характер памятника, не соответствующий привычному с советских времен представлению о реалистическом монументе, посвященном поэту-«трибуну» (манделштамовский памятник по своей концепции прямо ему противоположен)¹³. Возможно, однако, что дело не только в этом: сама фигура Манделштама мало соответствует представлению о «герое» памятника, бытующему как в обществе (отсюда и владивостокский вандализм), так и во власти. Не удивительно, что все памятники Манделштаму — это результат инициативы его поклонников из числа интеллигенции, объединенных в Манделштамовское общество, которым пришлось преодолевать бюрократические препоны и прохладное отношение населения. В Москве памятник был открыт на средства

ценителей творчества поэта, хотя столичный комитет по культуре первоначально возражал против его установки¹⁴.

Другие поэты Серебряного века также являются персонажами современных памятников. Марине Цветаевой посвящены памятники в Москве, Тарусе и Елабуге (где трагически оборвалась ее жизнь), Анне Ахматовой — в Москве и Петербурге (в последнем аж четыре). Необычен памятник трем членам одной знаменитой семьи, воздвигнутый в Бежецке, — Льву Гумилеву, Николаю Гумилеву и Анне Ахматовой. Преемнику авторов Серебряного века — Булату Окуджаве — установлен памятник в Москве, на его любимом Арбате. На этот раз, в отличие от случая с Мандельштамом, при активной поддержке столичных властей (видимо, потому, что речь идет о персоне, укорененной в Москве и известной значительной части горожан).

Однако еще более популярным персонажем для россиян является Владимир Высоцкий. Он, пожалуй, занимает первое место по количеству памятников, установленных ему в различных городах России, а также в украинских Мелитополе и Мариуполе (там он представлен в образе Глеба Жеглова) и даже в Черногории, которую облюбовали курортники-россияне. Памятники Высоцкому есть в Москве (два монумента — на Страстном бульваре и на Красной Пресне), Воронеже, Новосибирске, Калининграде, Самаре, Барнауле. В Екатеринбурге установлен монумент Высоцкому и Марине Влади. Речь идет о ярко выраженном народном герое, создание памятников которому позитивно воспринимается общественным мнением.

В то же время продолжают ставить памятники и литературным деятелям, «канонизированным» в советское время. Характерный пример — памятники Михаилу Шолохову, установленные в Москве (один — на Гоголевском бульваре, другой — на пересече-

нии Волгоградского проспекта и Волжского бульвара), в Вёшках — на родине писателя, и в Ростове-на-Дону. В двух последних случаях речь идет о ярко выраженном «местном герое».

Буйство фантазии

В современной России есть еще один тип памятников, который был невозможен при советской власти, — это памятники, поставленные по инициативе общества литературным и кинематографическим героям и даже животным. Самым популярным среди них является, пожалуй, Остап Бендер — любимец «новых русских» начала 1990-х. Памятники ему стоят в Петербурге, Екатеринбурге (где он изображен вместе с Кисой Воробьяниновым), Пятигорске (городе, в котором «великий комбинатор» собирал средства «на ремонт провала») и Элисте, ставшей «шахматной столицей мира» (в связи с чем возникла ассоциация с Нью-Васюками из «Двенадцати стульев»). В Петербурге установлен памятник Носу майора Ковалева из произведения Гоголя и тургеневской «Муму». В Воронеже есть памятник собаке Белый Бим Черное Ухо из одноименной повести Троепольского. В Москве, на улице Советской Армии, сооружен монумент булгаковским героям Коровьеву и коту Бегемоту (в отличие от Иешуа, они протестов, кажется, не вызывают). Похоже, ограничителями в выборе сюжетов для памятников выступают только фантазия их создателей и средства, которыми они располагают¹⁵.

Своего рода гибрид монумента писателю и герою представляет собой необычный московский памятник Венедикту Ерофееву в образе персонажа его поэмы «Москва — Петушки». Памятник открыт в 2000 году на месте, где герой поэмы «выпил стакан кориандровой»; композицию составляют фигуры Венечки с чемоданчиком и его возлюбленной. Характерно для современных российских реалий, что у памятника появился спонсор — вряд ли государственные власти решились бы

поддержать столь необычный проект. Отливку памятника финансировал ликёро-водочный завод «Кристалл», а его открытие стало частью фестиваля в честь 500-летия русской водки.

Единственным общедоступным памятником животному в России, установленным в советское время, считался памятник «Научным экспериментам» в саду Института экспериментальной медицины в Петербурге — он был открыт в 1935-м и представляет собой статую подопытной «собаки Павлова»¹⁶.

В этом же ряду находится и современный памятник Кошке, поставленный в 2003 году по инициативе питерских университетских физиков. Таким образом, люди отдадут дань не столько домашним «четвероногим», как таковым, сколько их полезной функции подопытных животных, эксперименты над которыми часто заканчиваются для «братьев наших меньших» трагически. Новый подход к памятникам животным подчеркивает самоценность этих персонажей, что лишает их утилитарного характера. В Петербурге стоит небольшой памятник Бродячей собаке Гаврюше (другое название — «доброй собаке»), в Москве на станции метро «Менделеевская» поставлена скульптура «Сочувствие», изображающая без-

домную собаку. Ее прототип был жестоко убит на этом месте: эта драматическая история вызвала возмущение столичной общественности. В Петербурге на Малой Садовой установлены небольшие скульптуры кота Елисея и кошки Василисы. В Тольятти сооружен «Памятник преданности» — собаке, в течение многих лет ждавшей своих погибших хозяев на одном и том же месте в любую погоду.

Кризис замедлил создание новых памятников — на них часто не хватает денег в бюджетах субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Новые проекты появляются реже и мотивируются ярко выраженными политическими аргументами. Так, в 2009-м стало известно о планах возведения в Москве памятника грузинам, погибшим в Великой Отечественной войне, по аналогии с монументом, разрушенным в современном Кутаиси при ненавидимом российскими властями Михаиле Саакашвили. Однако есть все основания полагать, что по окончании кризиса строительство памятников как средства продвижения общенациональных идей, «региональных историй» и самовыражения создателей тотчас возобновится. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ О российских памятниках имперского периода подробно см.: Сокол К.Г. Монументы империи. М., 1999.

² Добровольский О.А. Микешин. М., 2003. С.188.

³ Подборку документов по этому вопросу см.: litopys.org.ua/shevchenko/epis11.htm

⁴ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 2009. С. 163–205.

⁵ Евсин И.В. Митрополит Симон: Жизнеописание, воспоминания. Рязань, 2008. С. 99–100.

⁶ Подробнее см.: *Наше либеральное наследие*. Вып. 1. М., 2004.

⁷ www.ng.ru/regions/2004-11-22/13_irkutsk.html

⁸ www.eparhia-ufa.ru/?hist/nag

⁹ Власть. № 28 (732). 23.07.2007.

¹⁰ www.regnum.ru/news/547554.html

¹¹ www.regions.ru/news/1931859

¹² www.karavan.tver.ru/html/n674/article4.php3

¹³ www.novayagazeta.ru/data/2008/58/30.html

¹⁴ www.newsland.ru/News/Detail/id/289499

(характерно название статьи: «Неподходящий монумент»).

¹⁵ Отношение специалистов по истории памятников к подобным опытам нередко является негативным: они считают, что во многих случаях речь идет о произведениях декоративно-прикладного искусства, а не о полноценных памятниках. См.: Исаченко В.Г. Памятники Санкт-Петербурга: Справочник. СПб, 2004. С. 389.

¹⁶ Там же. С. 177–179.

Paul Starobin. After America: Narratives for the Next Global Age. Viking Adult, 2009. 358 p.

Двадцать три года назад Пол Кеннеди написал книгу о взлете и падении сверхдержав¹. Он обнаружил у Соединенных Штатов и Советского Союза признаки имперского «перенапряжения» сил и заявил, что их ждет судьба других великих мировых держав прошлого — от Древнего Рима до Британской империи. Надо сказать, что подозрения на этот счет витали тогда в воздухе. Так, о неизбежном «отступлении американского империализма» теоретики французской компартии заговорили, кажется, еще на рубеже 1960–1970-х. Формула «доживет ли СССР до 1984 года» с легкой руки советского диссидента Андрея Амальрика стала чуть ли не самой расхожей среди бесчисленных «пикейных жилетов», правда, главным образом в самом Советском Союзе. Целый ряд теперь уже забытых (не совсем заслуженно) маргинальных интеллектуалов время от времени оживляли старый футурологический миф Освальда Шпенглера о «закате Европы», который теперь переносился на США. Кремлевские марксисты, надо сказать, Шпенглера недолюбливали по разным причинам, в том числе и потому, что тот напоминал о неизбежном конце любых культурных формаций — любых, значит, и нашей? Заката Америки никто в Москве не только не предвидел, но и не хотел: система двух сверхдержав по мере ее рутинизации обнаруживала как будто бы все больше преимуществ для обоих колоссов. По этой причине и писания французских марксистов о близящемся закате США были объявлены опасным заблуждением.

Но в самом конце 1980-х атмосфера изменилась. Все уже чувствовали, что дальше так продолжаться не может, и Пол Кеннеди, в

очередной раз повторивший это, был объявлен пророком. Его книгу «Взлет и падение великих держав» обсуждали буквально на каждом углу. Но быстро забыли. Главным образом, вероятно, по той причине, что в ней предрекался крах обеих сверхдержав, а рухнула лишь одна. Многим в этой ситуации почудился окончательный триумф американизма, и это тут же было зафиксировано в легковесной книге Франсиса Фукуямы «Конец истории»². В тени грандиозного исторического зрелища краха так называемого «советского блока», или «коммунизма», про «сверхдержавную перенапряженность» США перестали судачить. Остался без должного внимания и доклад Национального совета по разведке (*National Intelligence Council*) 2004 года. Но теперь, двадцать с небольшим лет спустя после выхода книги Кеннеди, пришло время напомнить о ней и отдать ей должное. Ведь самое интересное в этой книге было именно то, что она объявляла параллельный крах двух держав, а не одной из них. По всем признакам похоже на то, что Америка теперь окончательно стала на путь, перед которым топталась двадцать лет, а если верить старым французским коммунистам, то и все сорок.

Комментариев к этому важному повороту всемирной истории набралось уже предостаточно. Но в большинстве своем они полны сенсационных преувеличений и либо злорадно глумливы (особенно российские), либо панически катастрофичны (особенно консервативно-американские). Пол Старобин в рецензируемой книге «После Америки: Нарративы для грядущего глобального века» трезв и неоднозначен в своих оценках. Конец американского превосход-

ства для него «несчастье», но также и «освобождение» (с. 9).

Автор подмечает массу признаков отступления и упадка Америки. Он напоминает, что половина американского государственного долга размещена в зарубежных странах, включая геополитических конкурентов США, в то время как МВФ и прочие международные финансовые институты теряют свое значение в качестве инструментов американского влияния, а доллару все труднее играть роль всемирной валюты (с. 80). Падает авторитет американской модели капитализма, американской юриспруденции (с. 7) и корпоративного менеджмента (с. 80), то есть американской культуры бизнеса. Отступает Голливуд, а вместе с ним и тормозится экспансия американского образа жизни. Чтобы проиллюстрировать падение культурного влияния Америки, Старобин приводит любопытный пример: отсутствие следов американизма в реконструкции Берлина (с. 84). Но особенно тревожно выглядит то, что США теряют лидерство в науке (с. 78) и передовых технологиях — последнем оплоте американского превосходства. Ведь считается, и не без оснований, что передовых позиций в производстве инструментально полноценного интеллектуального продукта вполне достаточно, чтобы контролировать мир, которому будут уступлены все остальные сферы человеческой активности. Это наблюдение о потере США своего первенства автор иллюстрирует примерами из таких областей, как робототехника, зеленые технологии (с. 88–89) и даже технологии связи. Так, по скорости копирования из Интернета США, оказывается, находятся на 15-м месте в мире позади Португалии (с. 85) — кто бы мог подумать!

Что все это значит для Америки, которая, по словам Старобина, ощущает себя одновременно «цивилизацией», «миссией» и «нацией (государством)» (с. 22). Кризис

США как исторического лидера и как геополитической супрематии — тесно переплетенные явления, разделить их трудно, и, как мне кажется, автор недостаточно размышляет об этой весьма интересной проблеме. В книге нет соответствующей казуистики, и ее структура в результате выглядит недостаточно продуманной и слишком уж простой. Вернемся, однако, к тексту книги и проследим за ходом размышлений автора.

Похоже, что «американизм» казался его носителям не просто одной из исторических цивилизаций, а *единственной подлинной цивилизацией* (*The Civilization*), возникшей из хаоса экспериментальных и несовершенных набросков исторического прошлого. Образчиком такого представления были взгляды знаменитого газетного магната рубежа XIX–XX веков Генри Люса, рассуждавшего об «американском веке навсегда» (с. 48). Столп американского либерализма Уолтер Липпман, напротив, считал, что это исторически преходящее явление — как и супрематия других цивилизаций (с. 49–50). Старобин скорее согласен с Липпманом, констатируя, что американская цивилизация подходит к своему концу (с. 6). Кроме того, он напоминает, что эта цивилизация вовсе не отличалась так сильно от европейской, как ей самой хотелось бы (с. 31). Так оно и есть: из России, то есть несколько со стороны, это хорошо видно. Несмотря на множество тонких различий между американизмом и европеизмом, которым многие по обе стороны океана продолжают придавать глубокий смысл, в широкой исторической ретроспективе, конечно, речь идет о единой и исторически непрерывной христианской цивилизации с местными модификациями.

А коли так, то американская миссия состояла в том, чтобы распространить европеизм за пределы его первоначального очага. Выполнением этой миссии Америка и занималась на протяжении двух веков, осо-

бенно последние сто лет. Ныне эта миссия завершена, и как будто бы успешно (что и сбивает с толку восторженных поклонников американизма вроде Фукуямы 15 лет назад). В том смысле, что на всех культурах мира теперь лежит отпечаток вестернизации, хотят они того или нет. Оставшиеся совсем не затронутыми западными влияниями культуры бесперспективны и оказываются за бортом дальнейшей глобальной эволюции. В этом смысле все-таки осуществилось то, чего так страстно жаждал Генри Люс. Всемирная цивилизация возникла, и в самых общих чертах она американская (евроамериканская), замешенная на культурной и правовой эмансипации индивида и на частной собственности. Так ее вроде бы и видит Старобин: либерализм, в будущем дополненный некоторым влиянием Востока, например, потребительской сдержанностью в духе, скажем, буддизма (с. 316–317). Такое впечатление, что главной тенденцией в будущем станет появление разных вариантов этой универсальной цивилизации, а оценка их новизны — дело субъективное.

Так или иначе, завершив свою историческую миссию, Америка в каком-то важном смысле остается не у дел и должна теперь к этому адаптироваться. А это создает проблемы для ее национального сознания. Дело усугубляется, еще и тем, что ее геополитическая роль тоже оказывается под вопросом. Оставшись на какое-то время единственной сверхдержавой, она было попробовала себя в роли мирового жандарма, но больших успехов на этом пути не добилась. Старобин напоминает, впрочем, что данную роль она всегда выполняла неохотно, да и значительная часть мира все равно для нее недостижима (с. 103–104). Поэтому конец американской и без того с самого начала «ограниченной» геополитической супрематии представляет собой проблему даже не столько для самой Америки (хотя для некоторых кругов в

Америке, конечно, представляет), сколько для всего мира. Мир на какое-то время остается «без хозяина» наподобие России в знаменитой экстраваганзе А.К. Толстого: «Мы же без царя, как раки, тоскуем на мели».

Далее автор пытается вообразить, как будет выглядеть мир структурно с концом того, что недавно было двухполюсной системой, и последующим провалом попытки утвердить однополярность. Он называет пять наиболее обсуждаемых вариантов: 1) хаос; 2) многополярность; 3) «китайский век»; 4) «города-государства»; 5) «универсальная цивилизация глобального народа».

Перспективу хаоса, то есть полной катастрофы, образ которой так любит муссировать Голливуд, Старобин упоминает вскользь.

Тенденцию же к *многополярности* автор оценивает с точки зрения не столько сопротивления этому Вашингтона, сколько вероятности появления новых полюсов силы, действительно способных к поддержанию мирового порядка по вестфальской схеме (последним ее гарантом были вместе США и СССР). Возможности кандидатов на эти роли он оценивает скептически. Так, Индия пытается выглядеть военно-морской державой, доминирующей в Индийском океане, но при этом не может решить проблемы, связанные с покупкой земли для строительства базы ВМС. Неэффективна даже ее береговая охрана. И вообще, Индия при ее разветвленной многопартийности с сильными локальными партиями с трудом поддается мобилизации. Экономические успехи Индии — это успехи некоторых сегментов популяции в мировой экономике и некоторых городов-районов. Нация же в целом по-прежнему пребывает в созерцательном и пассивном состоянии. Европа и Япония утратили инстинкт великодержавия (с. 177–178). Россия имеет реваншистские поползновения и жесткую силу, но слабую экономику (с. 179). В Вашингтоне модно усматривать новую силу в Иране и в

антиамериканской оси Иран — Венесуэла, особенно если у них будет ядерное оружие. Но одно ядерное оружие не делает сверхдержаву. Бразилия в роли полюса силы выглядит более правдоподобно (с. 180, 181).

Старобин подчеркивает, что многополюсный мир требует возрождения национализма, который после расцвета в XX веке, похоже, сдан в архив (там же). Это — важная мысль, и возразить на нее нечего. Но далее автор переводит свое наблюдение, хотя и не очень решительно, в нормативный план, склоняясь к мысли, что «для постамериканского мира национализм может быть *полезен*» (с. 182). Однако это вовсе не очевидно. Во всяком случае, аргументация, приводимая в книге, кажется стерильной. Ливан или Ирак нуждаются в общегосударственном национализме (то есть чувстве общей родины) для консолидации (с. 182—183)? Пожалуй, да, но так ли нужна их консолидация? Автор также напоминает, что национализм не обязательно должен быть агрессивным вовне. Это тоже правда. Но такой национализм годится лишь как утешение мелким и слабым участникам мировой системы. Таков, например, «негритюдный» гаитянский национализм. Однако к проблеме многополюсной архитектуры мирового порядка он отношения не имеет. Многополюсная (двухполюсная и больше) система — это круговой мирный договор на основе баланса сил гарантов этого договора, то есть система, в которой мир обеспечивается не оборонительным изоляционистским национализмом участников, а силовым паритетом активных и «азартных» (чтобы не сказать «агрессивных») национализмов. Такой мир, конечно, лучше ссоры, но, как показал опыт, он хрупок и рискован. На очереди, как я думаю, не многополярность, а коллегиальность в управлении миром³, но этот вариант Старобин не обсуждает, хотя статью Ричарда Хааса в другом месте упоминает.

Китайский век автор рассматривает в понятиях то ли культуры, то ли геополитики — не очень понятно. В любом случае, называя предстоящий век «китайским», он определенно отсылает нас к прошедшему «американскому веку» как прецеденту, что позволяет увидеть в Китае следующую доминирующую цивилизацию с собственной миссией — исторического субъекта, принявшего от Америки эстафету универсальной цивилизации, равно как и мирового геополитического (имперского) гегемона.

Дорога к «китайскому веку», пишет Старобин, будет похожа на дорогу к американскому — зигзаг, порожденный экономическими императивами вкупе с затруднениями и просчетами конкурентов (с. 188). Иными словами, Китай, как и США в недавнем прошлом, геополитически совсем не рвется к роли мирового жандарма. По меньшей мере официально китайцы не соглашаются считать себя империалистами. Автор приводит интересные наблюдения, как будто бы подтверждающие подобную саморепрезентацию Пекина. Например, инвестируя в минеральные ресурсы Чили, Китай настойчиво подчеркивает, что его политика — невмешательство, что он не рвется к контролю над ресурсами и что инициатива двусторонних отношений исходит от Чили. Интересно, что большинство чилийцев думают так же; согласно опросам они больше доверяют Китаю (55 проц.), чем США (28 проц.) (с. 198—202). Самая трудная для Китая задача — сконструировать глобальный нарратив, который помог бы остальному миру смириться с его доминирующим положением. Север, как считает автор, не примет китайский нарратив, но он и обращен не к богатому Северу (с. 206—207), а к Югу, где он не встретит серьезного сопротивления (с. 209—210). Если Китай станет «мягкой» сверхдержавой, какой была когда-то Америка, то его доминирование в мире вряд ли удастся предотвра-

тить (с. 212). Хорошо, что Китай, как думает Старобин, совершенно равнодушен к чужой культуре и порядкам, то есть никому не будет мешать самоуправляться по-своему. А если учесть, что в плане потребления Китай быстро вестернизируется, то его гегемония вообще в большой мере может свестись к его весу и, стало быть, к структурному значению в мировой экономике.

Если выдвижение Китая на роль сверхдержавы и ядра мировой экономики означает лишь смену паровоза у того же самого поезда, идущего по тем же самым рельсам, то наступление *эпохи городов* предполагает, что по тем же рельсам пойдет поезд, составленный из вагонов другого типа. Главным структурным компонентом мирового порядка в этой перспективе станут не государства-нации (национал-государства), а мегаполисы, или, если угодно, «города-государства». Автор дает наглядное представление об этой новой архитектуре мирового порядка, говоря о саммитах, где будут совещаться влиятельные мэры городов вместо глав государств (с. 220). Я добавил бы к этому такой интересный образец геополитической семиотики, как термин «правительство Москвы» (кстати, Москву Старобин характеризует как «Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Лас-Вегас, вместе взятые» — с. 218). Убеждение, что Москва это не Россия, кажется, очень сильно среди российской общественности. Не менее сильно в соответствующих странах ощущение, что Нью-Йорк или Лос-Анджелес — это не США, а Лондон — не Великобритания. Единство национальной экономики в многообразной Америке, пишет Старобин, — это фикция (с. 217), такая же, как единая экономика Индии или Китая. Добавим: и России, и Бразилии, и Мексики. Конечно, материальную структуру мирового сообщества уже сейчас реалистичнее представлять в виде сети мегаполисов с условно пустым пространством между

ними⁴. И этой материальной структуре уже соответствуют некоторые эскизные организационные структуры с собственной дипломатической средой. Но сумеет ли такая дипломатическая среда вытеснить нынешнюю среду межгосударственных отношений, совсем не ясно, и пока даже не видно, чтобы это начиналось.

Старобин об этой стороне дела ничего не говорит, но больше внимания обращает на проблематичность консолидации «городов-государств». Главная их проблема, пишет он, труппы и огромная масса второсортных, то есть не включенных полностью в местные уравнивательные социальные сети, резидентов, — это те, кого в античной Греции называли *metoiki*: их 49 проц. в Торонто, 35 в Лос-Анджелесе, 27 проц. в Лондоне (с. 236). Автор, сказав «а», не говорит «б». Скажем это за него: в мегаполисах реальнее всего гражданская неравноценность населения, то есть им еще предстоит то, что уже сделано в переселенческих нациях, а именно конституционная консолидация, без которой они опять-таки не могут стать настоящими конкурентами государств в системе мирового порядка. Но если все же станут, к лучшему ли это? Как считает Старобин, возникнет новый субъект национализма на месте старого (с. 237), но поскольку «города-государства» меньше склонны к насилию (с. 238), они будут конкурировать за престиж и привлечение к себе богатых людей, а также за репутацию хорошего управления. Однако «города-государства» не лучшее место для демократии, в них и раньше правили автократы и олигархи (с. 240–241). Города уже были главной геополитической агентурой антропосферы в доиндустриальную эру. Их возвращение в этой роли на место национал-государств, которые как будто бы начали атрофироваться, — увлекательный сюжет, заслуживающий более подробного

рассмотрения. У него много аспектов, не затронутых в книге.

Последний вариант постамериканского мира, упоминаемый Старобинем, это «*универсальная цивилизация всемирного народа*». Она возникает по трем осям: торговля — права человека — здоровье планеты (с. 244). У этой темы два аспекта — ценностно-содержательный и структурно-организационный. Автор не разделяет их достаточно четко и в главе на эту тему говорит почти исключительно о втором. В структурном аспекте, как показано в книге, мир уже сильно продвинулся вперед: существует множество глобальных институтов, глобальные медиа (с. 242–243), быстро происходит глобализация коммерческого права (с. 247). Вообще унифицируется вся правовая среда вплоть до судебной процедуры. Сейчас уже действует около двадцати всемирных судов; Старобин упоминает только *ICC* (Международный уголовный суд) и почему-то не говорит о сопротивлении Вашингтона этой инициативе. Носятся в воздухе идеи глобальной системы регуляции финансовой индустрии и глобальной валюты (вместо доллара) — их авторитетный сторонник Пол Волкер. Обсуждается также возможность глобального гражданства и глобального правительства. Еще совсем недавно ратовать за это могли только «чайники». Сейчас же это вполне уважаемые идеи даже в глазах академии, видимо циркулирующие и в коридорах власти. Автор ссылается на Ричарда Бёрта — бывшего посла США в Германии, а ныне сотрудника Центра глобальных консультаций Генри Киссинджера, который без обиняков говорит, что ТНК предпочли бы всемирное правительство (с. 249).

Как американец Старобин, естественно, беспокоится о том, как ответит сама Америка на вызов «постамериканского века»: сумеет ли она найти адекватный

ответ, не угрожающий ни ей самой, ни всемирному сообществу. Задача не простая, и Америку тут подстерегают разного рода ловушки. Автор прежде всего уговаривает инертные имперские силы в США не бояться многополярности; для Соединенных Штатов разделение ответственности с другими, дескать, лучше и ничем им не грозит (с. 183–186). Не вполне понятно, однако, имеет ли он в виду геополитическую многополярность — баланс сил по вестфальскому типу и по типу недавней двухполярности или же коллегиальность поддержания мирового порядка. А стоило бы данный вопрос уточнить, поскольку это две разные возможности. Если он имеет в виду первый вариант, то он до некоторой степени ломится в открытую дверь, поскольку Вашингтон пока, кажется, сам искал себе сильных врагов — сперва в виде Ирака, теперь в виде Ирана, кто будет следующим? США могут также, реагируя на конец своей гегемонии, пойти по «темному пути», как это называет Старобин. Разочарованные сорвавшейся гегемонией, американские «деревенщики» могут оказаться жертвами ностальгии по временам американской (воображаемой или нет) исключительности и законсервироваться в собственной национальной «крепости» (с. 297), возродив изоляционистскую традицию изначальной американской идеи — дарвинизм внутри, экономический национализм наружу и протекционизм (с. 38–39). Автор, как и следовало ожидать, надеется, что американское общество выберет «светлый путь», откажется от высокомерия в духе Генри Люса, приобретет способность не только учить других, но и учиться (с. 299), будет инвестировать за границей (с. 301–302).

Старобин особенно настойчиво рекомендует не поддаваться панике из-за усиления Китая. Эта паника, как он считает, совершенно иррациональна: «Если Америка уступит

гегемонию Китаю, это будет болезненно не столько для ее кармана, сколько для ее ментальности. Конечно, к любому варианту постамериканского мира Америке придется ментально и психологически адаптироваться, но в случае прихода «китайского века» эта адаптация будет особенно трудной. Об этом предпочитают помалкивать, ведь иначе придется признать, что в современном мире лидерство принадлежит «небелым», которые живут где-то далеко от очага американской цивилизации, родившейся в лоне Европы. Ядовитая смесь обиды и расовых предрассудков и неприятное подозрение, что «они башковитее нас», может оказаться очень опасной. «Китайский век» в этом смысле может быть решающим испытанием американской культурной терпимости. «Легко проповедовать глобальное разнообразие, когда тебе принадлежат господствующие позиции в этом разнообразии» (с. 213).

К счастью, значительная часть американской общественности, по-видимому, способна выдержать это испытание. Обнадёживает то, что только 38 проц. жителей США положительно ответили на вопрос, имеют ли американцы уникальную национальную идентичность (с. 296). Трудно понять, много это или мало, но, так или иначе, можно с основанием предположить, что оставшиеся 62 проц. не должны бояться утратить пресловутую идентичность и без труда заметят, как значителен американский вклад в нарождающуюся всемирную культуру. Не говоря уже о том, что ее самовозрастание идет прежде всего в самой Америке. Автор дает яркое описание Калифорнии как самого интенсивного очага этого процесса (с. 286–285). И именно в лоне американской цивилизации может зародиться некое пока совершенно непредусмотренное «*эмерджентно-новое*» — «новая социальность» по-новому технологически оснащен-

ных индивидов, ведущая к мультиполярности абсолютно неслыханного модуса. Новая и гораздо более мощная технологическая оснащенность индивида подорвет давнюю политическую традицию с ее вертикалью. На месте полюса силы (власти) возникнут мириады полюсов. Такого рода «полезный хаос» (*happy chaos*) не будет миром случайности и беспорядка. «Высокооснащенные индивиды станут способны, напрямую общаясь каждый с каждым, создать свои собственные модусы (*patterns*) совместности» (с. 153). Это красивый азартный образ глобальной системы как федерации суверенных индивидов, некоторым образом «индивидов-государств». До сих пор подобное казалось невероятным и никак не подтверждалось реальностью. Здесь пахнет просто иной реальностью — к худу или к добру.

Стоит заметить по поводу этой фантазии, что такая экстраполяция давно идущего процесса эмансипации личности совпадает с нормативной утопией неоклассическо-неолиберальной экономической теории — обществом-рынком, где единственный легальный агент — индивид и где нет никаких промежуточных коллективностей. Совпадает она и с анархическим идеалом безгосударственности. Тем самым, как бы ни выглядели конкретно «новые паттерны», в их основе все-таки обнаруживается либерал-экономическая американская мечта. И если так случится, то это будет означать, что «американская идея» продолжает свое существование и, таким образом, слухи о ее смерти все-таки преувеличены, а американский век будет еще продолжаться, если угодно, без Америки. Во всяком случае, без Америки как мирового жандарма. Если, конечно, именно так и будет. До чего еще в любом случае далеко. ■

АЛЕКСАНДР КУСТАРЁВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y.: Random House, 1987.

² *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

³ См.: *Кустарёв А.* Цивилизация-должник: вызов

и ответ // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13. № 5–6. *Haas R.* Non-Polarity // *Foreign Affairs*. Spring 2008.

⁴ Как это делает часто цитируемый Кеничи Омае. См.: *Kenichi Ohmae.* The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. N. Y.: Simon and Schuster, 1995.

Алексей Арбатов. Уравнение безопасности. М.: РОДП «Яблоко», 2010. 296 с.

Понятие «безопасность» в последние полтора десятилетия наполнилось таким количеством смыслов, что, похоже, утратило всякий смысл. В предыдущие два тысячелетия стоило лишь произнести это слово, как сразу же в воображении возникали тысячи людей с копьями, арбалетами, мушкетерами, винтовками, а потом и с автоматами, которые защищают рубежи империй, феодальных княжеств, национальных государств и их союзов. С тех пор как холодная война кончилась, а глобализация и информатизация стали повседневной реальностью, под безопасностью или, точнее, политикой безопасности понимаются практически любые меры по предотвращению каких бы то ни было потенциальных вызовов суверенитету государства, стабильности общества, жизни и здоровью граждан. В странах с не вполне демократическими правительствами к этому добавляются (а скорее, доминируют) вызовы существующему политическому режиму, которые подрывают позиции руководства у кормила власти. Не обходится без курьезов и жонглирования смыслами. «Политика обеспечения продовольственной безопасности», предложенная некоторое время назад лоббистами российского агропромышленного комплекса (правда, без особого успеха или резонанса), мне представляется одним из

символов размывания понятия «безопасность». Книга Алексея Арбатова «Уравнение безопасности» — удачная попытка вернуть этому понятию смысл, прежде всего в российском контексте, обозреть и проанализировать реальные, а не мнимые вызовы безопасности российского государства и общества, в первую очередь — но не только — в сфере обороны и внешней политики.

Сказать, что Алексей Арбатов не нуждается в представлении читателям *Pro et Contra*, было бы на первый взгляд справедливо. Депутат Государственной думы от партии «Яблоко» в течение десяти лет (1994–2003), публицист и ученый, автор рецензируемой книги — несомненно, известный человек и состоявшийся политик. Тем не менее далеко не все знают, например, о ранении Арбатова во время одной из его многочисленных поездок в Чечню, о том, насколько история его семьи, и прежде всего фронтовой опыт отца, академика Георгия Арбатова, идейно повлиял на принципиально антиавторитарное мировоззрение сына. Об этом тоже можно прочесть в книге. Читать ее интересно, хотя со многими соображениями Алексея Георгиевича хотелось бы поспорить.

От личного взгляда на идейно-политические итоги XX века, и в особенности на последствия холодной войны,

через анализ отношений России с соседями, Европейским союзом, Соединенными Штатами и Китаем к обсуждению военной реформы (или, скорее, ее необходимости) и вызовам будущего — такова, в общих чертах, канва книги.

Первые главы, посвященные истории, мне показались очень важными. В конце концов, обсуждать конкретные вопросы, связанные с угрозами безопасности, можно только четко представляя себе, каковы национальные интересы страны. В России ни политики, ни образованная часть общества пока такого представления не имеют, поскольку до сих пор так и не решили, что за страна сегодняшняя Российская Федерация: нежеланный плод исторической случайности или же закономерный этап развития, шанс создать современное государство, уважающее своих граждан.

Пожалуй, только история Второй мировой войны и сталинского периода вызывает большие споры среди думающего меньшинства, чем события, приведшие к краху СССР. Без честного ответа на вопрос: «Почему это случилось?» — российское общество не сможет разобраться, что ему дальше делать с собой и со своей страной. Большая часть граждан России убеждена в том, что гибель Советского Союза — результат несчастливого стечения обстоятельств, политических промахов Михаила Горбачёва, а также явных и тайных махинаций Америки. Алексей Арбатов отмечает этот удобный для большинства соотечественников подход, позволяющий снять с себя ответственность как за катастрофическое прошлое, так и за принятие осознанных решений о будущем России. «Россиянам еще предстоит по-настоящему осознать, что они живут в стране, кардинально отличающейся от Советского Союза, что ее возникновение было вызвано не исторической случайностью, не заговором внутри или вовне и не просчетом руководства — оно было

обусловлено объективным ходом событий, — пишет Арбатов. — А приход к власти Михаила Горбачёва, выдвижение Бориса Ельцина и провал августовского путча 1991 года были лишь субъективными катализаторами... давно назревших перемен. Они определили формы, но не суть происходящего» (с. 30).

С этим согласно большинство не только серьезных исследователей, но и просто образованных людей в странах Запада. Но в сегодняшней России, где ностальгия по СССР стала чем-то вроде полуофициального сертификата благонадежности, подобная мысль звучит неожиданно свежо, да еще из уст политика и исследователя, далекого от радикализма. Автор «Уравнения безопасности» пишет о победе России в холодной войне, поскольку освобождение от репрессивной и неэффективной империи и установление нормальных, невраждебных отношений с окружающим миром считает именно победой.

Точно так же он бескомпромиссен, говоря о неспособности современного политического класса России порвать со сталинизмом («как по методам, так и по катастрофическим результатам внутри своих стран эти режимы [Сталина и Гитлера] были весьма сходны» — с. 61), коррупцией («неизбежный и глубоко встроенный элемент сложившейся системы» — с. 40), изменить структуру государственного управления России («конгломерат ведомств, сросшихся с кланами крупного бизнеса и уже сформировавших свои собственные материально-бюрократические интересы» — с. 36).

Многие скажут: «Ничего нового в этих оценках нет. Достаточно послушать радио “Свобода” или почитать “Новую газету”». Это так, но в сознании большинства реформаторски настроенных интеллигентов политика безопасности остается чем-то отдельным, а иногда и не до конца понятным. Своей книгой Арбатов напоминает о том, что состояние политической системы напрямую связа-

но с тем, насколько защищенной чувствует себя страна. Автор книги был заместителем председателя думского комитета по обороне, и одно время его имя называлось (а при определенных обстоятельствах, возможно, будет названо вновь) в числе потенциальных кандидатов на высшие посты в военном ведомстве, а потому его анализ российской армии вызывает особый интерес. В то время как многие аналитики, даже реформаторского толка, концентрируются на вопросах комплектования армии (призывная или добровольческая?), технологического отставания от стран НАТО (а скоро и Китая) и оргштатной структуры (округа или направления, дивизии или бригады?), Арбатов сразу формулирует главную проблему — о необходимости установления демократического гражданского контроля над вооруженными силами. Для него «этот вопрос не только имеет право на существование, но и вполне назрел в российской политике обороны и безопасности» (с. 184). По мнению Алексея Георгиевича, это касается в том числе формирования механизмов контроля и над «святая святых военной политики» — ядерными вооружениями.

Арбатов, много занимающийся именно стратегическими вооружениями, компетентно и интересно пишет об одной из самых загадочных сфер политики безопасности — механизме принятия решения о применении ядерного оружия. В то время как в Соединенных Штатах эта процедура хорошо описана и логично вписывается в систему госуправления, в России, считает автор, царит полная неразбериха, в том числе и конституционная, и связано это с унаследованной от СССР схемой принятия решений. Знаменитым «ядерным чемоданчиком» обладает не только Верховный главнокомандующий (то есть Президент России), но и министр обороны и начальник генштаба. Кто отдает окончательный приказ о запуске ядерных ракет? Может ли кто-то принять такое

решение в обход президента, например, в случае неожиданного политического кризиса в верхах? Как будет реагировать система на террористический акт с применением ядерного оружия? В общем, какова цена ошибки? Арбатов прав, когда пишет, что в этой, казалось бы, сугубо технической проблеме, «как в капле воды, отражаются глубинные основы устройства общества и государства» (с. 192), и предлагает принять конкретные решения, чтобы сделать эту сферу более прозрачной и понятной для общества: покончить с тотальным засекречиванием огромного массива оборонной информации; расширить роль законодательной власти в разработке военной политики; сделать Совет безопасности РФ своего рода «надзирающим органом» в отношении силовых ведомств; принять закон «О правопреемстве верховного командования»; широко привлекать академическое сообщество к работе над решениями в области обороны и безопасности.

Нельзя не согласиться и со многими другими оценками автора, которые он дает на страницах «Уравнения безопасности». Китай, хотя и не представляет пока непосредственной военной угрозы, никогда не будет по-настоящему стратегическим партнером Москвы. Иран стремится к обладанию ядерным оружием, и это однозначно опасно для России. Российский политический класс поддерживает нераспространение оружия массового уничтожения на словах, но на деле далеко не всегда готов противодействовать тем государствам, которые это оружие жаждут иметь.

Вместе с тем книга «Уравнение безопасности» содержит немало парадоксов, а иногда и прямых противоречий. Порой кажется, что автор разрывается между зачастую печальными, но необходимыми выводами, которые он делает как честный исследователь и политик, и желанием быть предельно корректным в отношении политического курса российского руководства. Наверное, наиболее уяз-

вимым местом данной работы оказывается некритическое принятие Арбатовым идеи «многополярного мира» как в целом здоровой и даже полезной для России, и его убежденность, о которой он неоднократно пишет на страницах книги, что именно Запад, и прежде всего США, виноваты в неудачах российских реформ и в уменьшении роли Москвы в мировых делах. Здесь и кроется основное противоречие: предлагая гражданам и элите честно осмыслить советский опыт и отказаться от него, автор одновременно фактически снимает с них ответственность за неудачи и невнятность внешней и оборонной политики последних десяти лет. Если признать, что всему виной, скажем, операция НАТО в бывшей Югославии или, например, американское вторжение в Ирак без санкции ООН, то тогда воинственная риторика российских руководителей оправдана.

Если же все дело в неспособности политического класса России сформулировать ясные общественные цели демократического и правового развития России и воплощать их в жизнь без оглядки на личные или ведомственные интересы, то тогда ни ошибки администрации Буша, ни нерешительность Европейского союза, ни враждебность бывших союзников по соцлагерю не могут и не должны этому мешать. Беда в том, что под многополярностью многие в Москве понимают не просто констатацию объективного процесса усиления позиций одних стран и ослабления других, а некую идейную конструкцию. В ней под «справедливым мировым устройством» понимается всяческое ограничение роли западных стран, и прежде всего Соединенных Штатов, в мировых делах. «Многополярный мир» — это мир, в котором нет места ценностям, а господствует голый интерес. Это мир, в котором никто не задает неудобных вопросов авторитарным режимам. Это, по большому счету, мир весьма неуютный для России, которая не только не выглядит в нем самым

сильным или притягательным «полюсом», но и оказывается перед крайне непростой задачей, как в одиночку противодействовать значительно более сильному Китаю. Надежды на гармоничное управление мировыми процессами в таком мире иллюзорны, потому что у участников не будет общих ценностей, которые позволят им совместно оценивать проблемы и искать решения. Многополярность и концепция «особого пути» — это прежде всего не внешне-, а внутривнутриполитические инструменты сохранения статус-кво. Инструменты, отметим, не очень эффективные.

Впрочем, Алексей Арбатов сам пишет об этом на страницах «Уравнения безопасности». Он подвергает жесткой критике евразийство, которое на самом деле идейно очень близко многополярности. «Истинный... идеологический разлом ныне пролегает между либерально-демократическими ценностями и исламским радикализмом, между Севером и Югом, глобализмом и антиглобализмом», — утверждает автор (с. 51). Сегодняшняя Россия, считает он, хотя и не в полной мере приемлет либеральные ценности, но и к радикальным антизападным силам никогда не примкнет. Но если это так, то тогда политическим лидерам стоит сказать об этом прямо. Это позволило бы не просто создать новую атмосферу в отношениях России с ее главными партнерами в Европе и Америке, но и мобилизовало бы деятельную часть российского общества, ориентированную на интеграцию с Западом, а не эмиграцию туда.

Книга Алексея Арбатова, несмотря на упомянутые противоречия, чрезвычайно полезна в нашу новую эпоху, поскольку предлагает конкретную программу изменений в сфере обороны и безопасности. Вопрос «Что делать?» слишком часто оставался в России без ответа. К счастью, книге «Уравнение безопасности» такую претензию предъявить невозможно. ■

КОНСТАНТИН ФОН ЭГЕРТ

David Shambaugh. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation. Wash.: Woodrow Wilson Center Press; Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2008. 234 p.

Lily L. Tsai. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge Univ. Press, 2007. 368 p.

Prisoner of the State: The Secret Journal of Zhao Ziyang / Translated and edited by Bao Pu, Renee Chiang, Adi Ignatius. N. Y.: Simon & Schuster, 2009. 336 p.

Самое загадочное в китайской политической системе это то, что она почему-то все-таки работает. С теоретической точки зрения, авторитарная однопартийная система, где правители лишены каналов адекватного информирования (в частности, при отсутствии свободных СМИ) и стимулов работать эффективнее (в частности, при отсутствии оппозиции и выборов); где при этом нет жестких репрессий, а идеология, похоже, атрофировалась; и где в довершение всего огромные финансовые потоки создают колоссальное коррупционное давление на всех уровнях, — такая система обречена на вырождение, на клептократическую импотенцию. Политологи до сих пор так и не предложили удовлетворительного объяснения, почему Китай не превращается в Нигерию или Россию. Понятно, что в Китае в условиях быстрого экономического роста режиму проще сохранять дееспособность, но это мало что объясняет: умение обеспечить такой рост само по себе является признаком исправно функционирующей политической системы.

Дэвид Шэмбоу, профессор Университета Джорджа Вашингтона, в своей книге «Коммунистическая партия Китая: упадок и адаптация» пытается проследить, какие именно шаги предпринимала китайская компартия, чтобы избежать судьбы КПСС. Российскому читателю будет любопытно уже

та интенсивность рефлексии, которая возникла в Пекине в связи с крахом «большого брата». Но еще более интересна — если не сказать, уникальна — способность китайского режима сделать какие-либо конструктивные выводы из того, что произошло с СССР, а тем более воплотить их в жизнь: немногие режимы умеют учиться на чужих ошибках. И если в первое время, как пишет Шэмбоу, китайские элиты объясняли начавшиеся в Советском Союзе изменения в основном проводимой Западом (и лично Джорджем Соросом) подрывной политикой, то уже в 1992 году их внимание переключилось на системные факторы. Помимо ухудшения экономической ситуации и резкого снижения уровня жизни в странах советского лагеря в 1980-х, Пекин отмечал также и организационные ошибки, допущенные непосредственно компартиями. Среди прочего аналитики КПК указывали на авторитарность политического руководства, отрыв правящих партий от народа, деградацию низовых парторганизаций, разложение номенклатуры и недостаточную идеологическую гибкость.

Соответственно, пишет Шэмбоу, КПК адаптировалась по двум направлениям — идеологически и организационно. И если идеологическая адаптивность была заложена еще в выдвинутом Дэн Сяопином лозунге «Практика — главный критерий истины», то с организационной точки зрения КПК взяла

курс на повышение «управленческих возможностей партии» и «поддержание передового характера» своих членов. Общеизвестно, что в Китае существует жесткая система ротации и обновления руководства, в том числе и высшего. На слуху и расстрелы пойманных на коррупционных преступлениях высокопоставленных чиновников. Менее известно, что в КНР действует разветвленная система отбора номенклатурных кадров и повышения их квалификации. Ключевое ее звено — это Центральная партийная школа (ЦПШ) в Пекине, где партийные боссы высшего уровня (замминистры, мэры, секретари обкомов) проходят обучение, а заодно подвергаются тщательной проверке со стороны старших товарищей и одновременно закладывают фундамент своих собственных альянсов и социальных сетей для будущей деятельности. Однако помимо ЦПШ в стране существуют сотни других партшкол разного уровня, где точно таким же образом проходят обучение, отбор и индоктринацию партийные функционеры различных рангов. В программе, наряду с «тремя источниками» (марксизм-ленинизм, работы Мао и доктрина Дэн Сяопина), содержатся «пять современных курсов», призванных дать слушателям представление о мировой экономике, праве, тенденциях технологического и научного развития, мировых идеологических трендах.

Тем не менее Шэмбоу не отвечает на главный вопрос: почему же все-таки созданная китайцами система не вырождается в российскую. Конечно, действующие механизмы ротации и фильтрации командного состава крайне важны, но неясно, почему в условиях авторитарной системы с атрофировавшейся идеологией и высоким уровнем коррупции они не превращаются в полнейшую фикцию. Отчасти, вероятно, такое вырождение имеет место: сам Шэмбоу приводит многочисленные примеры поборов и взяток в упомянутых выше партийных школах; уровень обучения в

них нередко крайне низок. В одной из региональных партшкол, например, посещаемость занятий, как выяснилось, колебалась на уровне 20 проц., а почти 70 проц. выпускников, благополучно получивших дипломы, так и не освоили предусмотренные программой курсы. Еще большей фикцией должны были бы стать (исходя из отечественного опыта) мероприятия вроде кампании по повышению дееспособности трех с половиной миллионов первичных ячеек КПК, а также по созданию парторганизаций на предприятиях частного сектора. Так, выборы глав деревенских парторганизаций теперь в 20 проц. случаев проходят с участием нескольких кандидатов, а на выборах глав деревенской исполнительной власти этот показатель еще выше.

Новаторскую попытку выяснить, что же именно происходит в тех самых деревнях, предпринимает в своей книге «Подотчетность без демократии: местные общины и предоставление общественных благ» американский политолог Лили Цай из Массачусетского технологического университета. Отправной точкой для Цай стало сравнение двух посещенных ею деревень в китайской глубинке. Формально, по своим демографическим, экономическим и географическим параметрам, эти деревни были похожи как две капли воды; соответственно, тамошние руководители имели в своем распоряжении примерно одинаковые ресурсы. И все же существенное различие между двумя населенными пунктами бросалось в глаза: если одна из деревень могла похвастаться свежесостроенной дорогой, то во второй местные жители с трудом пробирались на своих велосипедах через грязь и рытвины. Получается, предположила Цай, что дело вовсе не только в доступности финансирования, но и в том, как им распорядиться. Но тогда встает вопрос, почему в одной деревне местные начальники строят дорогу на благо односельчан, а в другой тратят

все доступные средства на строительство нового здания сельской администрации. В случае демократических обществ проблема контроля за работой местных властей решается благодаря их подотчетности местному населению: работает мэр хорошо — его переизберут, нет — прогонят вшаей. Если же коррумпированный, неэффективный мэр годами и десятилетиями остается у власти, можно предположить, что в данном случае механизм подотчетности просто отключен: опираясь на бандитов-подручных, местного предпринимателя-олигарха, «карманную» прессу и тому подобные средства, этот градоначальник исключил возможность появления конкурентов, а тем более их победы.

Между тем в Китае мэры неподотчетны своим «избирателям»: деревенских (и не только) руководителей фактически назначают сверху. При этом, как известно, китайские власти в последние годы активно проводили политику децентрализации, предоставляя местному руководству больше самостоятельности, а также возможность распоряжаться дополнительными ресурсами (налоговыми поступлениями), которые те или иные деревни, города и области получают в результате успешного развития. Как показывают исследования, на уровне провинций действует достаточно жесткая система награждения лидеров и наказания отстающих, когда карьера региональных боссов зависит от того, какие темпы экономического роста им удалось обеспечить. На уровне же деревень эта система бюрократического контроля сверху не функционирует, утверждает Цай (не слишком, впрочем, подробно обосновывая свое утверждение). Соответственно, возникает вопрос, почему некоторые из деревенских начальников все же работают эффективно и предоставляют своим односельчанам общественные блага, вроде дорог, новых школ и т. д. Ведь, руководствуясь собственными интересами, они должны были бы направ-

лять на нужды своих сограждан абсолютный минимум, необходимый для поддержания социальной стабильности, а все остальные ресурсы присваивать.

Согласно гипотезе Цай, все дело в неформальной подотчетности: в одних деревнях мэры и партийные секретари осознают себя частью местного сообщества, в других — нет. В итоге в первом случае местные руководители ощущают моральное давление со стороны общины, достаточное для того, чтобы принудить их к добросовестному исполнению своих обязанностей. Во втором они не чувствуют никаких моральных обязательств перед согражданами и ведут себя как им заблагорассудится. По мнению Цай, в качестве сообществ, оказывающих моральное давление на чиновников, выступают в том числе храмовые общины и родовые группы (кланы). Несмотря на десятилетия коммунистического режима и «культурную революцию», традиции подобных объединений все еще очень сильны в сельском Китае и в последние годы переживают настоящий ренессанс. Даже самые бедные крестьяне считают своим долгом жертвовать средства на ремонт и содержание деревенского храма, на организацию ритуальных торжеств и тому подобные нужды. И мэры, и партийные секретари зачастую принимают активное участие в этой деятельности и, в свою очередь, опираются на авторитет общины и ее лидеров при решении стоящих перед ними задач. Там же, где влияние общины отсутствует, дороги плохи, школы не ремонтируются, а деревенский бюджет разворовывается.

Сформулировав эту гипотезу по итогам глубокого «погружения» в жизнь нескольких деревень, Цай проверила ее с помощью масштабного исследования, получившего приз Американской ассоциации политических наук (APSA). Нанятые Цай местные студенты объехали более 300 специальным образом отобранных деревень и оценили как интен-

сивность общинной жизни, так и качество общественных благ, предоставляемых местными чиновниками. Как оказалось, качество общественных благ было выше там, где границы деревни совпадали с границами местной храмовой или родовой общины. Там же, где в одной деревне жили представители нескольких групп, местные чиновники работали гораздо хуже. В первом случае, по мнению Цай, они не могли не считать себя членами местного сообщества, связанными соответствующими моральными обязательствами. В другом же случае, где сообщество было раздроблено, местное руководство стремилось не работать на благо всей деревни, а помогать «своим». Соответственно, в таких деревнях могло оказаться, что дорога, например, замощена только в «правильном» квартале.

Теория Цай выглядит красиво, ее доказательства звучат убедительно. Другое дело, что эта теория применима к наиболее консервативным, наименее затронутым модернизацией сегментам китайского общества. Конечно, в контексте таких сплоченных, гомогенных общин, о которых пишет Цай, с их значительным социальным капиталом, выстроить работающую систему «неформальной подотчетности» проще. Но вопрос состоит в том, как управлять другим Китаем — постоянно разрастающимся государством рабочих-мигрантов, оторванных от своих сельских корней горожан, где вышеописанные механизмы по понятным причинам не действуют.

На фоне этих и подобных им рассуждений политологов крайне интересны вышедшие весной 2009 года мемуары Чжао Цзыяна (1919–2005), занимавшего пост генерального секретаря Компартии Китая во время событий на площади Тяньаньмэнь *. В силу особых

обстоятельств написания этих мемуаров они стали первым и пока единственным текстом китайского руководителя столь высокого ранга, не прошедшим перед выходом в свет официальную цензуру. (История текста имеет вполне детективный характер, но его аутентичность сертифицирована ведущим западным специалистом по современному Китаю, гарвардским профессором Родриком Макфаркваром, сопроводившим книгу своим предисловием.) Мемуары Чжао написаны чрезвычайно скучным, суконным языком, знакомым любому, кто читал воспоминания позднесоветских функционеров. Остается открытым вопрос о самоцензуре, а кроме того, описываемые события бывший генсек, разумеется, видит сквозь призму последующих многолетних размышлений о современной китайской истории и о своем месте в ней. Самим появлением этих мемуаров мы обязаны тому обстоятельству, что в 1989 году Чжао был смещен со своего поста за чересчур мягкую позицию по отношению к протестующим студентам и следующие полтора десятка лет провел под домашним арестом. Интересно, впрочем, что, как и в случае Хрущёва, Горбачёва или Ельцина, в предшествующей биографии Чжао, типичного китайского аппаратчика времен Мао, ничто не указывало на будущего реформатора и диссидента.

Самое, пожалуй, интересное в книге Чжао — это механизмы власти в эпоху Дэна, важные для понимания не только Китая той поры, но и других режимов. Хотя автор и не подвергает устройство власти отдельному анализу, оно отчетливо проступает в многочисленных эпизодах. Система, как ее описывает Чжао, состоит из двух основных элементов: «бессмертных» ветеранов, партийных старейшин, с одной стороны, и следующего за ними поколения более молодых (шестидесятилетних) руководителей, к которым в 1980-х принадлежал и сам

* Чжао Цзыян занимал пост генерального секретаря ЦК КПК с 1987-го по 1989 год. До этого в течение семи лет (1980–1987) Чжао был премьером Государственного собрания КНР.

автор. «Молодые» руководители занимали ключевые государственные посты, осуществляя оперативное управление страной. Старейшинам были отведены почетные должности членов политбюро или специально созданных консультативных органов, но по большей части они были отстранены от повседневного управления. Согласно описанию Чжао, «молодые» руководители, по сути, играли роль менеджеров, назначенных неформальным «советом директоров», то есть старейшинами, для управления партией и страной. Подобно членам совета директоров, старейшины имели полный доступ ко всей необходимой информации, совершали инспекционные поездки по стране, выступали с программными речами. В описываемый период главным среди старейшин, непрекаемым лидером был, безусловно, Дэн Сяопин. Решения Дэна считались окончательными, однако им, как правило, предшествовал довольно длительный период неопределенности, когда предложенная действовавшим руководством страны политика еще не была «освящена» решающим словом «верховного лидера» и, по сути, оставалась открытой для обсуждения. Ключевые решения, например, о смещении Ху Яобана, Дэн объявлял именно на совещании со старейшинами. Показателен эпизод, в котором один из старейшин не мог присутствовать при принятии одного из таких важных решений, поскольку был в отъезде: после того как совещание состоялось, Дэн немедленно отправил к нему в Шанхай личного эмиссара, чтобы тот не почувствовал себя исключенным из процесса выработки решений.

Мнение «молодых» руководителей и «старейшин» не обязательно совпадало, в том числе и по наиболее ключевым вопросам. Старейшины могли быть недовольны действиями руководства и иногда выражали свое недовольство в завуалированной или даже публичной форме, могли саботировать

выполнение принятых решений в рамках непосредственно подведомственных им департаментов, но они не имели возможности напрямую вмешиваться в оперативное управление и отменять принятое генсеком или премьером решение: любая подобная ревизия должна была быть проведена через официальные каналы. Вместе с тем при принятии каждого стратегического решения «молодым» руководителям необходимо было добиваться согласия старейшин, пусть и неохотного. Раз за разом Чжао описывает, как он ездил к старейшинам домой, согласовывал с ними тексты стратегических документов, пытался повлиять на них, прибегая к посредничеству дружественных ветеранов рангом ниже. Иногда приходилось даже изменять семантические трюки, соглашаясь включить в документ особенно важный для того или иного старейшины лозунг, придав ему при этом совершенно иное значение. По отдельным вопросам старейшины могли упорствовать, сигнализировать о своем недовольстве (например, демонстративно уходя из зала в момент оглашения неудобного им документа), но в итоге вынуждены были подчиняться партийной дисциплине. Однако «менеджеру», который систематически оказывался не способен создать устойчивую коалицию поддерживающих его старейшин, грозил провал. Как пишет Чжао, сопротивление старейшин фактически парализовало деятельность Ху Яобана еще за год до отставки последнего.

Из мемуаров Чжао Цзыяна становится очевидно, что никакой прозорливой стратегии китайских реформ, последовательно реализуемой Компартией Китая, не было. Чжао настаивает, что к моменту его назначения премьером в 1980 году у него не было ни готового плана реформ, ни даже понимания того, в каком направлении двигаться: им руководило лишь острое осознание неэффективности китайской экономики и необхо-

димости изменить эту ситуацию. Подобный подход означал, что единства мнений не было даже среди «реформаторов». Так, Ху Яобан был, наоборот, сторонником быстрых темпов роста, постоянно требуя «досрочно учесть» все и вся. По этому поводу между ним и осторожным Чжао с его призывами к повышению эффективности, то есть к качественному улучшению, постоянно возникали разногласия. О других членах руководства и говорить не приходится. Ху и Чжао проводили свои реформы, преодолевая жесткое сопротивление со стороны и консервативных старейшин (которые еще в 1980-х перечитывали работы Ленина, чтобы лучше «понять» современный капитализм), и ультраевых маоистов. Например, предложение сдать значительную территорию на острове Хайнань в аренду гонконгским девелоперам (выдвинутое, кстати, не реформаторами в Пекине, а местным партийным секретарем) вызвало шквал обвинений в «потере достоинства», было названо «оскорблением для [китайского] народа и предательством национального суверенитета». Сопротивление старейшин оказалось достаточно сильным, чтобы убедить Дэна приостановить проект.

Показательна также история введения в конце 1970-х—начале 1980-х годов семейного подряда на селе, когда крестьянским домохозяйствам, по сути, было разрешено брать землю в долгосрочную аренду. По свидетельству Чжао, практика эта зародилась стихийно в беднейших провинциях. Еще в 1978-м решения пленума ЦК напрямую запрещали семейный подряд. Однако уже в 1979 году на очередном пленуме была принята оговорка «за исключением особых условий, когда это необходимо в силу особенностей выращиваемой культуры или когда отдельное домохозяйство расположено в недоступной горной местности». Вдобавок, пишет Чжао, ему удалось изменить формулировку: вместо первоначального «семейный подряд запре-

щается» в итоговом варианте резолюции 1979-го было написано «семейный подряд не одобряется». Это не означает, что Чжао пытался «протолокнуть» идею частной собственности на землю. Сам Чжао, по его словам, в тот момент рассматривал введение семейного подряда как экстренную меру, приемлемую только в беднейших провинциях, где особенно плохо обстояли дела с продовольственным снабжением. Тем не менее даже в таком варианте это предложение встречало сопротивление со стороны консерваторов: соперники Чжао могли, например, «попросить» партийную газету опубликовать письмо, якобы поступившее из сельской глубинки и критикующее семейный подряд. Чжао удалось добиться официального одобрения семейного подряда в решениях партийного пленума лишь пару лет спустя, а до тех пор в отношении этой практики шли открытые дискуссии. В частности, партийные секретари одних провинций открыто заявляли о своем отказе внедрять семейный подряд, в других же провинциях это нововведение вызывало настоящий раскол в провинциальном руководстве. Тем временем на низовом уровне внедрение подряда шло своим чередом, и партийные старейшины в Пекине узнавали о «расползании» подобной практики из провинциальных газет, а также в ходе инспекционных поездок.

В итоге «китайская модель» выработывалась не только методом проб и ошибок, но в ходе упорной политической борьбы. Каждый последующий шаг в реформе отнюдь не был предопределен стратегическим планом, а, напротив, был почти случайным результатом подкованных баталлий между различными фракциями. Так, Чжао, заняв пост генсека, вынужден был реализовывать навязанную ему консерваторами кампанию по борьбе с «буржуазным либерализмом», хотя сам он, по его словам, в принципе не одобрял ее. Его полномочий как лидера партии хватило на

то, чтобы ограничить ее размах, установив определенные правила (например, распорядившись, чтобы кампания не затрагивала экономическую сферу), но отменить ее он не мог. Мы можем сожалеть или не сожалеть о том, что Чжао не удалось реализовать политические реформы, которые чем дальше, тем больше казались ему необходимыми в конце 1980-х. Однако если взглянуть на ситуацию глазами китайской компартии, то становится очевидным, что своим выживанием и успехом КПК обязана не «вертикали власти», не авторитарному руководству Дэна, а сложившейся при нем системе коллективного руководства и встроенным в нее сдержкам и противовесам.

Такое положение дел вписывается в модель «динамичной стабильности», о кото-

рой говорит Шэмбоу. В противоположность «статичной стабильности», когда руководство или настолько испугано, или, наоборот, настолько довольно происходящим, что не способно что-либо изменить, «динамичная стабильность» предполагает необходимость постоянных перемен и адаптации. Однако, если взглянуть на вещи шире, все три рассмотренные здесь работы отвечают лишь на вопрос о том, как именно китайская система пытается адаптироваться, выживать и совершенствоваться. Вопрос же о том, почему именно здесь возникли эти уникальные механизмы, о которых другим авторитарным режимам остается только мечтать, так и остается открытым. ■

ИГОРЬ ФЕДЮКИН

Михаил Барабанов, Антон Лавров, Вячеслав Целуйко. Танки августа: Сб. статей. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. 144 с.

«Танки августа» не случайно пере-кликаются с «Августовскими пушками» Барбары Такман — знаменитой книгой о событиях, приведших к Первой мировой войне, которую Джон Кеннеди читал в дни Карибского ракетного кризиса. Такман блестяще показала, как великие державы оказались втянутыми в военный конфликт даже вопреки субъективной воле их руководителей.

Война 2008 года, начавшаяся как конфликт местного значения, быстро переросла в войну между двумя государствами, одно из которых было великой ядерной державой, а второе — фактическим союзником супердержавы США. В августе 2008-го внезапно, спустя два десятилетия после окончания холодной войны, запахло войной горячей. Сравнение с «августом четырнадцатого»

многим казалось предостережением, но не преувеличением.

В те недели президент Медведев и премьер Путин говорили о коренном повороте к худшему в международных отношениях, о готовности к новому противостоянию с США. Признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии имело смысл только как средство сдерживания реванша со стороны Грузии, непосредственно поддержанной Соединенными Штатами.

Локальная война могла бы расширяться, перерасти в региональный конфликт, если бы Виктор Ющенко — Главнокомандующий Вооруженными силами Украины продублировал своим приказом указ Ющенко-президента о принудительном досмотре российских военных кораблей, пересекающих морскую границу Украины в районе Севастополя.

Если бы ВМС Украины получили подобный приказ, российско-украинское столкновение на море было бы неизбежным.

Такой конфликт, раз начавшись, вряд ли ограничился бы морской акваторией. «Морской бой», скорее всего, перерос бы в битву за Крым. На каком-то этапе можно было бы представить себе вмешательство американского Шестого флота. После этого Черное море стало бы напоминать Карибское. К счастью, этого не произошло, но урок из событий 2008 года должен быть извлечен всеми сторонами. Сборник статей, подготовленный Центром анализа стратегий и технологий, посвящен анализу хода российско-грузинского конфликта, особенно его военным аспектам. Здесь приводится подробная, сверенная по различным источникам, хронология. Работу в целом отличает высокий профессионализм.

Война — всегда главный и фактически единственный значимый тест для любой армии. В материале Михаила Барабанова содержится интересный анализ реформы Вооруженных сил Грузии, предпринятой президентом Саакашвили. Намерения Саакашвили — модернизировать грузинскую армию — были самыми серьезными, учителя и советники — опытными. Неудача реформы, выразившаяся в бегстве армии с поля боя уже на третий день войны, является следствием проблем не столько армии, сколько современного грузинского государства и общества в целом. Модернизация в отдельной сфере, пишет автор, пусть даже столь специфичной и автономной, как вооруженные силы, невозможна без кардинального снижения уровня коррупции в стране.

Хронология боевых действий, составленная Антоном Лавровым, скрупулезно фиксирует нарастание противоречий между сторонами конфликта и перерастание ставших уже рутинными «провокаций» — перестрелок и подрывов — в прямое столкновение. Материалы, собранные в «Хронологии», дают возможность достаточно убедительно реконструировать планы грузинского и рос-

сийского военного командования. Столь же тщательно проанализированы Лавровым — в отдельных материалах — потери российской авиации в Пятидневной войне и послевоенное состояние грузинской армии. Особый интерес представляет таблица основных поставок вооружения для Грузии из-за рубежа.

При всей полноте хронологии боевых действий она оставляет за кадром хронологию политических событий, которые, собственно говоря, и привели к войне. Требуется отдельное исследование на тему российско-грузинских отношений фактически с момента распада Советского Союза, и особенно с начала «революции роз» и прихода к власти Михаила Саакашвили. Такое исследование должно дать ответ на вопрос о целях и методах политики Москвы и Тбилиси, расчетах и просчетах обеих сторон. Надо отдавать себе отчет, что война 2008 года, которая привела к военному поражению Грузии, стала возможной в результате общей неудачи российской политики на грузинском направлении.

То, что опасность столкновения на Кавказе не исчезла, убедительно демонстрирует материал Вячеслава Целуйко, названный «Настоящее и будущее российско-грузинского конфликта. Военный аспект» (курсив мой. — Д.Т.). Конечно, ведущая роль в развязывании конфликтов принадлежит политическим факторам — как внутренним, так и международным, — которые остаются за кадром, но профессиональный анализ состава сил и средств, их дислокации, состояния и т. п. имеет большое значение для общей оценки ситуации.

«Августовские пушки» оказались очень своевременной книгой. Остается надеяться, что — при всем несходстве жанров и различии в охвате тем — «Танки августа» будут способствовать извлечению необходимых уроков из совсем недавней истории. Войны 2008-го могло не быть. Новой российско-грузинской войны быть не должно. ■

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

АСОНОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА — семейный педагог, сотрудник методического управления «Содействие» Московского гуманитарного педагогического института, кандидат педагогических наук.

КАРПОВА ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА — доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, координатор проектов Центра социальной политики и гендерных исследований, кандидат социологических наук.

КОРОЛЁВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА — сотрудник отдела социокультурных исследований Левада-Центра.

КУКУЛИН ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ — филолог, литературный критик, социолог культуры, старший научный сотрудник Московского гуманитарного педагогического института, преподаватель Государственного университета — Высшей школы экономики, кандидат филологических наук.

КУСТАРЁВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ — независимый автор.

ЛЕВИНСОН АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ — руководитель отдела социокультурных исследований Левада-Центра.

ЛЬВОВСКИЙ СТАНИСЛАВ — поэт, прозаик, литературный критик.

МАЙОФИС МАРИЯ ЛЬВОВНА — филолог, историк культуры, докторант Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета.

МАКАРКИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — первый вице-президент Центра политических технологий.

ОЛЕЙНИК АНТОН НИКОЛАЕВИЧ — старший научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Университета Мемориал (Канада), доктор социологии (*PhD*), кандидат экономических наук.

СВЕШНИКОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА — преподаватель кафедры социологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук.

ТРЕНИН ДМИТРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ — директор и председатель научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Внешняя политика и безопасность» Московского Центра Карнеги, кандидат исторических наук.

ФЕДЮКИН ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ — директор по прикладным исследованиям Российской экономической школы.

ФОН ЭГЕРТ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ — член консультационного совета журнала *Pro et Contra*, член Королевского института международных отношений в Лондоне.

ХОФФМАН ДЭВИД — журналист газеты *The Washington Post*.

Vol. 14, No 1—2 (48)

COVER STORY

THE EMERGENCE OF A CIVIC CULTURE OF PARENTHOOD

The new parenthood and its political aspects

BY MARIA MAYOFIS AND ILYA KUKULIN

Parenthood is both a micro- and macro-social phenomenon, involving principles closely linked to civic identity. Contemporary Russia is witnessing a transformation of the values of parenthood and childrearing. Although this hidden and rarely analyzed process is in itself not political, it could evolve into one of the factors that shape civic identity. Perhaps for this reason – though, possibly, for others as well – this process has elicited a quite energetic reaction from the political elite.

Going beyond justice: Defending the defenseless

BY STANISLAV LVOVSKIY

Crimes against children, involving a level of cruelty to which society is unaccustomed, are a legitimating frame for the demand for violence in general. “Defending the defenseless” is in Russia, as in many Western countries, the realm in which any degree of reactive violence is allowed. All of the aggression otherwise limited by international and domestic conventions flows into this channel. The battle against pedophilia and other (more or less) related phenomena is the one area in which society feels it has the “right” and is prepared to apply those means otherwise excluded from the legal arsenal.

The organizations of non-civil society

BY SVETLANA KOROLYOVA AND ALEXEY LEVINSON

The problem of handicapped children reflects processes affecting society as a whole. Conceptions of how such children should live are changing, driven by significant transformations in Russian culture. As for the future social inclusion of handicapped children, we expect that Russia will eventually arrive at a ‘social’ model, in which preference will be given to family inclusion and adaptation rather than to orphanages and care homes.

Russian parents: New behaviors and worldviews

BY OLGA SVESHNIKOVA

Contemporary Russian parents’ views of the future are blurry, and the parents themselves are often socially disoriented. This is because the new generation of parents does not have a stable understanding of the mechanisms of mobility from one social class into another. This social disorientation is the result primarily of the radical shifts that occurred in Russia with the fall of the communist system, as well as the peculiarities of Russia’s post-communist development.

New values in child-parent relationships

BY EKATERINA ASONOVA

In contemporary Russia, the informational space of parenthood is a field of public discussion of values, which are once again (as in the early 1990s) being rethought. The way in which adults relate to children is changing, and communication and interaction are being reevaluated. The development of the market and the satisfaction of primary demands for even the least well-off parents has led to a perception of parents’ role not as materially burdensome, but as encumbered with significant social and ethical responsibilities.

Parents’ associations in the realm of culture

BY GALINA KARPOVA

The practice of creating parents’ associations, which had already existed in the form of guardianship councils and parental committees and have been particularly widespread in education, is actively being applied in the area of supplemental education for children. The result is an increased parental responsibility for children’s socialization and, accordingly, a broader remit for parents’ associations than had been enjoyed by parental committees in the Soviet period. Parents today are involved in the resolution of strategic tasks.

ARTICLES

START-2: To be continued?

BY DAVID HOFFMAN

The fact is, the United States and Russia are saddled with thousands warheads that are no longer relevant to the age we live in. Today's real threats are more diffuse, more regional, more asymmetrical than during the Cold War. Nuclear weapons did not deter Osama bin Laden from the 9/11 attacks nor did they deter the Chechens from the Nord Ost theater siege. Nuclear weapons did not feature in Russia's war with Georgia, either. They are increasingly militarily useless. They are not needed for deterrence. They are expensive and dangerous.

Masters of the market

BY ANTON OLEJNIK

The process of modernization must bring the gradual separation of three elements of the institutional framework on which the structure of power relations is directly dependent: that of the ruler, the government and society. In power-centric

societies, the complete division of these institutions is impossible, because daily interactions are rooted in power. If a process of differentiation does occur, it leads not to the creation of three co-equal elements, but of a pyramid with the ruler at the top, society at the bottom and the state in between.

Monuments of contemporary Russia

BY ALEXEY MAKARKIN

In Russian history, monuments have traditionally been tied up with propaganda, a process driven from the center. The rulers of the Russian Empire and the Soviet Union were interested in promoting those historical images that would serve to consolidate the country. In the new Russia, the situation has changed significantly, and the dominance of the state in issues of 'monumental propaganda' has slipped into the past. More than ever before, decisions about new monuments are influenced by local logics.

Book Reviews

Our Authors